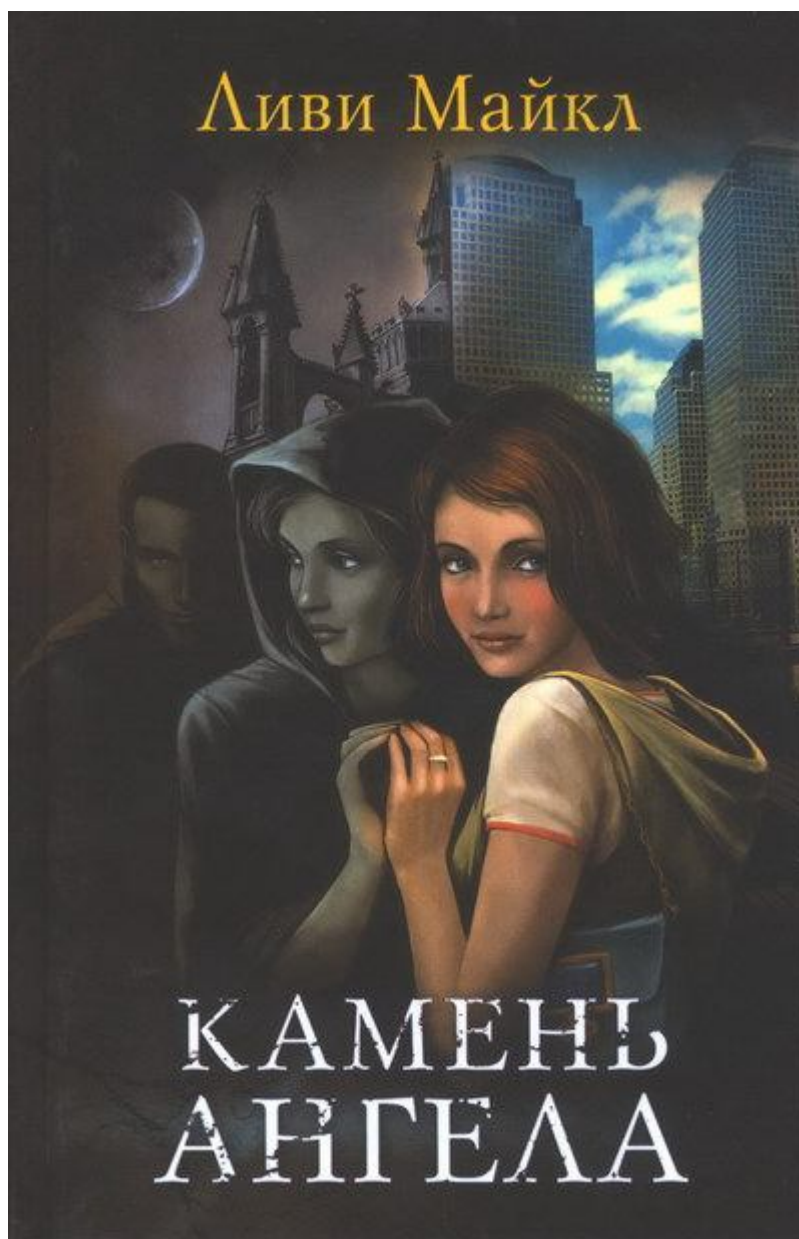

**Ливи Майкл
Камень ангела**

Scan - Ronja_Rovardotter. OCR & Formatting - Alex1979. ReadCheck & Formatting - Ronja_Rovardotter.
<http://oldmaglib.com>

«Ливи Майкл "Камень ангела"»: АСТ, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2010
ISBN 978-5-17-062266-5, 978-5-9725-1543-1

Аннотация

Студентка Кейт из Манхэттена отправляется на экскурсию в заброшенную средневековую церковь. У девушки возникает ощущение, что она уже бывала здесь раньше, хотя этого и не может быть... А в 1604 году при монастыре воспитывается и обучается Кит. Однажды в тот же монастырь попадает Саймон, мальчик из рода ясновидящих цыган, который слышит голоса ангелов, но совершенно не приспособлен к жизни среди людей. Кит берет Саймона под свою опеку.

Судьбы Кейт в настоящем и Кита с Саймоном в прошлом оказываются связаны, благодаря магической власти Камня ангела. Кто-то из троих должен принести страшную

жертву. И как эта жертва отразится на их будущем и прошлом?

Завораживающие хитросплетения истории, тайна перемещений во времени, удивительная судьба девушки, живущей сразу в двух эпохах.

Ливи Майкл «Камень ангела»

Посвящается отцу, который всегда верил в меня

В СКЛЕПЕ

*Есть в церкви неприметный уголок:
В склеп узенькая лесенка ведет.
Таинственный мерцает огонек,
Тут сыро и могилой отдает.
Лишь тени от колонны на полу,
И странностей как будто вовсе нет.
Но чудится, что кто-то есть в углу,
И в сумраке таится чей-то след.*

*Его вам не увидеть никогда
И не услышать в гулкой тишине.
Ведь он скользит по времени всегда —
Неуловим, как тени на стене.
Он в прошлом или будущем — как знать?
Он никуда не может опоздать.*
Саймон Вуд

ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС

Манчестер, наши дни

Кружение медленно остановилось, и снова стало темно. Кейт ощущала под ногами шероховатость каменных плит, а в воздухе — холодную сырость. «Где я сейчас? — подумала она. — И в каком времени?»

Кажется, она сидит на деревянной скамье. Девочка пошарила вокруг себя, и пальцы нащупали что-то металлическое. Фонарик.

Кейт включила его. Бледный луч упал на Камень ангела, осветив контуры фигуры, вырубленной из песчаника. Камень ангела. Его она узнала. Единственная вещь, которая уцелела на протяжении всех этих столетий и не изменилась. Кейт сделала глубокий вдох. Она снова здесь, в соборе, как будто ничего не произошло. Вот перегородка на хорах, вот видеомонитор. Дверь в склеп закрыта. Что же она должна сейчас сделать?

«Я здесь, так? — мысленно произнесла она. — Что же дальше?»

Ничего.

Темнота и безмолвие. Кейт затаила дыхание и прислушалась, сжимая обеими руками фонарик. Лишь шепот деревьев доносился снаружи. Ей стало казаться, что мир рушится; хотя вокруг нее ничего не изменилось. Она продолжала сидеть, выжидая, пока мир не примет какие-либо понятные ей формы.

«Только в темноте мы понимаем, кто мы такие на самом деле».

Она никак не могла вспомнить, кто именно это сказал.

Кейт выключила свет. Она заставила себя немного посидеть в полной темноте. Почувствовав вдруг, что руки онемели, девочка с усилием разжала пальцы.

— Вот так-то лучше, — произнес голос прямо над ее ухом.

Вздрогнув, Кейт выронила фонарик. Она в панике зашарила руками по скамье, а

нащупав, включила и посветила вокруг. Луч упал на старика, сидевшего на скамье подле нее. Он поднял руку, инстинктивно заслоня глаза от света.

— Не надо, — попросил он. — Мои глаза уже не те, что были раньше.

И улыбнулся, как будто сказал что-то смешное. Кейт резко вскочила, не выпуская его из ореола света. Бледный луч высветил длинные серебристые волосы и черную шапочку на голове. На старике был темный пыльный плащ, доходивший до пола и ниспадавший складками вокруг ног.

— К-кто вы? — спросила она, не сразу обретя дар речи. — Что вы здесь делаете?

«И что здесь делаю я?» — могла бы она добавить, но воздержалась.

— Хорошие вопросы, — сказал старик. — Однако выключи свет, пожалуйста. Я тебя не вижу.

— А вот я вас вижу, — ответила Кейт.

Она медленно придвигалась к нему, продолжая светить прямо перед собой. Старик заслонил лицо от света рукавом, и Кейт смогла рассмотреть поношенную шерстяную материю с выдернутыми нитками.

— Ты боишься темноты? — мягко осведомился он.

Кейт не ответила. Она в упор разглядывала его, но видела лишь шапочку, а ниже, под рукавом — серебряную бороду.

— Ты ничего не узнаешь, если будешь бояться, — сказал он.

Кейт ударилась ногой о деревянную скамью, и луч фонаря отклонился в сторону, но она быстро направила его обратно на старика.

— Твое поколение ничего не знает о темноте, — с грустью продолжал он. — Поэтому и ты не знаешь ничего. Разве не помнишь, как я говорил тебе, что только в темноте мы понимаем, кто мы такие на самом деле?

Он поднял вторую руку, и фонарик погас.

Она услышала свой крик: «Нет!» В отчаянии Кейт защелкала выключателем, но ничего не изменилось.

— Прости, — сказал старик, — но я не могу с тобой разговаривать, пока эта штука светит мне в глаза.

Девочка стояла в полной темноте, совершенно позабыв о том, кто она такая. Ей хотелось убежать, но она понятия не имела, в какой стороне выход. Хотелось задать вопросы, но она лишь слышала, как кровь стучит у нее в ушах.

— Итак, — продолжил старик, — что же именно ты хотела узнать?

Кейт нащупала ногой твердую скамью, и это ее немного успокоило.

— Кит — Кейт, — обратился он к ней. — Пожалуйста, не бойся меня. Я сейчас тебе все объясню.

— Я хочу знать, где мой отец, — ответила она.

При этих словах она ощутила такой приступ тоски, что чуть не задохнулась. Почему он покинул ее?

— Ты помнишь, как я однажды показал тебе звезду? — осведомился старик.

И внезапно Кейт вспомнила, как ее уколол луч ледяного света, проникший в окно. Она была там с этим стариком. Настоятель. Теперь она его вспомнила. Они смотрели на звезду сквозь тонкий лист олова, в котором были просверлены дырочки. Настоятель передвигал этот лист вверх и вниз на деревянной палке, объясняя природу звездных орбит. Одновременно ей вспомнилось, как отец рассказывал ей о времени, используя лист бумаги и иглу.

— Существуют разные миры, Кит, — сказал настоятель. — И каждый из них по-своему раскрывает небесный план. Ты никогда не задумывался о тайнах других миров, Кит? У тебя не возникло собственных вопросов?

— Почему вы продолжаете называть меня Кит? Где мальчик? Где... — Однако она не могла заставить себя думать о Духе. — Что вы с ним сделали?

Настоятель грустно улыбнулся.

— Я послал его в путешествие, — ответил он.
Кейт вдруг стало страшно.
— В путешествие? — повторила она. — Куда?
Настоятель не ответил.
— Вы имеете в виду, что убили его! — воскликнула она.
— Убил? — Голос настоятеля прозвучал задумчиво. — Можно взглянуть на это и таким образом.
— А как же еще можно на это взглянуть? — резко произнесла Кейт.
— О, ты удивилась бы, если бы узнала, — прозвучал ответ, и голос настоятеля сделался меланхоличным.
Кейт пришла в ярость.
— Вы ведь убили его, не так ли? — воскликнула она. — Признайтесь! Убили... Но почему? Что он вам сделал?
Она рассердилась, почувствовав, что слезы навернулись ей на глаза, и сердито смахнула их.
Настоятель поднялся, и в сумрачном свете, проникавшем в окна, она увидела, как он заломил руки, словно от мучительной боли.
— Кит — Кейт, — обратился он к ней. — Пожалуйста, не бойся меня. Я сейчас тебе все объясню, по крайней мере, попытаюсь объяснить.
Он тронул ее за плечо. Кейт хотела отодвинуться от старика, но он взял ее за руку.
— Пойдем со мной, — произнес он мягким голосом, и Кейт, к своему удивлению, позволила увлечь себя к маленькой сводчатой двери в северной стороне собора.
Девочка открыла дверь и остановилась, пораженная.
Справа от собора современное здание Урбиса сияло зеленоватым светом, по Корпорейшн-стрит изредка проезжали машины. Вспыхивали разноцветные неоновые вывески, и уличные фонари заливали дорогу ярким электрическим светом. Даже тяжелые облака мерцали оранжевым отблеском.
А слева от Урбиса, чуть поодаль, сгрудились, навалившись друг на друга, обшарпанные таверны Лонг Миллгейт — точно такие же, как четыреста лет тому назад. Все было окрашено в какой-то тусклый, желтоватый зимний свет. Ветер гнал по улице пыль и овощные очистки. Кейт слышала, как невдалеке шумит река. Она в недоумении переводила взгляд с одного мира на другой. Как она ни старалась, ей было никак не найти ту черту, за которой менялось небо, или время.
— Все это здесь, — удивленно произнесла она вслух. — Все это здесь, сейчас.

САЙМОН

1

2 октября 1604 года

Голова Саймона покачивалась в такт трясущейся повозке и вдруг резко дернулась от сильного толчка. Мать крепче прижала мальчика к себе.
— Манчестер, — объявил возчик и метко сплюнул с моста в воду.
Это был немногословный человек, который все время что-то жевал. Саймону хотелось узнать, что это он жует, но как только он собирался задать вопрос, мать чувствовала это и сжимала его руку, заставляя молчать.
Но сейчас вознице, по-видимому, самому хотелось поговорить.
— Видите вон ту церковь? — спросил он. — Настоятель-то — колдун.
При этих словах он искоса взглянул на мать Саймона, и она поспешно отвела взгляд. Перед ними возвышалась огромная церковь, окруженная группой зданий. Весь день низкие тучи обещали дождь, но сейчас из-за них выглянуло оранжевое солнце, и окна церкви

вспыхнули, а камень колокольни засиял мягким светом.

— Черный колдун, да, — продолжал возчик. — Некоторые говорят, можно увидеть, как он взлетает с колокольни, как черная ворона на закате. Другие рассказывают, что ночью он оборачивается большой черной собакой и бродит по улицам.

Саймон почувствовал, как мать опять сжала его руку.

— Так что вам нужно быть тут осторожнее, — предупредил возчик. — Смотрите в оба.

Саймон не знал, что это означает, но под предостерегающим взглядом матери спрашивать не стал.

— Вы же не хотите, чтобы он превратил вас во что-нибудь мерзкое.

— Мы не станем его беспокоить, — сказала мать Саймона, поскольку возчик, вероятно, ожидал ответа.

— Но может быть, он-то вас побеспокоит, — возразил возчик, и женщина умолкла.

Саймону не нравился возчик. Он так и сказал маме, когда они влезли в повозку, но она шикнула на него. Они преодолели более двадцати миль, и это была первая остановка за все время. Сейчас возчик стегнул лошадь, и она медленно потащила повозку через мост над рекой, в город.

Когда они проехали часть моста, вдруг раздался хриплый, отчаянный голос:

— Воды!

Саймон так резко подпрыгнул, что чуть не вывалился из повозки.

— Воды! — молил голос. — Ради бога!

Саймон оглянулся, но так и не понял, откуда доносится этот голос. Возчик захихикал.

— Это волшебный мост, — сказал он, подмигивая мальчику.

— Воды! — снова раздался голос.

— Воды! — закричал Саймон точно таким же тоном.

— Неплохо, — одобрил возчик. — Он мог бы выступать с бродячей трупой.

Саймон свесился из повозки в ту сторону, откуда доносились крики.

— Саймон! — одернула его мать, втаскивая обратно. — Откуда он раздается? — обратилась она к возчику, и тот указал в сторону любопытного строения, находившегося посередине моста.

— Маленькая часовня, — пояснил он. — Построена давным-давно. Теперь ею никто не пользуется. Но внизу есть подземелье для тех, кто провинился.

Он щелкнул хлыстом, и лошадь миновала часовню. Голос продолжал взывать к ним:

— Воды!

— Вокруг тебя полно воды, — ответил возчик, — стоит только посмотреть.

Саймон увидел, что здание накренилось с одной стороны моста и повисло над вспенившейся рекой. Мальчик привстал, вытянув шею в ту сторону, откуда доносился голос.

— Они его выпустят? — прошептал он на родном языке.

Мать ничего не ответила — лишь усадила на место, поплотнее укутав в синее одеяло, которым они прикрывались ночью.

— Тише, Саймон, — сказала она шепотом.

— Вам ни к чему расстраиваться из-за такого, как он, — заметил возчик. — Он попался на воровстве, а может быть, не ходил в церковь. Скорее всего, вы увидите его завтра в колодках.

Возчик резко стегнул лошадь перед подъемом в гору. Саймон молча смотрел на его толстую шею и вдруг почувствовал, как засосало под ложечкой, затем задрожали руки и ноги. Он попытался думать о матери, о ее тонких пальцах, сжимавших его руку, и о прядях темно-рыжих волос, щекотавших ему лицо.

Возчик остановил лошадь неподалеку от церкви.

— Дальше я не поеду, — сказал он. — Вам бы лучше здесь сойти.

Он спустился с повозки, обмотал вожжи вокруг ветки дерева, потом протянул руку матери Саймона.

— Плата, — потребовал он.

Женщина вцепилась в соскользнувшее одеяло.

— У меня нет денег, — ответила она.

— А я и не думал, что они у вас есть, — заметил возчик.

Поколебавшись, мать Саймона отпустила одеяло и подала возчику руку. Саймон схватил ее за юбку, но она его отстранила.

— Жди здесь, — велела она, легонько погладив его щеку. — Я ненадолго.

Секунду она постояла в повозке, затем легко прыгнула на землю. Саймон следил за тем, как возчик ведет мать в рощицу, к деревьям и кустам.

Саймон сжался в комок, обхватил руками трясущиеся колени. Он чувствовал запах нового города — у каждого города, в который они приезжали, был свой собственный запах. Здесь пахло дымом от сжигаемого мусора, а еще — влажной шерстью, разложенной в полях на просушку. Несмотря на вечернее время, вокруг кипела жизнь: стучали колеса повозок, хрипло ругались мужчины, плакали младенцы, перекликались между собой женщины. Запах людей был резким и характерным, как у коров. Саймон слышал, как со звоном ударяется по наковальне молот кузнеца, как лает собака и как гремят перекачиваемые бочки. Потом вдруг зазвонили колокола на церкви, и после перезвона один колокол стал отбивать часы. При каждом ударе Саймон клал по одному пальцу на поношенную ткань своих штанов — таким образом мать учила его считать, но он всегда сбивался, не дойдя до пяти.

С колокольни слетела птица и, медленно описав круг, опустилась на ветку, почти вровень с головой Саймона. Она была так близко от мальчика, что он мог разглядеть ее перья — не все черные, попадались и синеvато-зеленые, — и круглый оранжевый глаз. Птица склонила голову набок, затем издала хриплый звук. Саймон поспешно прищурился, вспомнив то, что возчик рассказывал о настоятеле. Птица придвинулась ближе, и ему стали видны неровности костистого клюва и тонкий, дрожащий язык. Затем она расправила крылья и резко взлетела вверх.

В ту минуту, когда птица поднялась в воздух, в голове Саймона как будто что-то сместилось. Он чувствовал, как там что-то кренится и бурлит, и слегка покачнуvлся, пытаясь удержать равновесие. Мальчик поднялся на ноги и огляделся, но птица скрылась из виду. Именно об этом ему всегда хотелось узнать. «Куда улетают птицы, мама? — спрашивал он. — Куда они улетают?»

Как бы в ответ у него за спиной внезапно зашуршали ветви, и из-за них показалась мать. Она запыхалась, и у нее был смущенный вид. Она поспешила к повозке и, протянув Саймону руку, посмотрела на него тем упорным взглядом, который он хорошо знал.

— Бежим! — воскликнула она.

2

Саймон прыгнул с повозки, приземлившись на четвереньки в грязь. Он умел быстро бегать, быстрее, чем мать, которой мешала длинная юбка, и вскоре он уже тащил ее по тропинке, которая проходила между двумя высокими стенами и вела к городским улицам. Возчик следовал за ними. Саймону казалось, он фыркал и ворчал, как большой зверь. Мальчик ощущал его жаркое зловонное дыхание на затылке.

Но в конце дорожки он совсем забыл о возчике. Многочисленные прохожие несли кувшины с водой, корзины с выстиранным бельем и свежесрезанной зеленью. Дома стояли очень близко друг от друга, и первый этаж выступал вперед, так что люди могли протянуть через улицу руку и потрогать друг друга. На пороге одного из домов сидела женщина и пряла. По узкой улочке, где, казалось бы, невозможно было проехать, медленно катилась повозка с бочками, направлявшаяся к пивной. В лавке мясника с железных крючьев свисали свиные туши с вспоротым брюхом и обнажившимися ребрами, а вокруг них собирались голодные собаки.

Саймон с матерью пробирались сквозь толпу. Мальчику не нравилась такая толчея, но он знал, что лучший способ скрыться — затеряться в толпе; им приходилось не раз так

делать. Они прокладывали путь вдоль извилистой улочки, следуя за слабыми, но отчетливыми звуками музыки. Прошли мимо лавки аптекаря, в окнах которой были выставлены разноцветные пузырьки. Затем столкнулись с ночным сторожем, который трезвонил в колокольчик и выкрикивал время, а потом — с двумя мужчинами в мантиях членов церковной коллегии, тоже звонившими в колокольчик и призывавшими подавать милостыню для бедных.

Саймон надеялся, что им удастся найти что-нибудь съестное, и тогда они смогли бы выбраться из этого шумного, вонючего города и, как обычно, заночевать в лесу. Он уже чувствовал, как у него слипаются глаза — даже в таком оживленном месте. Ему казалось, что сквозь весь этот шум он слышит тихий зов лесов, где кипит тайная жизнь, что-то вынюхивая, прячась в норы и устраиваясь на покой среди корней деревьев и в подлеске. Опустив глаза и расставив локти, он пытался двигаться в одном ритме с толпой, которая напоминала какого-то многоголового зверя. Потом они свернули за угол, и мать остановилась.

— Вот вы где! — воскликнул возчик.

Глаза Саймона широко открылись, и мать сжала его руку. Возчик с гнусной ухмылкой смотрел на женщину; за спиной у него стоял ночной сторож с фонарем и длинным топором.

Мать Саймона отступила на пару шагов. Через пальцы мальчику передавался ее страх.

— Это те самые, о которых я вам говорил, — сказал возчик, не отрывая взгляда от женщины. — Я знаю, что вам нужно сообщать о незнакомцах.

— Мы не забираем нищих, — ответил ночной сторож.

— Они не нищие, — возразил возчик. — Они со мной.

Мать посмотрела на него и тут же отвела взгляд. Ночной сторож кивнул в ее сторону и спросил:

— Она беременна?

— Нет, — поспешно произнесла мать Саймона, поскольку знала, что никакому приходу не нужен лишний рот.

Ночной сторож смотрел на них со злобным прищуром. Глядя на сверкающее лезвие топора, Саймон размышлял о том, как далеко им удастся убежать. В одном городе его мать прогнали кнутом по улицам, в другом их преследовали с криками: «Лови! Держи!»

— У вас есть где остановиться? — осведомился ночной сторож.

— Они пойдут со мной, — возчик не дал матери Саймона ответить и решительно направился к своей повозке.

— Очень хорошо, тогда ступайте, — велел ночной сторож. — Только не дай бог церковному сторожу увидеть, как вы просите милостыню! Он прикажет вас высечь!

Возчик ничего на это не ответил, но натянул поводья, и лошадь тронулась с места, в знак протеста издав слабое ржание. Городской шум усилился, когда они медленно проезжали по улице. Саймон видел, как торговцы закрывают ставни своих лавок, а молочница несет полные до краев ведра. Крошечный мальчик в тонкой рубашечке бежал перед ними, а его мать звала пронзительным голосом: «Иоаким! Иоаким!» Телеги побольше, чем у возчика, загрозили главную улицу возле рынка, и возчики приветствовали друг друга. Наконец они оказались на длинной улице, все дома на которой были разных размеров и как бы опирались друг на друга. Кто-то выплеснул из окна помой, и они чудом успели увернуться.

Затем возчик остановил свою лошадь и как-то странно взглянул на мать Саймона.

— Ну что же, леди, — обратился он к ней. — Отдавайте его обратно.

Женщина потупила взгляд. Саймон с удивлением посмотрел на возчика.

— Отдайте его, миссис, — повторил возчик. — Или я снова позову ночного сторожа.

Мать Саймона, не поднимая глаз, быстрым движением вынула кожаный кошелек и положила на сиденье. Схватив Саймона за руку, она вместе с ним спрыгнула на землю.

— Считайте, что вам повезло! — сказал возчик, стегнув лошадь вожжами, так что она двинулась за ними. — Это место называют Канавой Повешенных!

Он проехал мимо, и грязь из-под колес повозки забрызгала юбки матери.

Мимо просвистел мяч, и один из мальчишек насмешливо посмотрел на мать с сыном. Женщина сжала руку Саймона.

— Пошли, — прошептала она.

На некоторых из домов имелась вывеска с изображением руки. Это означало, что здесь варят пиво. Мать Саймона робко постучалась в боковую дверь одного из них. Когда из дома вышла служанка, мать сделала перед ней реверанс.

— Да сохранит вас бог, миссис, — обратилась она к девушке. — Да благословит бог вас и вашу семью...

— Убирайтесь! — ответила та, захлопнув дверь.

— Миссис, — говорила мать Саймона возле следующего дома. — Я хорошая работница, очень выносливая, и нам не надо денег — только немного еды и место для ночлега.

Она поспешно отступила, когда женщина позвала собак.

— У вас доброе лицо, миссис, — говорила она в третьем месте, приседая в реверансе и устремив вверх искренний взгляд. — Счастливое лицо. Я могу предсказать вам судьбу по вашему лицу.

— Колдовство! — воскликнула женщина и перекрестилась, защищаясь от сглаза.

— Никакого колдовства, миссис, это Божий дар, — возразила мать Саймона и, сжимая его руку, поспешила по улице прочь и от этого дома.

Прошло более часа, и улицы почти совсем опустели, а мать с сыном так и не нашли прибежища. Усталой походкой они брели мимо ветхих пивных. Доносившийся из них запах баранины напоминал Саймону о том, как он голоден. Ему приходилось ждать, пока мать заходила в одну пивную за другой и быстро возвращалась, усталая и разочарованная. Саймону не нравились кабаки. От прогорклого запаха жира его тошнило, несмотря на голод, а крики и смех, доносившиеся изнутри, оглушали его. Он все время спрашивал мать, нельзя ли им теперь уйти, но она лишь качала головой. По-видимому, она решила остаться в городе.

— Снова ты! — заорал какой-то мужчина. — Куда это ты идешь, а?

Старуха, стоявшая в дверях, плюнула, когда они проходили мимо.

— Пошли ко мне домой, красотка, — предложил какой-то оборванный старик, покрытый язвами, и двое мальчишек в переулке захихикали.

Начался мелкий дождь, и мать Саймона накрылась вместе с ним синим одеялом.

— Мне здесь не нравится, — сказал Саймон, но мать ничего не ответила.

— Дауа! — произнес он, коснувшись ее лица. — Пошли.

Но мать только покачала головой и сказала, что здесь он должен говорить по-английски.

Они шли мимо других домов, на которых тоже была вывеска с рукой. Из одного доносились крики и пение, из другого выкатилось несколько мужчин, сцепившись в драке. Вместе с ними из пивной вырвалась целая толпа, и все они кричали на драчунов. Саймон с матерью метнулись назад, в тень ближайшего переулка. Из боковой двери выскочила женщина, пронеслась мимо них и врезалась в толпу.

— А ну-ка, расступитесь, пьяницы! — заорала она и, схватив бадью, стоявшую у входа, окатила водой двоих дерущихся мужчин, которые отпрянули друг от друга под хохот и насмешливые возгласы.

Эта женщина, маленькая и кругленькая, но свирепая, сгребла одного из них и как следует поддала ему ногой.

— Убирайся домой! — велела она драчуну, затем принялась за остальных.

— Это относится и к вам тоже! Вам должно быть стыдно. Как будто у нас и без этого мало неприятностей!

Вот так она несколько минут распекала их. Некоторые пересмеивались и подтрунивали над ней, но тем не менее один за другим, ворча, отступили.

— Ну вот, теперь мне придется опять набирать воду! — сказала женщина. — А я зуб даю, что водочка закрыта.

С этими словами она подхватила бадью и поспешила на рыночную площадь.

Мать взглянула на Саймона и сжала руку, и они последовали за женщиной. Мальчик не понимал, зачем это нужно — разве что им все равно нечего было делать.

Рыночная площадь уже опустела. Лишь какой-то человек пристраивал доски для разделки мяса к грубым деревянным прилавкам, да старик с метлой неторопливо подметал мусор. В центре площади стояла высокая каменная колонна, а рядом с ней — деревянный пьедестал с лесенкой. Сверху были прикреплены колодки. Саймон отвел взгляд: он слишком много раз видел это орудие пытки в действии.

Голуби слетели с коньков крыш, чтобы поклевать мусор. Саймон ощутил, как у него покалывает в плечах, и руки поднялись, как крылья. Затем он услышал женский голос.

— Лейте, лейте, — сказала она. — Вы же еще не закрылись.

— Вы знаете правила, — ответил мужской голос. — Лишь столько воды в один сосуд, сколько может унести женщина.

— Но я ведь женщина, — возразила она. — А унести могу гораздо больше. Лейте еще!

— Вы уже здесь были один раз, — заметил мужчина.

Мать с Саймоном быстрым шагом пошли на звук голосов. Там, где соседняя улица упиралась в рыночную площадь, была водокачка, а рядом стоял на страже мужчина. Саймон увидел перед ним маленькую кругленькую женщину, пухленькую, как птичка. Светло-каштановые волосы выбились у нее из-под чепчика.

— Разве я не женщина? — игриво произнесла она, и мужчина, который был очень молод — не намного старше, чем Саймон, явно сконфузился.

— Это моя работа, миссис, — начал он, но она отвернулась от него, когда к ним приблизилась мать Саймона.

У женщины было маленькое острое личико, один глаз слегка косил. Она вытянула шею, словно ожидая неприятностей.

Мать Саймона остановилась на некотором расстоянии, наклонив голову. Молодой человек смерил ее взглядом, но она не подняла на него глаз.

— Да хранит вас бог, миссис, — обратилась она к женщине.

— И вас тоже, — ответила та, глядя на Саймона, который сейчас описывал руками круги, наблюдая за птицами.

— Мой мальчик хочет пить, — сказала мать.

— Нам здесь не нужны нищие, — сразу же отрезал молодой человек.

— О, забудьте хоть раз про вашу службу, Джонатан, ладно? — попросила его женщина, и он отцепил от передника металлическую кружку с длинной ручкой. — Дайте парню попить.

Казалось, Джонатан хочет возразить, но затем вздохнул и нажал на ручку насоса. Вода полилась в металлическую кружку, и женщина протянула ее Саймону. Мальчик начал жадно пить, потом передал кружку матери, которая допила воду и вытерла рот.

— Вам есть где остановиться? — спросила женщина, и мать Саймона отрицательно покачала головой.

— Я же вам сказал: нищие, — тихо произнес Джонатан. — Нас предупредили насчет них.

— Я могу работать, — поспешно вставила мать Саймона.

— Конечно, можете, — согласилась женщина. — И мальчик тоже — он ваш сын?

Мать Саймона кивнула, а сам он подбежал к тем птицам, что поближе, и вспугнул их.

— Дурачок, да? — сказала женщина, и мать Саймона напряглась.

— Он хороший сын, — начала она.

— О да, они всегда такие, — подтвердила женщина. — Похоже, он здоровый, сильный парень. И достаточно большой, чтобы носить воду. Так что не спорьте, — обратилась она к Джонатану, который открыл было рот. — Теперь тут две женщины и большой, сильный мальчик. Наполняйте мой бочонок.

— Вам бы нужно заглянуть к миссис Баттеруорт, — посоветовала она матери

Саймона, — если вы хотите койку на ночь и работу утром. Я именно туда и направляюсь. Если мастер Джонатан пошевелится.

С раздраженным видом наполняя деревянную бадью, Джонатан пробормотал что-то о Правиле Лорда, но женщина уже не слушала его.

— Ты сможешь это унести? — спросила она Саймона, когда тот вернулся.

За прошедший год Саймон вытянулся и окреп. Теперь он был выше своей матери. Он взялся за бадью и, собравшись с силами, поднял ее. Она была тяжелой, но он бы никогда не признался в этом.

— Не знаю, что скажет констебль, — проворчал Джонатан.

Лицо женщины вспыхнуло.

— А я не знаю, что скажет ваш хозяин, когда услышит, что вы болтаетесь по тавернам, — отрезала она, и Джонатан густо покраснел, открыл было рот, но снова закрыл.

— Ступайте за мной, — сказала женщина и быстрым шагом пошла через площадь. Саймон, пошатываясь, побрел за ней. — Я мисс Берлоу, но все зовут меня Сьюзен. А вас как зовут?

— Миссис... Пеплоу, — ответила мать Саймона. Прежде она называлась другим именем и сейчас легонько дотронулась до сына, чтобы он запомнил. — Мари. А это мой сын, Саймон.

Сьюзен одарила его мимолетной дружеской улыбкой.

— Он похож на моего младшего брата, — сказала она. — Сколько ему лет? Двенадцать? Тринадцать?

Мари кивнула.

— Он вырастет высоким, не так ли? — добавила Сьюзен. — Сильные руки и ноги. Ну что же, я уверена, что мы найдем для него работу. Давай-ка ее мне. — Она забрала бадью у Саймона и, несмотря на свой небольшой рост, легко подняла ее.

Они вернулись на улицу, по которой шли раньше, и вокруг опять стало шумно.

— Лонг Миллгейт, — выдохнула Сьюзен.

Мужчины толпой переходили от одного кабака к другому, распевая во всю глотку. Сьюзен ловко пробиравась между ними, не переставая болтать.

— Лучше предоставьте мне вести переговоры, когда мы туда придем. Миссис Баттеруорт последнее время не в духе: ее должны оштрафовать в суде. Но вторая служанка, Пеги — ее сейчас нет — беременна, и нам всем несладко приходится. Так что работы уж точно хватает, коли есть охота; и, по крайней мере, мальчик может поднять бочку с водой. Верно, миссис? — обратилась она к сердитой старухе в дверях.

Та сидела на своем пороге, опустив подбородок на руку, и не ответила Сьюзен, продолжая смотреть перед собой бессмысленным взглядом и что-то бормотать под нос.

Сьюзен остановилась возле дома, где они впервые встретили Сьюзен. Это было самое запущенное здание из всех и ниже, чем соседние. Оттуда вырывались струи горячего воздуха и пахло чем-то жирным. Часть конька на крыше, по-видимому, провалилась внутрь, грязные освинцованные окошки были крошечными, в некоторых местах выбиты стекла. Густой дым валил из накренившейся трубы, а изнутри доносились хриплые голоса, горланившие песню.

— Заведение миссис Баттеруорт! — сообщила Сьюзен.

3

Девушка ввела их в дом. Дверь была такой низкой, что Саймон ударился головой о притолоку. Они сразу же попали в темноту, дым и гам. Проталкиваясь в тесноте, Саймон крепко держал мать за руку.

Пол был скользкий. Сьюзен прокладывала себе путь локтями, покрикивая на посетителей пивной: «Прочь с дороги! Нечего распускать руки!»

Комната освещалась только большим очагом у дальней стены и двумя лампами в оконной нише. Хлопья сажи падали в огонь, и из очага шел дым, а поскольку все к тому же

еще и курили, в комнате было очень душно. Один мужчина взгромоздился на стол и распевал «Перси Нортумберлендского». Это была известная песня, и несколько человек к нему присоединились. Сьюзен повела Саймона с матерью через дальнюю дверь на кухню, где тоже горел огонь в очаге. Вокруг были развешаны почерневшие кастрюли, а над пламенем висел большой железный котел. Сьюзен поставила бадью с водой на пол и помешала в котле деревянной ложкой.

— Я только схожу за хозяйкой, — сказала она. — Присядьте.

Саймон посмотрел на мать. Ему хотелось задать множество вопросов, главным образом насчет еды, но она лишь покачала головой, притоптывая в такт музыке. Саймон уже подумывал, не присесть ли ему, как вдруг услышал голос:

— Да уж, не очень-то ты торопилась!

Голос был грубый и низкий, совсем как мужской; но когда Саймон поднял глаза, он увидел массивную фигуру женщины, заполнившую дверной проем. На ней была синяя юбка, подвязанная на талии толстой веревкой, с которой свисала огромная связка ключей. Чепчик на голове отсутствовал, а темные волосы были распущены. Сквозь массу волос, свисавших на лицо, Саймону удалось рассмотреть лишь два черных глаза, пристально глядевших на него. Сьюзен вошла вслед за нею в комнату; рядом с хозяйкой она выглядела как воробышек подле большой жирной гусыни. Женщина резко остановилась в нескольких шагах от него с матерью.

— Кто это? — спросила она Сьюзен, не сводя глаз с Саймона и Мари.

— Новые работники для вас. Это миссис Пеплоу, — мать Саймона присела в низком реверансе, — и ее сын, Саймон.

Мари дергала Саймона за руку до тех пор, пока он не сообразил поклониться. Но на женщину это не произвело впечатления.

— Гм-м-м! — произнесла она.

Из другой комнаты послышался возмущенный голос:

— Все пиво высохло, что ли?

Миссис Баттеруорт повернулась и так рывкнула, что задребезжали все кастрюли.

— Придержи своих лошадей, понял? У меня всего одна пара рук! — Затем она обернулась к Сьюзен и приказала:

— Выстави их отсюда. — И она направилась было в зал пивной.

— Погодите минутку, — взмолилась Сьюзен. — Они здесь, чтобы помочь нам. Мы же совсем сбились с ног за эту неделю. Только не говорите, что в доме нет работы!

До них снова донесся мужской голос:

— Что же ты за трактирщица, если не можешь подать пиво?

— Этот не отлепится от пивной кружки даже в аду, — заорала миссис Баттеруорт и перенесла свою тушу через порог, кивнув в сторону Саймона с матерью: — Чтобы их тут не было, когда я вернусь!

Мать Саймона повернулась к дверям, собравшись уходить, но Сьюзен схватила большой засаленный передник.

— Вот, — обратилась она к матери Саймона, — надевайте.

— Но... ваша хозяйка, — возразила Мари.

— Не обращайтесь на нее внимания! Я стерла ноги, работая всю неделю за троих. Если она воображает, что я собираюсь продолжать в том же духе, то ошибается. Эй, послушайка! — обратилась она к Саймону. — Ты можешь разложить жаркое в миски?

Саймон взглянул на мать, та кивнула, и Сьюзен вручила ему другой передник.

— Пошли со мной, — сказала она Мари, и они исчезли в зале, где было полно посетителей.

Саймон был очень голоден. С минуту он постоял, глядя им вслед, потом взял котелок и поварешку. Он попытался хлебнуть варево, но оно было слишком горячим. Осторожно размешав жир, он вылил в миску целую поварешку комковатой жидкости. От этого она переполнилась, и варево перелилось через край. Он вытер миску пальцем и облизнул его. И

тут снова появилась Сьюзен.

— Не так много, — объяснила она. — Смотри, я тебе покажу. — И она вылила пол-ложки в пустую миску, затем взяла поварешку и добавила туда воды. Саймон наблюдал за ней.

— Это охладит варево, — сказала она и, подмигнув ему, вышла из кухни, захватив сразу три миски.

— Нарезь-ка хлеб, — попросила она, снова вернувшись. — Не такими толстыми ломтями, — добавила она и, показав, как тонко резать буханку, положила половину куска в миску с похлебкой.

Саймон нарезал хлеб и раскладывал варево по мискам, в то время как Сьюзен с Мари носились взад-вперед, разнося их посетителям. Он ухитрился не порезать пальцы и даже отведал жаркого с хлебом, когда никто его не видел. Когда Сьюзен приносила из зала пустую посуду, она просто вытирала ее хлебной корочкой и передавала Саймону, чтобы он снова наполнил. Когда жаркого стало мало, она долила котелок водой из бочки. Один раз в дверях появилась миссис Баттеруорт и пристально на него посмотрела — хорошо, что он успел вытереть рот.

— Ты все еще здесь? — рявкнула она.

Саймон не знал, что на это ответить. Миссис Баттеруорт сердито взглянула на Мари, которая вместе со Сьюзен показалась у нее за спиной.

— Она беременна? — спросила хозяйка точно таким же тоном, как ночной сторож.

— Она выглядит беременной? — удивилась Сьюзен, потому что мать Саймона была тонкой, как тростинка. — Уж если кто из нас и похож на беременную, так это вы, — пробормотала девушка, выразительно взглянув на большой, круглый живот миссис Баттеруорт.

— Я не собираюсь кормить тут чужих детей, — заявила миссис Баттеруорт, метнув яростный взгляд в сторону Саймона, в то время как Мари последовала за Сьюзен в зал. — Эй, ты, — обратилась хозяйка к мальчику. — Иди сюда.

Она исчезла за маленькой дверцей в дальнем конце кухни, и оттуда послышалась раздраженная ругань. Потом дверь резко распахнулась.

— Ну давай же, помоги! — крикнула миссис Баттеруорт.

Саймон выронил разливательную ложку, которая со звоном покатилась по полу, и поспешил на помощь. Миссис Баттеруорт поднимала бочку по лестнице из подвала. Саймон тщетно попытался протиснуться мимо нее. Она немного посторонилась и встала за бочкой, сверля мальчика сердитым взглядом. Наклонившись, Саймон взялся за бочку обеими руками. Она оказалась тяжелой, но он был сильным. Его мать всегда говорила, что он не сознает свою собственную силу. Он потянул бочку вверх, и она загрохотала по ступенькам, и, стукнувшись о косяк, прошла в дверь. У миссис Баттеруорт был такой вид, словно ей хотелось сказать что-то ядовитое, но она лишь молча протиснулась мимо мальчика.

— Ну, вот она и на месте, — сказала она.

Саймон подтащил бочку к входу в пивной зал, но хозяйка рявкнула: «Оставь ее!» Миссис Баттеруорт покатила ее дальше ногой, и они вместе с бочкой исчезли за дверью. Хозяйка не вернулась. Через минуту Саймон поднял с пола разливательную ложку, вытер ее о свои штаны и продолжил раскладывать жаркое. Мари пробежала мимо и легонько дотронулась до руки Саймона, чтобы показать, что она им довольна.

Прошло немного времени, и в трактире возникла суматоха, а в дверях кухни появилась Сьюзен.

— Это Черный Джек из Энкоутса, — понизив голос, объяснила она матери Саймона, которая помогала сыну нарезать остатки хлеба. — С ним всегда одни неприятности, он... Не обслуживай его, я сама с ним разберусь.

Саймон взглянул на мать, и она похлопала его по плечу, успокаивая, и понесла в зал еще две миски. Оттуда сразу же послышались взрывы хохота. Саймон уронил ложку в котелок с жарким и поспешил к дверям.

Какой-то мужчина с косматой бородой стоял спиной к очагу. На голове у него была повязана черная косынка, как у пирата. Рядом с ним стояли еще несколько человек, и вокруг них образовалось свободное пространство.

Он озибался, как будто выискивая, к кому бы прицепиться.

— О, да это же мастер Хэншоу! — воскликнул он, глядя на человека постарше, с редкими волосами. — Вы еще не стерли себе коленки, молясь в вашей потайной часовне? — А когда старик не ответил, мужчина в черной косынке продолжил: — А, Роберт Кэппер — ты по-прежнему прячешь священника в той дыре?

Человек помоложе собрался было ответить, но его остановил другой посетитель.

— Миссис Баттеруорт! — вскричал Черный Джек. — В вашем трактире полно папистов!

Хозяйка прошла мимо него, толкнув деревянным подносом.

— Как будто тебе не все равно, безбожник, — ответила она, а когда Черный Джек с дружками громко засмеялись, заявила: — Только начните тут мутить воду, сразу же вылетите! Вы меня слышите?

Черный Джек и его компания пробурчали в ответ что-то нечленораздельное и, взяв с подноса кружки с элем, уселись за стол у очага. Черный Джек достал из мешочка кости, и они начали играть в бабки, ударяя по маленькому черному шарiku на полу. Зеваки наблюдали за игрой, некоторые отворачивались.

Сьюзен поспешила к Саймону, и он быстро ретировался на кухню.

— Где миски? — спросила она. — Давай-ка, поторапливайся!

Саймону хотелось, чтобы рядом была мать, но она исчезла в людном зале. Он обжег пальцы, вылавливая из жаркого ложку, которую уронил в котел. Сьюзен досадливо вытерла ручку грязным полотенцем. Потом у него кончились миски, и Сьюзен, взяв буханку черствого хлеба, показала ему, как отрезать корку и сделать из нее плоску. Он занялся этим, но когда Сьюзен возвращалась в зал, он следовал за ней до двери, пытаясь найти взглядом мать. Наконец Мари вернулась на кухню, и он вцепился в ее передник, но она отстранила мальчика.

— Мне нужно работать, — сказала она, улыбаясь и хмурясь одновременно.

Саймон поспешил за ней, чтобы понаблюдать за залом с порога. Сьюзен обслуживала Черного Джека, но когда мать Саймона проходила мимо их компании, один из них обнял ее за талию.

— А это еще кто? — заорал он. — Новая служанка?

Мари, придерживая миски с жарким, попыталась увернуться, но тут поднялся Черный Джек. Он ухватил чепчик, который заставила ее надеть Сьюзен.

— Сними-ка свой чепчик, красотка, — велел он.

Саймон рванулся вперед, потом огляделся в поисках оружия. Единственное, что он увидел, — это нож на столе. Мать приказала ему никогда не браться за нож. «Его обратят против тебя», — объяснила она. Пальцы Саймона на миг замерли, потом схватились за рукоятку, и он ринулся в пивной зал.

— Оставь ее в покое, — говорила Сьюзен. — Ты же не знаешь, где она побывала.

— Да, зато я знаю, где я бы хотел с ней оказаться, — ответил мужчина.

Мать Саймона изо всех сил отбивалась от Черного Джека. Ее красивые темно-рыжие волосы разметались по плечам. Она потянулась за своим чепчиком, но Черный Джек отодвинул руку, чтобы ей было не достать. Саймон знал, что если из-за них в трактире вспыхнет ссора, их вышвырнут на улицу, и все же ринулся к матери. Но не успел он добежать до очага, как массивная фигура миссис Баттеруорт заслонила свет. Она закатила хорошую оплеуху мужчине, удерживавшему мать Саймона.

— Разве мало было в этом доме неприятностей и без тебя? — загремела она. — Я не стану обслуживать буянов. Либо сядь на место, либо выметайся! — А когда мужчина собрался было дать сдачи, она пролаяла: — Сядь, если хочешь еще эля.

Мужчина сел, что-то ворча себе под нос, а Мари вырвала свой чепчик у Черного Джека.

Миссис Баттеруорт повернулась к ней, и Саймон подумал, что сейчас она прикажет его матери убираться из кабака, но тут кто-то крикнул: «Здесь менестрели!» Толпа раздвинулась, освобождая место, и три человека с музыкальными инструментами прошли к очагу.

— Песню! — завопил Черный Джек и начал вместе со своими друзьями стучать кулаками по столу.

Мать Саймона надела чепчик, потом выпрямилась и застыла на месте, когда менестрели заиграли один за другим. Очаг отбрасывал желтоватый отблеск на ее бледное лицо, пряди волос выбились из-под оборок. Лютнист кивнул ей, и в его глазах читался вызов. Мари поколебалась, а потом запела тихим хрипловатым голосом — точно так же, как много раз пела вместе с Саймоном на рынках и в трактирах, или в зале у какого-нибудь великого лорда.

Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темно-красный шиповник...¹

Мари пела вместе с менестрелем. В трактире стало тихо. Все лица обратились к певцам. Кто-то вынул изо рта деревянную трубку и отбивал такт, заданный лютней, маленьким барабаном и свистулькой.

Кусты разрослись и ветвями сплелись,
И в мае цветут они оба.

Саймон смотрел на мать, и Черный Джек тоже не сводил с нее свои змеиные глазки. Казалось, от нее исходит свет, он затопил всю комнату, и к концу песни все присоединились к поющим.

И шепчут они, что лежат в их тени
Два друга, любивших до гроба!

Когда Мари закончила, все потребовали еще песню, но миссис Баттеруорт возразила: — Хватит! Вы хотите всю ночь мешать моим служанкам работать? И Саймон понял, что мать победила, и они здесь остаются.

4

Саймону казалось, что ночь никогда не закончится.

— Когда они уйдут? — спросил он мать, имея в виду посетителей.

— Мы остаемся открытыми до тех пор, пока не закроемся! — отрезала миссис Баттеруорт.

И трактир действительно не закрылся до тех пор, пока из него не вышел последний посетитель, пошатываясь и горланя песню. А когда Саймон окинул взглядом пивной зал, то увидел на полу два-три бесчувственных тела.

— Я их не выношу отсюда, — пояснила миссис Баттеруорт, пнув ногой одного из них, который даже не шевельнулся. — Сами уйдут утром.

Сьюзен отвела Саймона в крошечную мансарду, не больше шкафа, находившуюся на верхней площадке темной лестницы. Перила были сломаны, две ступеньки сгнили.

— И пусть никуда не суется! — зарычала им вслед миссис Баттеруорт. — Мне ни к чему, чтобы он по ночам рылся у меня в сундуках.

— Не обращай внимания, — прошептала Сьюзен. — Завтра ей нужно идти в суд, и ее

¹ Народная баллада «Трагедия Дугласов» в переводе С. Маршака.

наверняка оштрафуют. Вот почему она в таком скверном настроении.

Саймон не знал, что такое Корт Лит, но не стал спрашивать. Он огляделся в крошечной комнате, пока Сьюзен расстилала мешковину на деревянном топчане. На полу стояли коробки с тканями и тарелками, старые кувшины, от которых как-то странно пахло, и ящик с яблоками. Где же будет спать его мама?

— Твоя мама спит в моей комнате, со мной, — сказала Сьюзен, словно прочитав его мысли. — Я тебе покажу, если хочешь. — Она дотянулась до крошечного разбитого окошка в потолке и заткнула его тряпками. — Лучше не бродить одному в темноте, хорошо? — посоветовала она, проходя мимо него к двери. — Лестница очень старая.

У Саймона и не было намерения бродить по дому в темноте, но он впервые в жизни ночевал отдельно от матери. Шесть ступенек отделяли мансарду от комнаты, в которой ночевала Мари вместе с Сьюзен. Она была едва ли больше его чердака, но на полу лежал соломенный матрас, достаточно большой, чтобы на нем поместились двое. Женщина, склонившаяся над матрасом, выпрямилась при виде сына. Саймон бросился к ней, и она дотронулась до его лица.

— Саймон, — сказала она, — теперь у тебя есть своя собственная комната!

Она ободряюще улыбнулась сыну, но вид у нее был усталый. Что-то сжалось в животе у Саймона.

— С тобой, — произнес он на цыганском языке, но она ответила по-английски:

— Тебе там будет чудесно.

— Конечно, будет, — сердечным тоном подхватила Сьюзен. — Такой большой мальчик! Ты же знаешь, что не можешь всю жизнь спать в комнате вместе с мамой.

Саймон не отрывал взгляда от двери. Мать взяла в руки синее одеяло, которым они укрывались в лесу.

— Пошли, — обратилась она к сыну и повела его обратно в мансарду.

Скатав одеяло, она положила его в изголовье деревянного топчана.

— Спи, — велела она, погладив его по голове.

Саймон лег на топчан и уткнулся лицом в шерстяную ткань. Она пахла мамой, и в этом было хоть какое-то утешение. Ему казалось, что ночь будет бесконечной.

Мать присела рядом. Она гладила его по волосам и шепотом рассказывала историю о Белке и Лесном Принце, которого может одолеть лишь цыган. И Саймон вспомнил, как поймал белку, и они ее съели, и как это было хорошо. Потом мама спела ему своим тихим нежным голосом песню о последнем цыгане, а когда ей показалось, что сын уснул, на цыпочках вышла из мансарды.

Как только она ушла, Саймон сел на постели. Его окружала крошечная тьма, не имевшая ничего общего с темнотой леса или поля. Он осторожно вытянул руку и на ощупь обошел стены комнаты, чтобы познать темноту пальцами. Он ощупал все коробки, пока не нашел яблоки. Они были коричневатые, подгнившие — последний осенний урожай — и годились только на сидр или маринование. Миссис Баттеруорт сказала, что он не должен их трогать, но Сьюзен позволила ему съесть парочку, если захочется. Сейчас он съел одно, вместе с горьковатой коричневой мякотью, сердцевинкой и хвостиком, ничего не оставив. Потом он начал рассматривать покатыю крышу и окошко, которое Сьюзен заткнула тряпками. Однако в комнату все равно проникал холодный ветер, а также городской шум, который, по-видимому, никогда не затихал. Он слышал, как ночной сторож звенит своими колокольчиками, отмечая время; как разгружают баржи и проходят люди, везя бочки с нечистотами, чтобы опорожнить их в реку; как ржут лошади; хрюкают и визжат свиньи; лают собаки и горланят песни припозднившиеся пьяницы.

Где-то, за всеми этими звуками, призывно шумел лес. Можно было выбраться через окно и сбежать по крышам домов — туда, к деревьям. Но он бы никогда не ушел без матери.

Он замерз, и у него не было свечи. Саймон осторожно подошел к двери и дотронулся до нее кончиками пальцев. Она открылась со скрипом, и он на минуту замер, затаив дыхание. Даже на таком расстоянии он слышал громкий храп Сьюзен и кашель миссис Баттеруорт,

доносившийся с нижней площадки. У нее была своя комната с очагом, в которой она жила одна. На том же этаже располагались две комнаты для гостей. Под ними были кухня с маленьким погребом и пивной зал.

Саймон спустился по лестнице, припоминая, где располагались сгнившие ступеньки. Он научился бесшумно передвигаться в лесу, где были волки, медведи и охотники, и красться так, чтобы не хрустнула ни одна ветка. Сейчас он стоял за дверью матери, прислушиваясь к храпу Сьюзен. Ему очень хотелось улечься рядом с мамой, но поскольку Сьюзен спала в той же постели, то вряд ли бы это ей понравилось. Вместо этого он прижал к двери пальцы и тихонько соскользнул на пол. Утром его нашла мать — он привалился к двери, замерзший, с онемевшими руками и ногами. Она долго отогревала его в своих объятиях. Сьюзен чуть не растянулась, споткнувшись о них обоих.

— Что это такое? — спросила она, но Мари ничего не ответила.

Сьюзен прошла мимо них, что-то бормоча себе под нос. Она вернулась с тазом, наполненным водой.

— Лучше умойтесь-ка и приведите себя в порядок, — посоветовала она. — Сегодня миссис Баттеруорт идет в суд, так что дом остается на нас.

5

Миссис Баттеруорт сняла башмаки с фламандского ткача, все еще лежавшего на полу пивной, и протянула их Саймону.

— Они тебе пригодятся, — сказала она.

Саймон удивленно рассматривал ботинки, не понимая, как их надеть, пока она не фыркнула от возмущения.

— Вы только посмотрите на этого недотепу! Их надевают на ноги, а не на руки!

Саймон никогда в жизни не носил обувь, и ступни ног у него были жесткие, как подошва. Но он надел эти башмаки и неуклюже подошел к Сьюзен.

— Не обращай на нее внимания, — шепнула Сьюзен. — Ее только что оштрафовали. «За то, что в доме разгул», — так они сказали. Она будет не в духе всю неделю. — И добавила для матери Саймона: — Говорят, настоятеля выдворили из здания. Каждый раз, как он появляется, происходит мятеж.

По-видимому, ее слова удивили Мари.

— Но разве он не отвечает за церковь и школу? — спросила она. — Как же люди могут его выдворить?

— Предполагается, что отвечает, — сказала Сьюзен, поднимая бочонок. — Но он слишком занят своими заклинаниями и чарами. Продает душу дьяволу. Говорят, ему больше ста лет. Я не обращаю никакого внимания на эти слухи, но...

Саймон больше ничего не слышал. Он пытался справиться со своими башмаками на деревянной подошве, которые решительно не хотели идти в ту же сторону, что его ноги.

Миссис Баттеруорт, как обычно, разносила эль. Ее раскатистый смех звенел в зале, но на кухне она, как и предсказывала Сьюзен, была мрачнее тучи и уже дважды угостила Саймона оплеухами.

Она накричала на него за то, что он забыл принести бочонки из погреба. Потом, пока он тащил их вверх, пригорели ячменные зерна, которые жарились во флигеле, и она снова разоралась.

— Пошевеливайся! — гремела она, и Саймон стоял, не понимая, что значит «пошевеливаться».

Она говорила и другие вещи, которые он не понимал, например: «Придержи своих лошадей», когда он пробегал мимо нее во двор. Саймон озибался вокруг, но не видел никаких лошадей.

— Посмотри на этот хлеб, — сказала она позже, когда было совсем мало посетителей. — Нужно, чтобы его весь съели. — И Саймон съел, сколько мог, а остатки

бросил в корыто для свиней. Но когда миссис Баттеруорт вернулась, она посмотрела на него, как на полоумного.

— Я говорила, чтобы весь хлеб съели посетители! — заорала она и долго распекала Саймона, так что он перестал прислушиваться к словам и только смотрел на ее рот.

Это привело хозяйку в бешенство, и, назвав его деревенским дурачком, она замахнулась на мальчика поварешкой, но мать оттащила его назад.

— Я не бью его, — заявила она, и тогда миссис Баттеруорт разразилась тирадой уже в ее адрес, пока не вмешалась Сьюзен.

— Может быть, хватит? — воскликнула она. — Пусть ваш язык отсохнет, а то у вас уже искры сыплются из глаз!

Она единственная осмеливалась говорить с миссис Баттеруорт в подобном тоне, и, казалось, та не находила слов в ответ. С минуту она сверлила Сьюзен злобным взглядом, но сказала лишь:

— Сходи за свиньей.

Саймону нравилась эта свинья, которую он называл Матильдой. Она была черно-коричневая, вислоухая, со щетиной на спине и очень недовольным видом. Когда ее выпускали из свинарника, она с визгом носилась по двору и рылась в куче мусора, выискивая овощные очистки. А когда Саймон протягивал ей яблоко, она тыкалась теплым рылом ему в руку. В то утро он вместе с Сьюзен отвел ее к пастуху, он выводил всех свиней города на пастбище в Коллихерст Коммон. Теперь Саймону нужно было забрать Матильду домой.

Саймон пробежал мимо всех трактиров Лонг Миллгейт. На улице, вопреки обыкновению, было спокойно — только люди из церковной коллегии звонили в колокольчик и просили милостыню для бедных, да кто-то разгружал повозку.

Дойдя до перекрестка Лонг Миллгейт и Тоуд-лейн, он услышал рожок пастуха и хрюканье, визг и топот сотен свиней, возвращавшихся в город. Он поспешил им навстречу, чтобы отвести Матильду во двор, где она еще может свободно побегать.

Пастух, который был едва ли старше Саймона, лишь кивнул, когда Матильда отделилась от стада, и снова начал дуть в рожок, давая знак людям, чтобы они забирали своих свиней. Саймон подумал о том, какая это хорошая работа — пасти свиней. Он начал легонько подгонять Матильду палкой, но она не обращала на него внимания и ковырялась в грязи, переворачивая носом веточки и мелкие камешки. Он видел, что она ищет темные буковые орешки. Он снова стегнул ее, на этот раз сильнее, и она пустилась бегом.

Саймону не нравилось слишком сильно бить свинью, но ему нужно было гнать ее очень быстро, иначе она начала бы бегать по городским улицам, что было запрещено. Он шагал за ней, хлопая по задку палкой. Иногда свинья неожиданно останавливалась, так что он чуть не падал на нее.

Свернув на Лонг Миллгейт, Саймон остановился при виде людской процессии. Эти люди были в черном, некоторые в доспехах и железных шлемах, и они распевали псалом. Их предводитель переходил от двери к двери, стучась, как констебль, и выкрикивал: «Сегодня Воскресенье! Воскресенье Господне уже началось!»

Когда они проходили мимо пьяного, которого шатало с одной стороны улицы на другую, один из людей в броне поставил его на колени, а предводитель, низенький бледный человек, худой, как щепка, рявкнул на него:

— Ты знаешь молитву «Отче наш»? Можешь ее прочитать? Какова Седьмая заповедь?

Но голова пьяного только моталась из стороны в сторону, а рот открылся, и вид у него был самый дурацкий. В конце концов коротышка оставил его в покое, презрительно фыркнув.

— Эти люди обречены, — сказал он.

Саймон посторонился, придерживая Матильду за обвислое ухо, когда процессия переходила через улицу. Он вжался в какую-то дверь, когда этот человек оглянулся на него, и задрожал под взглядом бледных, тусклых глаз. Если бы они остановили Саймона, он бы не

знал, что делать. Но предводитель продолжил стучать в двери пивных.

— Помните про Христово Воскресенье! — кричал он.

А его последователи восклицали: «Аминь!»

Как только эта странная процессия удалилась к Канаве Повешенных, Саймон понесся к миссис Баттеруорт и всю дорогу бежал — на случай, если эти люди постучатся туда.

— Им пришлось бы об этом сильно пожалеть, — заявила миссис Баттеруорт, когда Саймон рассказал, что видел.

— Это просто позор, — возмутилась Сьюзен. — Почему они не могут заниматься своими собственными делами?

— А зачем им это, — вмешалась мать Саймона, стоя к ним спиной, — если они могут заниматься чужими делами и отравлять другим жизнь?

— Армия Бога — вот как они себя называют, — сказала Сьюзен, и миссис Баттеруорт презрительно хрюкнула, совсем как свинья. — Говорят, их главный, Роберт Даун, читает проповеди в лесах и полях.

— Может быть, деревья и станут его слушать, — заметила миссис Баттеруорт, обгладывая куриную ножку, — а больше никто.

Сьюзен покачала головой. Она рассказала им, что ее недавно навестила Матушка Ортон, прорицательница, которую некоторые называли ведьмой из-за того, что у нее были кошки, а еще из-за длинных волос на подбородке. Матушка Ортон когда-то была ворожеей в своей деревне, а теперь жила в хижине около Коллихерст Коммон. Люди ее побаивались, но тем не менее советовались с ней относительно погоды и своих любовных дел. А когда она подходила к дверям и просила еды, считалось неблагоразумным прогонять ее.

— Она сказала, что Мартин освободится через двенадцать месяцев, — с самодовольным видом сообщила Сьюзен. Мартин был подмастерьем дубильщика, а его скупой хозяин не позволял парню жениться. — И что у нас будет трое детей.

— Тогда вам бы лучше поторопиться, — поддела ее миссис Баттеруорт. — Скоро вы будете староваты для такого дела.

Сьюзен бросила на нее сердитый взгляд.

— Вообще-то ее вызвали в дом миссис Таппер, знаете — это жена торговца шелком и бархатом. Ее младший сын заболел. У него начался приступ, как раз когда они собрались в церковь, и он кричал, что не пойдет. А когда об этом прознали Роберт Даун со своими приспешниками, они на неделю привязали беднягу к кровати, а сами стояли вокруг, распевая псалмы и вдвывая ему в нос уксус, чтобы изгнать дьявола.

— Один вид этой своры кого угодно изгонит, — проворчала миссис Баттеруорт.

— Они изгонят нас, если сюда придут, — заметила Сьюзен, а миссис Баттеруорт ответила, что она хотела бы на это посмотреть.

Мать Саймона молчала; волосы падали ей на лицо. Однако Саймон понимал, что она расстроена. Ему хотелось утешить ее, но миссис Баттеруорт не любила проявлений нежности. «Хватит лизаться», — говорила она.

Но теперь он ощутил тревогу матери, и, когда миссис Баттеруорт поднялась наверх, а Сьюзен отправилась в курятник, он сказал:

— Дауа, давай уйдем.

Он заговорил на языке цыган, которым не должен был больше пользоваться, и мать недовольно взглянула на него, но ничего не сказала.

— Почему мы здесь остались?

— А куда же нам идти?

— Куда угодно, — ответил Саймон, широко раскинув руки, как будто хотел обнять леса, реки и горы; дороги, по которым они путешествовали, и все, что они видели. Но мать казалась больной и усталой.

Со двора вернулась Сьюзен.

— Ни одного яичка, — сообщила она, потом бросила на мать с сыном любопытный взгляд. — О чем вы говорите? — спросила она. — Что значат эти слова?

Мари поспешно послала сыну отчаянный взгляд, но он ответил:

— Это цыганский язык.

Сьюзен села, вытирая руки о передник.

— Вы на самом деле цыгане? — спросила она. — У вас кожа обычная — по крайней мере, парень темнее тебя, но у нас в деревне останавливались цыгане, и некоторые были черны, как сажа.

Мать Саймона долго не отрывала от Сьюзен глаз, затем потупилась.

— Мой отец был ирландцем, — объяснила она. — Он приехал сюда в тот год, когда был голод, в поисках работы...

Мало-помалу она рассказала свою историю, и время от времени Саймон ее перебивал. Ее отец и сестра умерли от голода в канаве, а она сидела рядом с ними под дождем и ждала, когда они проснутся. Вскоре мимо в своих разноцветных кибитках проезжали цыгане, и они сжалились над ней, хотя она не была цыганкой. Ее взяли в кибитку Розы. Роза называла себя Цыганской королевой. Она умела предсказывать судьбу и лечить болезни — даже сердечные недуги. У нее было одиннадцать дочерей и сын по имени Тобин, который был немного старше Мари. В то время девочке не было еще и пяти лет.

Жизнь цыган была тяжелой, особенно у женщин, которые трудились, как рабыни: рубили дрова, шили одежду, стряпали; ухаживали за детьми и животными, старыми и больными, а еще изготавливали разные вещи, которые продавали на деревенских ярмарках. Труднее всего приходилось зимой, когда их гнали из одной деревни в другую, поскольку ни один приход не желал, чтобы они разбивали лагерь на его земле.

Мари и Тобин стали неразлучными, и она научилась у него бесшумно преследовать животных в лесу, лазать по деревьям или прятаться, задерживая дыхание под водой дольше минуты, а еще — выманывать птиц с деревьев, а кроликов и кротов — из их нор. У Розы она научилась петь и танцевать, стряпать и шить, предсказывать судьбу и произносить цыганские заклинания.

Потом настало время, когда все цыгане направились на север, поскольку король Шотландии обещал дать им в собственность землю. Они разбили лагерь в лесу под Эдинбургом. Утром Мари услышала какой-то шорох в кустах. Она неслышно последовала в ту сторону, надеясь добыть пищу, и все дальше углублялась в лес, но никак не могла найти зверька, шумевшего в кустах. Наконец она поняла, как далеко забрела, и поспешила назад, ища свои следы там, где прошла раньше: сломанную веточку или примятую траву. Но когда наконец она вышла на поляну, то застыла на месте от ужаса. На каждом дереве висели цыгане, которых она знала и любила: Роза и одиннадцать ее дочерей, и их мужья, и даже их дети. А на последнем дереве висел Тобин. Руки связаны за спиной, штаны спереди испачканы.

Мари лежала на твердой земле, не в силах подняться. Но вдруг повалил снег, хотя был апрель, и дух Розы сошел с дерева. Она подняла Мари и прижала руку к ее животу. Мари видела след от веревки у нее на шее.

— Он последний из моего рода, — сказала Роза, и Мари впервые узнала, что носит под сердцем Саймона.

Она упала на колени, и ее рвало до тех пор, пока в желудке не начались судороги. И тогда она медленно поднялась на ноги, не в силах заставить себя еще раз взглянуть на ужасные трупы. Потрясенная и окоченевшая, она направилась на юг, прочь из лесов. Когда Мари сомневалась, в какую сторону идти, ее направлял дух Розы; а когда она постучалась в дверь, куда привела ее Роза, ей дали поесть.

Миновали весна и лето, погода снова ухудшилась. Когда пришло время рожать, Роза привела ее в сарай. Там, корчась от родовых мук, она увидела не только Розу, но и Тобина, который ей улыбался. Они были с ней, когда Мари перекусила пуповину, обтерла Саймона и накормила его. Потом медленно потянулись месяцы, и больше она не видела Розу. Были только она и Саймон.

Сьюзен и мальчик сидели молча, когда женщина закончила свой рассказ. Саймон

чувствовал печаль матери, которая изливалась вместе с воспоминаниями — она была глубокая, как вода в реке. Сьюзен издала долгий вздох.

— Да, как это грустно, — прошептала она и снова вздохнула.

А потом сказала:

— Я не знала, что ты умеешь предсказывать судьбу. Что ты про меня скажешь?

Мать Саймона натянуто улыбнулась.

— Не всегда хорошо знать наперед, — заметила она.

— Ну что же, я не расстроюсь, — заверила ее Сьюзен. — Что ты используешь — соль?

Мари покачала головой. Немного поколебавшись, она велела Саймону принести воды в миске.

— У тебя есть монетка?

Мари завязала монету в тряпочку, а потом опустила в миску с водой. Немного погодя женщина развязала узелок, и муслин всплыл на поверхность. Все трое стали пристально вглядываться в миску, но Саймон видел лишь отражение их голов, освещенное свечой.

— Я вижу дом, — медленно сказала мать Саймона. — Этот твой дом. И Мартин тоже здесь.

— Он пришел, чтобы жениться на мне, — с волнением предположила Сьюзен, но мать Саймона покачала головой.

— Он уезжает, — сказала она. — А ты не поедешь с ним. Ты выгонишь его.

Она оттолкнула миску, потом потрясла головой, как будто хотела, чтобы исчезло все увиденное.

— Нет, мне это не нравится, — заявила Сьюзен. — С какой стати я его выгоню?

Мари ничего не ответила, а Сьюзен встала и налила воды из кувшина в горшок, в котором обычно стряпала. Саймон видел, что ей не по себе.

— Может быть, ты видишь не мое будущее, а? — осведомилась она, снова усевшись, и, не дав матери Саймона заговорить, продолжила: — А как насчет Саймона — ты можешь увидеть его будущее?

— Нет, — слишком поспешно ответила мать Саймона.

— О, пожалуйста, — попросила Сьюзен, но Саймон знал, что мать не станет это делать: он уже просил ее об этом раньше.

— Не все можно разглядеть, когда гадаешь на родственника, — пояснила мать.

— Ну ладно, — сдалась Сьюзен, широко зевнув. — Уже поздно. А утром идти в церковь.

Мать Саймона вопросительно взглянула на нее.

— Нам придется идти, — сказала Сьюзен. — Если миссис снова оштрафуют, кончится тем, что она окажется в колодках.

6

Как и предсказывала Сьюзен, миссис Баттеруорт настаивала, что все они должны идти в церковь.

Мари, не прекращая чистить горшок, ответила, что ей бы не хотелось.

— Я не спрашиваю, хочешь ли тебе этого, — отрезала миссис Баттеруорт. — Я не буду платить еще один штраф!

— Все в порядке, — вмешалась Сьюзен, стискивая руку Мари. — Тебе не придется причащаться. Мы можем выскользнуть из церкви до этого и начать подавать эль.

Церкви — это опасное место, мать Саймона всегда так говорила. Людей судили по тому, посещают они церковь или нет, и выказывают ли достаточно набожности во время службы. В церкви они будут на виду у правителей города: членов городского магистрата, церковного старосты и констеблей. Если они пойдут в церковь, то больше не смогут притворяться, будто они остановились здесь лишь на время.

Но не посещать церковь — это грех и преступление. И это преступление — измена, ибо

с тех пор, как прежний король ввел новую Церковь, те, кто не ходил на службы, считались виновными в измене. Наказывали штрафами, а тех, кто не мог заплатить штраф, секли. И если они по-прежнему отказывались ходить в церковь, их могли посадить в тюрьму Нью-Флит, конфисковать все имущество, бить и морить голодом до тех пор, пока они не согласятся принять причастие.

— Ведь ты же не папистка? — шепотом спросила Сьюзен у Мари, но та покачала головой.

— У меня нет никакого вероисповедания, — ответила она.

Сьюзен как-то странно на нее взглянула, но сказала лишь:

— Значит, для тебя это не имеет значения.

Саймон не знал, откажется ли его мать идти в церковь, но надеялся, потому что ему хотелось уйти из города.

— Да, мы пойдем, — сказала она, кивая с таким видом, как будто приняла какое-то важное решение.

Она взглянула на Саймона и улыбнулась. Они быстро вернутся, сказала она ему, потому что воскресенье — самый напряженный день в трактире, после церкви всем хочется эля. С этими словами она сняла передник и с решительным видом подвязала волосы шарфом. Ей явно не хотелось, чтобы Саймон прочитал ее мысли.

В восемь часов зазвонили церковные колокола, и все люди города — по двое, трое, а потом все большими группами — начали стекаться с Динз-гейт, Тоуд-лейн, Уити-гроув, Маркет-Стад-лейн и Смити-дор к большой церкви. Служба в церкви идет весь день, сказала Сьюзен, потому что в городе более трех тысяч человек, и, как бы ни была велика церковь, она не может вместить всех. У ворот те, что победнее, ожидали, пока пройдут богатые: лорды Мосли и Рэдклифф с многочисленными домочадцами; Эрл Дерби, прибывший из своего дома в Альпорт-парк; сэр Сэмюэль и леди Типпингз и ее большая семья; Ральф Хальм — со своей. Затем шли горожане и должностные лица города, за ними — богатые торговцы шерстью и полотном, у каждого из которых была своя собственная скамья в церкви; потом купцы, лавочники и трактирщики. Миссис Баттеруорт шла в самом хвосте трактирщиков, за ней следовали Сьюзен и Мари, а Саймон плелся за ними в шерстяной куртке и башмаках на деревянной подошве. За ними шли все бедные семьи города: пастухи и стригали овец, красильщики и мальчики, прислуживавшие в кабаках, и, наконец, нищие. Все они должны были стоять в самых последних рядах. Былолюдно и душно; люди толкались, стараясь занять место поудобнее, и Саймон почти ничего не видел.

Он был в церкви всего два-три раза в жизни, и ему никогда не приходилось видеть такое большое помещение, с высокими сводами и двумя проходами, с огромными окнами из цветного стекла, на которых нарисованы ангелы и демоны. В центре каждого витража размещалось изображение Богородицы, которая обнимала своего младенца с таким же нежным выражением лица, как у его матери. Сьюзен проследила за направлением взгляда мальчика и прошептала, что изображения Богородицы сейчас запрещены, но поскольку их поместили сюда по приказу бабушки прежнего короля, то пока оставили.

— Так что нам повезло, а? — Она подтолкнула Саймона локтем. — У нас не отняли наши красивые стекла и украшения.

Саймон не ответил, потому что смотрел вверх. Высоко, под самой крышей церкви, он разглядел два ряда каменных ангелов; у каждого в руках был золотой инструмент; крылья наполовину расправлены, как будто они собирались взлететь с крыши.

Тут вошел настоятель в черном, с деревянным жезлом. В толпе зашептались, и Саймон отодвинулся от Сьюзен.

— Не бойся, — успокоила его Сьюзен. — Он не станет здесь колдовать. Хотя говорят, — добавила она, — что он входит и выходит из церкви незамеченным. Вот сейчас он здесь, — она щелкнула пальцами, — а через секунду его уже нет.

За настоятелем следовали хористы и члены церковной коллегии. Все они уселись за декоративной деревянной перегородкой, чтобы их не видели прихожане, и от этого Саймону

стало немного легче. Затем вошли мальчики из грамматической школы, а с ними — директор и младший учитель. И, наконец, появились констебли, тащившие за собой арестантов из тюрьмы, избитых, в синяках, закованных в цепи. Это были люди, отказывавшиеся посещать церковь. Их заставили встать на колени между алтарем и скамьями.

Алтарь представлял собой деревянный стол. Перед ним стоял викарий в простой черной рясе, читавший всей пастве из молитвенника на английском языке, а не на латыни, как прежде.

Поскольку Саймон был зажат между двумя мальчиками, прислуживавшими в разных трактирах, а впереди стояли мать и Сьюзен, он мало что видел. Поэтому он смотрел вверх, на ангелов, которые, казалось, играли с хором. Когда люди перед ним немного подвинулись, он разглядел, что у аналой стоит уже другой проповедник.

Это был человек, которого Саймон встречал накануне вечером — тогда он вел по городу армию своих последователей. Он стоял, хмуро взирая на конгрегацию, и, казалось, собирался что-то прочесть из большой Библии. Но он захлопнул книгу и, отойдя от алтаря, принялся прохаживать перед собравшимися. На этот раз на нем не было шлема. Не было на нем и шапочки и рясы священника — только простая черная одежда. Голова его была выбрита. Он был таким тощим, что адамово яблоко выступало на горле, как яйцо, из которого вот-вот вылупится птенец.

— В этом городе есть много врат, ведущих в ад, — начал он, покосившись на арестантов. — И каждого из вас заманил туда хитростью Змей — да! К самым вратам, за которыми разверзается огненная бездна! Посмотрите вокруг! — воскликнул он, яростно кивая, и Саймон огляделся, но не увидел никаких пылающих врат.

— Разве не притягивает грязный трактир сотню людей раньше, чем церковный колокол пробьет час? Этим часовням Сатаны не нужны колокола. Вас тянет туда, как свинью в хлев. И что же вы там находите? Ваши кабаки и таверны до отказа набиты бродягами и ворами! Те, кто покрыт язвами и струпьями, ходят туда развлекаться и заражают других. У них язвы и на теле, и в душе. Я скажу вам лишь одно, — тут он стукнул кулаком по ладони другой руки. — Читайте Святое воскресенье. Соблюдайте воскресенье, и вы попадете в Царство Небесное. А Христово Воскресенье, — добавил он, бросив на собравшихся злобный взгляд, — начинается накануне, в субботу.

Конгрегация зашевелилась, по толпе прокатился шепот, словно люди не соглашались со сказанным. Это была необычная проповедь — священник был одним из радикальных пуритан Сотни Салфорда. Однако его последователи, поддерживая своего предводителя, кричали «Аминь!» в конце каждой тирады. Он покинул аналой, когда конгрегация запротестовала, и начал расхаживать среди людей. Он был таким низкорослым, что его едва было видно, но голос звучал очень звонко.

— А ваши дела и потехи — разве это не забавы дьявола? Ваш футбол — скорее драка, нежели развлечение, это поистине кровавое и опасное занятие! Дьявол ликует, когда вы ломаете себе кости! А петушиные бои, где вы тратите деньги, заключая пари, и наблюдаете, как птицы наносят друг другу клювами смертельные раны! Что же это такое, как не жертвы на алтарь Дьявола?

Раздались выкрики: «Хватит!» и «Ступай проповедовать к себе в приход!», но последователи проповедника еще громче завопили: «Хвала Господу!»

— Вы предаетесь грубым забавам, забыв о мужском достоинстве! — воскликнул проповедник. — Вы оскверняете свой язык нечестивыми речами, вы жаждете скверны, вы предаетесь пороку, вы позорите свою честь, ваши дни исполнены тщеславия. Ваше брюхо — вот ваш бог, и в конце вас ждет гибель. Я люблю вас во Христе и поэтому говорю вам в глаза неприятную правду.

Саймон взглянул вверх, на ангелов под крышей. Ему показалось, что их каменные губы шевелятся. Они что-то говорили ему, но он не мог их расслышать.

Проповедник еще больше углубился в толпу, он пожимал людям руки, словно был одним из них, и читал тексты из Библии.

— Иезекииль, глава 34: «Не стадо ли должны пасти пастыри?»; Иоанн, глава 1, 11: «Я есмь пастырь добрый; пастырь добрый полагает жизнь свою за овец»; Иоанн, 10, 16: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь».

— Мэм, — громко произнес Саймон в паузе, — что говорят ангелы?

Люди возле него зашевелились и захихикали, а проповедник зорко огляделся, ища того, кто его перебил, и начал проталкиваться к Саймону, на ходу пожимая руки пастухам и плотникам.

— Если бы весь мир был текущей водой, — сказал он, строго глядя в лицо стригалю Элфреду, — и если бы каждый год становилось на одну каплю меньше, все море должно высохнуть, прежде чем благочестивый человек перестанет жить во Христе. Я — посланник Христа, и я поклялся говорить правду. Если вы мне не верите, вы несправедливы к Нему.

Саймон вытянул шею, но теперь каменные ангелы притихли и умолкли.

— Сейчас ангелы перестали говорить, — печально констатировал он.

Сьюзен резко вздохнула, а когда приблизился проповедник, мать шикнула на Саймона.

— Ради бога, — пробурчала миссис Баттеруорт, — заткните этого парня!

Мать сильно стиснула ему руку, так что Саймон понял, что нужно замолчать. И внезапно прямо перед ним оказался проповедник. Он оглядел разноцветное платье Мари и большую безвкусную шляпу миссис Баттеруорт, и ноздри его раздулись, словно он учуял запах серы.

— Они разодеты в пышные наряды, — произнес он хриплым голосом, — но будут носить рубище.

Его взгляд задержался на Мари, которая, потупив взор, сжимала пальцы Саймона. Казалось, проповедник хочет что-то добавить, но слова замерли у него на устах. Затем, внезапно придя в себя, он отвернулся и направился обратно к алтарю.

— Дьявол всегда среди вас, — продолжил проповедник, вернувшись к деревянному столу, заменявшему алтарь, и обводя конгрегацию гневным взглядом. — Сейчас он находится перед вами под личиной тех, кто хотел бы увести вас от единственной истинной церкви и обречь на вечные муки в аду!

Он указал на коленопреклоненных арестантов.

— Искореняйте же их — пусть каждый человек посмотрит на своего соседа, ибо среди вас находится Змей!

Конгрегация беспокойно задвигалась и зашаркала ногами, когда проповедь подошла к концу. Им не нравился проповедник, но они его боялись. Было известно, что он заходил в дом к людям и допрашивал их, пытаясь узнать, не паписты ли они. С тех пор, как он появился в приходе, в тюрьму Нью-Флит было брошено больше народу, чем раньше.

Когда проповедник наконец-то закончил, поднялся настоятель, и толпа зашептала уже по-другому. Он встал возле другого аналоя и начал читать из новой Библии.

Он стоял перед древним камнем, на котором был вырезан ангел. Камень был так далеко от Саймона, что он едва мог его разглядеть, но внезапно ему показалось, что камень объят белым пламенем.

— Мэм, мэм, — громким шепотом произнес Саймон. — Ангел в огне!

На этот раз все повернулись в сторону мальчика и зашептались между собой. Миссис Баттеруорт кинула на Саймона яростный взгляд, а настоятель сделал паузу, пытаясь определить, кто его перебил. Однако он не видел Саймона в толпе. Через минуту он продолжил чтение. Ногти матери впились в руку Саймона, и он понимал, что она напугана, но ничего не мог с собой поделать. За спиной у настоятеля ангел распростер свои крылья, и открылась темная бездна, подобная беззвездному небу. Саймон почувствовал, как дрожь охватывает его члены, а кости стали жидкими, как вода. Он почувствовал, что сейчас закричит, но тут настоятель перестал читать и сошел с кафедры. У него за спиной ангел снова слился с камнем. Саймон шумно вздохнул. Мать не отпускала его руку, а Сьюзен смотрела на них обоих в испуге. Однако пришло время заключительной молитвы перед

причастием, и викарий снова появился у алтаря. Ему пришлось повысить голос, и он слегка заикался. Люди начали продвигаться вперед, склонив голову.

Те, кто не хотел причащаться, проталкивались к большим дверям, но пространство вокруг Саймона и его матери расчистилось. Когда они выбрались на улицу, люди что-то бормотали и отходили подальше от них.

— Что это ты себе позволяешь? — зашипела миссис Баттеруорт.

Мать Саймона ничего не ответила.

— Кто этот проповедник? — обратилась она к Сьюзен.

— Который? — переспросила та. — Тот, который говорил напыщенные речи, — Роберт Даун, а тот, который заикается, — Мэтью Палмер. С ним все в порядке? — осведомилась она, кивнув на Саймона.

— С ним все хорошо, — ответила Мари. — Там просто было душно, вот и все — ему не хватало воздуха и было трудно дышать.

— Он у меня вообще дышать перестанет, — пригрозила миссис Баттеруорт, — если еще раз так меня подведет.

И она тяжелой походкой направилась в сторону Лонг Миллгейт. Сьюзен взяла Мари под руку.

— Пошли, — сказала она. — Пускай глазают.

Они последовали за миссис Баттеруорт. Саймон крепко держал мать за руку. Перед глазами проносились какие-то вспышки и мерцание, словно один мир быстро сменялся другим, но он не понимал, что там происходит. Его охватила невероятная усталость.

— Что вам угодно? — обратилась Сьюзен к одной бедно одетой женщине, и та поспешно отвела взгляд. — Не понимаю, Саймон, — сказала она, понизив голос. — Ты такой тихий парнишка, а умеешь привлечь к себе внимание.

Она обняла его за плечи, когда они влились в толпу, направлявшуюся в трактиры Лонг Миллгейт.

7

Мэтью Палмер зажег свечи, и церковь наполнилась озерцами света и тени. Скоро начнется вечерняя служба, и мальчики пойдут по проходам церкви к каждой из старых часовен, произнося *deus misereatur* и *de profundis* за упокой душ тех, кто завещал деньги церкви и школе. Его руки слегка тряслись, поскольку он знал, что в церкви соберутся пуритане, и ему было известно их мнение на этот счет. Особенно он боялся проповедника Роберта Дауна. «Мертвые уже прокляты или спасены, вне зависимости от ваших молитв, — говаривал он. — Вы растлеваете души вашей сегрегации, цепляясь за такие папистские методы. В нашей церкви они уже запрещены», — и так далее.

Мэтью Палмера трясло еще и потому, что в большой церкви было прохладно, и потому что менее чем через час ему придется сидеть за трапезой вместе с Робертом Дауном и его армией. Ничего не могло быть хуже трапезы в этой безрадостной компании: люди Дауна были в трауре и плакали за едой, а кроме того, бичевали себя и перед трапезой, и во время ее, пока капли крови не начинали падать в пищу. Но они особенно настаивали на его присутствии, а это означало, что они хотят обсудить дальнейшие изменения в церкви и церковных службах. Им не нравятся витражи, заявили они, а Мэтью Палмер любил эти окна, каждое из них рассказывало целую историю. Но в центре всех витражей была изображена Богородица, и они, конечно, возражали против этого. В Англии осталось мало церквей и часовен, в которых сохранились подобные витражи. В приходе существовала легенда о том, как во времена прежнего короля, Генриха VIII, прибыли солдаты, чтобы разбить витражи, разгромить приделы и алтарь и уничтожить изображения Девы Марии. Они въехали в церковь на лошадях, но старый священник не дрогнул и продолжал читать молитвы.

«За кого это вы молитесь?» — спросил начальник солдат, и когда ему ответили: «За леди Маргариту Бофор, бабушку короля», он резко остановился и после горячего

обсуждения со своими людьми уехал. Таким образом, церковь осталась нетронутой, хотя и пришлось заменить каменный алтарь деревянным столом.

Однако теперь пуритане хотели, чтобы стены побелили, окна замазали известковым раствором и закрыли ставни. Они требовали, чтобы во время служб не было пения — только молитвы, которые следует читать на английском языке. Это еще усугубило бы смятение, уже завладевшее людьми. Ведь старые обычаи не так-то легко отмирали, и люди все еще тайно ходили на поля Чистилища в канун Хеллоуина, чтобы зажигать огни и читать молитвы по своим дорогим усопшим, дабы отмолить им хотя бы один день от мук Чистилища.

Викарий зажег последнюю свечу и стоял, задумчиво глядя на отражения в блюдах, в которые клали пожертвования на церковь. Что он ответит, когда его начнет расспрашивать Роберт Даун? Известно, что немногие могут противостоять ему. Этот человек — прирожденный инквизитор.

Он отвернулся от свечи и вздрогнул, внезапно увидев фигуру женщины. Ее голова была покрыта цветным платком, из-под которого выбивались темно-рыжие волосы. Она приблизилась к нему, заметив, что он оторвался от своего дела.

— Отец, — обратилась она к священнику.

— К-кто — что такое? — с трудом выговорил он.

— Мне нужно с вами поговорить.

Мэтью Палмер поспешно оглянулся через одно плечо, затем через другое и сделал шаг к женщине.

— Я н-н-не могу выслушать исповедь, — заикаясь, произнес он, так как его уже просили об этом раньше; но женщина покачала головой.

— Нет, нет, — ответила она. — Это насчет моего сына, — начала было она, но остановилась, по-видимому, не зная, как продолжить.

— Он — он в-впал в грех?!

— Нет, отец — я хочу, чтобы он пел в хоре.

Мэтью Палмер был сильно удивлен.

— В хоре?

Женщина кивнула. У нее было расстроенное выражение лица. Мэтью Палмер перевел взгляд с нее на тени в нефе. Уж не подслушивает ли там кто-нибудь?

— М-мальчики в хоре из — из школы, — объяснил он, и женщина снова кивнула. — Он н-н-не может просто так быть принят в хор.

Но она сказала:

— Нет, отец — я хочу, чтобы он пошел в школу.

Мэтью Палмер не знал, как сказать ей об этом, но женщины ее статуса обычно не посылали своих мальчиков в грамматическую школу.

— Школа н-н-на-ходится не в моем ведении.

— Но он умеет петь, отец.

— Петь?

— Как ангел с Небес.

Она схватила викария за рукав рясы, и он снова в тревоге окинул взглядом церковь, уверенный, что заметил какое-то движение. Женщина снова заговорила тихим голосом, спеша высказаться.

— Мой сын — он не похож на других мальчиков. Я не могу послать его к кому-нибудь в подмастерья — это не для него. Но он может петь. Отец, у него есть этот единственный великий дар.

— Эта бродяжка просит милостыню?

Резкий голос Роберта Дауна разнесся по всему нефу, и при виде его у Мэтью Палмера душа ушла в пятки.

— Что ты хочешь — подаяния? Место нищих за церковными воротами! — Роберт Даун оглядел женщину с головы до ног, внимательно рассматривая ее необычную, пеструю одежду.

— Я видел тебя раньше, на утренней службе, — уже мягче произнес он. — Чего ты хочешь?

Женщина хотела заговорить, но Мэтью Палмер перебил ее:

— Это д-духовный в-вопрос.

Проповедник ухватился за его слова:

— Духовный вопрос, да? Ну же, продолжайте, мы слушаем!

Произнося эти слова, он обошел вокруг женщины. Она стояла, потупив глаза.

— Вы из трактира, не так, леди? — внезапно спросил он.

— Да, сэр.

— Из какого?

Женщина встревожилась, но ответила:

— Я служу у миссис Баттеруорт, сэр, возле пекарни.

Проповедник задумался на минуту, потом лицо его прояснилось:

— Я знаю этот трактир. Там творятся беззакония и безобразия.

Никто ему не возразил, и он продолжал:

— Ну что же, мы не держим в секрете наши духовные дела, мы рассказываем о них на Ассамблее. Таким образом у нас не бывает постыдных тайн.

— Им-менно это я и посс-советовал, — вмешался викарий, так сильно заикаясь от волнения, что едва мог говорить. — Я с-с-сказал, что она м-м-может прийти на следующую Ассамблею.

— Ах, вот как, — сказал проповедник, почти не скрывая своего презрения к викарию. — Ну что же, тогда...

Но прежде чем он разразился проповедью, Мэтью Палмер взял женщину за руку.

— Я провожу ее на улицу, — произнес он, ни разу не заикнувшись, и решительно повел ее из придела по проходу — к главной двери.

Он ничего не сказал, и она тоже, к его великому облегчению: эхо усилило бы их голоса. Но когда они дошли до двери, она высвободила свою руку и посмотрела на него с мольбой.

— Если бы вы только слышали, как он поет! — сказала женщина.

Мэтью Палмер заговорил тихо и нервозно:

— Вы д-должны з-з-забыть об этих глупостях. Церковь — не м-м-место для виртуозного п-пения. Скоро вообще н-не б-б-будет н-никакого пения.

Он предостерегающе поднял руку, когда женщина попыталась заговорить.

— Ступайте, — сказал он. — Если вы п-полны решимости отдать вашего м-мальчика в школу, вы должны поговорить с д-директором. Или настоятелем. В-вот и все.

Больше викарий ничего не сказал, хотя что-то во взгляде женщины встревожило его — это был взгляд раненого животного, попавшего в западню. Она посмотрела ему в глаза, потом быстро повернулась и торопливой походкой удалилась. При сумеречном свете ее одежда походила на яркий флаг.

8

Саймон ждал возвращения матери. Она выскользнула из дому, выгадав время между подачей блюд, — сказала, что должна отлучиться по одному поручению и скоро вернется. Но это было очень давно. Саймон прокрался в ее спальню и высунул голову в окно. Он наблюдал, как женщины возвращаются с городской водочапки, неся воду; как проехал мимо возчик в своей повозке; как медленно, с видимым усилием подметает мусор уличный уборщик. Двое мужчин из церковной коллегии уже начали свой обычный обход. Удлинились вечерние тени, а мать все не возвращалась. Теперь в любую минуту его могла позвать миссис Баттеруорт своим громким и резким, как у каркающей вороны, голосом, но не будет ему покоя, пока он не узнает, где мама.

И вдруг снизу до Саймона донеслись голоса. Он узнал один голос и косынку на голове. Это был Черный Джек с приятелем. Саймон поспешно отпрянул от окна. Черный Джек

провел полдня в пивной и все время настойчиво уговаривал Мари потанцевать с ним. Саймон любил смотреть, как она танцует, вскакивая на столы и хлопая в ладоши. Ее лицо освещалось какой-то загадочной улыбкой, словно никого вокруг не было. Однако ему не нравилось, как смотрят на мать мужчины, когда она приподнимает юбки. Особенно ему не нравился Черный Джек. В нем был какой-то жесткий и холодный блеск — как у оловянного блюда. Прижавшись к оконной раме, Саймон прислушался.

— Значит, она тебе нравится, — сказал друг Черного Джека.

И голос Черного Джека ответил:

— Да, она ничего.

— А ты думаешь, она с тобой пойдет?

Черный Джек что-то пробормотал, но Саймон не расслышал его слов, которые сопровождались тихим неприятным смехом.

И тут Саймон увидел мать, приближающуюся к дому со стороны церкви. Со сжавшимся сердцем он наблюдал за Мари, которая шла танцующей походкой.

Черный Джек тихо сказал своему приятелю:

— Теперь уходи, — и сам отступил в тень ближайшего переулка.

Когда Мари поравнялась с ним, Черный Джек шагнул к ней и схватил за руку. Саймон услышал, как она вскрикнула «Ой!» от удивления, когда Черный Джек потащил ее в переулок. Саймон так далеко высунулся из окна, что чуть не выпал, пытаясь увидеть, что там происходит. Он услышал, как они переговариваются шепотом, и мать пытается возражать. Она вырвалась из рук Черного Джека и вернулась на улицу, но тот сгреб ее в охапку и поцеловал. Она снова вырвалась и побежала в трактир.

Саймон замер, сердце его бешено колотилось. Он услышал, как его зовет миссис Баттеруорт, но даже не шевельнулся, пока на лестнице не застучали ее тяжелые шаги.

— Проклятый мальчишка! И куда это он подевался?

Саймон выскользнул из комнаты матери и грубо протиснулся мимо миссис Баттеруорт, стоявшей на площадке.

За весь вечер не выдалось и минутки, чтобы поговорить с матерью. В трактире становилось все многолюднее, и посетители напивались все сильнее. Мари танцевала и пела для них, а в промежутках носилась между кухней и залом. На лбу ее поблескивали капельки пота. Саймон нарезал хлеб, раскладывал жаркое, мыл горшки. Он действовал еще более неуклюже, чем обычно, и проливал все больше. Наконец миссис Баттеруорт велела ему мыть пол. Затем ему пришлось притащить бочки из подвала и принести воду с водокачки. В трактире завязалась драка — правда, не страшнее, чем обычно, — и миссис Баттеруорт вышвырнула драчунов на улицу. Однако скоро все они вернулись.

Выглядывая из кухонной двери, Саймон видел, как компания Черного Джека разгуливается все веселее. Он требовал у матери Саймона одну песню за другой, а когда мимо проходила Сьюзен, пытался усадить ее к себе на колени. Сьюзен отталкивала его, хихикая. Лицо Саймона горело от ненависти, когда он наблюдал за происходящим. У Черного Джека были черные волосы с сединой, выбивавшиеся из-под косынки, щетина на подбородке; в расстегнутом вороте рубашки проглядывались более темные волосы на груди. На тыльной стороне обеих рук вытатуирована роза. Однако к облегчению Саймона Черный Джек и его приятели удалились еще до того, как пришло время закрывать кабак.

Постепенно трактир опустел, потому что на завтра был рыночный день, и всем придется рано вставать. Мари вошла на кухню, заправляя волосы под чепчик. Она устало улыбнулась сыну, но Саймон не ответил ей улыбкой.

— Что он тебе сказал? — спросил он по-цыгански.

— Кто? — осведомилась мать, все еще занятая своими волосами.

— Фу! Какая вонь в этой комнате! — сказала Сьюзен, входя торопливой походкой. — Помоги-ка нам — нужно отскрести столы.

Мари взяла тряпку, но Саймон поймал ее за рукав.

— Я тебя видел! — заявил он, на этот раз по-английски.

Мать удивленно взглянула на него, но потом поняла, о чем он говорит.

— В пивном зале? — осторожно спросила она.

— Нет — на улице.

Сначала Саймону показалось, что она хочет отчитать его за то, что он шпионит за ней, но мать лишь сказала:

— То, что обычно говорит всем служанкам.

Саймон знал, что она лжет, и это задело его больше, чем, бывало, побои.

Мать повернулась, чтобы идти, но Саймон остановил ее:

— Он мне не нравится.

— О, Саймон, — вздохнула мать. Она не смотрела ему в глаза, и вид у нее был расстроенный. — Он ничего такого не сказал — просто хотел удостовериться, что я буду для него петь. Вот и все.

«Нет!» — хотелось закричать Саймону, но он не мог.

— Не уходи, — прошептал он.

Теперь мать смотрела на него. Она коснулась его лица и прижала к своей щеке его руку. Он был выше ее.

— Саймон, — произнесла она мягко. — Я никогда тебя не оставлю.

И он наконец-то расслабился, потому что знал, что теперь она говорит правду.

9

В ярмарочный день, казалось, весь город собирался на рыночной площади. На Смитидор, которая вела к реке, располагались более пятидесяти мясных лавок. Наверху были вывешены головы свиней, овец и коров, и потроха падали на булыжники, отчего дорога становилась скользкой, и Саймон не мог пройти мимо, не набив себе шишку. А вот его мать ловко прокладывала себе путь с корзиной на голове, пробираясь к рыбным лавкам у реки, затем к прилавку с живыми гусями. Саймон следовал за ней, изо всех сил стараясь не отставать.

Были тут и корабейники, продававшие амулеты из сушеных жаб и заячьих лап, чтобы отгонять чуму. Один человек предлагал подстричь волосы и бороды или вырвать больной зуб. Последние осенние яблоки были свалены грудями на одном конце рыночной площади, вместе с репой и капустой. А еще были ларьки, в которых продавали изделия из дерева, метлы и соломенные шляпы. Перед женщинами стояли корзины, полные утиных и гусиных яиц, в других корзинах сидели цыплята и голуби, которые в панике громко хлопали крыльями. Рыночные инспекторы проверяли качество эля и других товаров и следили, чтобы покупателей не обвешивали; блюстители закона кружили на окраинах рынка, выискивая тех, кто незаконно продает свой товар, не уплатив за место на рынке. Среди всей этой толчеи разгуливал церковный сторож со своим крашеным жезлом, в куртке из грубой шерстяной материи с сорока восьмью серебряными пуговицами, стегая несчастных, которые были привязаны к позорному столбу, — чиновник получал по четыре пенса за каждого. Один из подмастерьев красильщика сидел в колодках, а вокруг было полно мусора, который можно было швырять в него.

Саймону не понравился рынок. Он всегда нервничал, когда на мать смотрело столько глаз. Он опасался, что церковный сторож или другой представитель властей усомнится в их праве здесь находиться и заберет его мать. Он то и дело терял ее из виду в толпе и с облегчением вздыхал, увидев вновь. Удерживая корзину на голове, повязанной цветным шарфом, она пробиралась к Сьюзен, торговавшейся из-за котелка.

— Значит, у нас все в порядке? — бодрым тоном произнесла Сьюзен, и они направились в трактир.

Саймон помогал женщинам нести покупки.

Но подойдя к трактиру миссис Баттеруорт, они увидели у входа несколько человек, разглядывающих прибитое к дверям объявление.

— Неужели никто здесь не умеет читать? — спросила миссис Баттеруорт, когда Сьюзен приблизилась, но ни Сьюзен, ни Саймон, ни его мать не умели.

— Отнесите это в дом директора школы, — посоветовал кто-то в толпе.

— Нет, ночному сторожу, — возразил другой. — Он знает грамоту.

И как раз в эту минуту ночной сторож, которого звали Роджер Твист, вывернул из-за угла Тоуд-лейн и остановился как вкопанный при виде толпы. Это был плотный человек с красным носом — постоянный клиент заведения миссис Баттеруорт.

Миссис Баттеруорт протолкалась к нему, размахивая сорванным объявлением.

— Эй, ты! — обратилась она к нему. — Что это такое?

Роджер Твист взял у нее объявление и начал молча читать, шевеля губами. Когда он дочитал до конца, его чело нахмурилось, и он покачал головой.

— Ну что? — спросила миссис Баттеруорт. — Что там говорится?

Роджеру Твисту явно не хотелось ей отвечать.

— Это официальное уведомление, — уклончиво начал он.

— Это я и сама вижу, — отрезала миссис Баттеруорт. — О чем там речь?

— Это от того парня, проповедника — Роберта Дауна, — объяснил мужчина, а когда миссис Баттеруорт презрительно фыркнула, он продолжил: — Успокойтесь, миссис, нет никакого смысла расстраиваться.

— Да читай же, что там, — попросила миссис Баттеруорт.

Роджер Твист вздохнул и снова покачал головой.

— Все это вздор, — начал он, но, встретившись взглядом с миссис Баттеруорт, начал читать:

— В году тысяча шестьсот четвертом от Рождества Христова, в этот благословенный день...

— Ну, давай же! — рявкнула миссис Баттеруорт.

— «...сим уведомляем, что вышеупомянутому трактиру или непристойному дому, принадлежащему вышеназванной владелице миссис Элис Баттеруорт, запрещается открывать двери и подавать эль и другие крепкие напитки, а также любого рода пищу всем лицам с захода солнца в субботу вечером и весь день в воскресенье, ибо это Христово Воскресенье и Божий День». Далее идет та цитата из Библии насчет соблюдения Христова Воскресения.

Раздались крики: «Позор!», а миссис Баттеруорт стала похожа на разъяренного быка, который собирается воткнуть в кого-нибудь рога.

— Что ты сказал? — спросила она.

— Это не я, миссис, — оправдывался Роджер Твист. — Я тут ни при чем — да и никто из тех, кого я знаю, — продолжал он, ища печать лорда. — Определенно это дело рук того проповедника — взгляните, вот его подпись.

— Дай сюда, — приказала миссис Баттеруорт и, вырвав бумагу из рук Роджера Твиста, начала пристально ее разглядывать.

Потом она открыла рот и изрыгнула поток таких отборных ругательств, что толпа подалась назад, изумленно бормоча, и даже Роджер Твист побледнел.

— Он пытается меня закрыть? — орала она. — Да? Пытается?

— Нет, миссис, — начал Роджер Твист. — У него нет полномочий.

— Я ему покажу полномочия! — взревела миссис Баттеруорт. — Пусть он только сюда сунется и скажет мне все это сам, трусливый, вонючий сын!

— Миссис Баттеруорт, — умолял Роджер Твист, дрожа всем телом. — Успокойтесь — вы же не знаете, кто вас слушает.

Но миссис Баттеруорт была вне себя от ярости.

— Я надеюсь, что они слушают! — завопила она. — И смотрите! Вот, смотрите, что я думаю о вашем объявлении!

И она изорвала бумагу в крошечные кусочки. Толпа издала нестройный гул одобрения, но большинство уже начало расходиться. Мари стояла рядом с Сьюзен, прижав пальцы ко

рту. Саймон дотронулся до ее рукава, но она не смотрела на него. Он чувствовал, как она расстроена.

— Вот и хорошо — расходитесь, все вы! — закричала миссис Баттеруорт. — Занимайтесь своими делами! И не думайте, что на этом все закончится! Скоро он возьмется и за вас — а все вы слабаки, куда вам выстоять против него!

Она оттолкнула Сьюзен, пытавшуюся втащить ее в дом.

— Ступайте своей дорогой да скажите всем, кого встретите, что у миссис Баттеруорт открыто, как всегда! — гремела она. — И что она собирается открывать свое заведение всю неделю и каждую неделю — и в Воскресенье тоже — особенно в Воскресенье!

Затем она наконец-то позволила Сьюзен втащить себя в трактир.

Почти весь тот день в трактире было спокойно, и никто не осмеливался приближаться к миссис Баттеруорт. У Мари был огорченный вид, и Саймон заметил следы слез на лице, когда она рубила купленное мясо. Мальчик не мог понять, почему они до сих пор остаются тут. Они нигде еще не задерживались так надолго.

— Не можем ли мы теперь уйти? — спросил он мать при первом удобном случае, но она лишь покачала головой и велела ему вынести обедки свинье.

— Почему мы все еще здесь? — спросил он мать, когда она готовила жаркое, но она только повторяла, что устала переезжать с места на место.

Саймон и сам видел, как ей тяжело. Что-то в ней надломилось — что-то, всегда заставлявшее не сдаваться и выдерживать даже самую суровую зиму. Взглянув на мать, он увидел в своем воображении птицу, упавшую с неба, и его обуял страх.

— Когда мы уйдем? — спросил он, когда она готовила грелку для постели, чтобы отнести ее наверх, в комнату миссис Баттеруорт.

— Не сейчас, Саймон, — ответила она.

— А когда?

Мать вздохнула, положив грелку у очага, и начала разжигать огонь.

— Я не знаю, — тихо ответила она, затем последовала долгая пауза. — Я не хочу отсюда уходить, — сказала она наконец.

Саймон сделал резкое движение и ударился о стул, стоявший у кровати. Вот так у него все тут — потому что ничего здесь ему не подходит. В лесу он бы передвигался, как олень, или лиса, а здесь он не мог и шагу ступить, не разбив что-нибудь, не пролив и не опрокинув. Мать поднялась и взяла его за руку, потом коснулась лица.

— Это не навсегда, — успокоила она мальчика. — Только еще немножко.

Саймон пристально смотрел на нее, но вдруг снизу донесся шум и шаги множества людей, входивших в трактир. Какой-то мужчина потребовал эля. Прибыл Черный Джек со своими собутыльниками.

10

Где бы ни появлялась Мари, мужчины всегда заглядывались на нее. Она еще не была старой, потому что родила Саймона, когда была чуть старше, чем он сейчас. Они провожали ее глазами, когда она ходила по городу в своем цветастом платье, от которого не хотела отказаться, потому что его сшила для нее Роза, бабушка Саймона. Завидев ее, кузнец позвал: «Эй, красавица, куда вы сегодня идете?» Один из менестрелей пропел ей вслед: «О, моя госпожа, куда лежит ваш путь?» Когда она заходила в лавку, хозяин закидывал ее вопросами: откуда она, не пришла ли с фламандскими ткачами и надолго ли здесь останется, и не нужна ли ей компания? Но она лишь улыбалась своей мимолетной улыбкой, оглядываясь через плечо, а после становилась еще более грустной, чем раньше. Когда она отправлялась на рынок, вокруг нее образовывалось небольшое пространство. Замужние женщины города держались от нее в стороне и шпыняли своих мужей, если замечали, что те смотрят на Мари. Вскоре она стала чаще оставаться дома и в город с поручениями посылала Саймона.

Его день начинался рано, когда только занимался бледный свет, но уже пели петухи и шел дым из первых очагов. Он собирал яйца в курятнике, хотя куры почти перестали нестись, а затем отводил к пастуху Матильду. Когда он возвращался, у матери и Сьюзен уже подходило тесто, и Саймону нужно было нести его в пекарню, чтобы там испекли хлеб. Потом он бегал по разным поручениям: в лавочку за перцем и мускатным орехом, или за лентой для одной из шляп миссис Баттеруорт, или к сапожнику отдать в починку обувь, или к точильщику наточить ножи, или к торговцу за свечами. Мальчику приходилось уворачиваться от овчарки кузнеца, разгуливавшей на свободе вопреки правилам, и от грубых подмастерьев, которые улюлюкали ему вслед, а иногда бросали камни.

Саймона завораживали новые зрелища, звуки и запахи: едкая вайда в мастерских красильщиков; странные напевы фламандских ткачей; берег реки, где расстилали на просушку шерстяные ткани — их приколачивали колышками, и они бились на ветру, как синие паруса. В общем, Саймон часто отвлекался, забывал, что должен сделать, и ему нередко попадало.

При любой возможности он убегал к реке — любил смотреть, как разгружают баржи. По берегам тянулись дубильные мастерские, и оттуда доносился неприятный запах. Над поверхностью воды поднимался удушливый пар, который смешивался с дымом из городских труб, горевших мусорных куч и кузницы. Когда солнце выглядывало из тумана, подобное яичному желтку, все цвета становились размытыми, и свет дрожал, а твердые поверхности становились зыбкими, как во сне. Если Саймон застывал на месте и стоял очень тихо, как цапля, то сквозь мощную музыку города он слышал и другие звуки — их издавали птицы, суетливо садящиеся на ветки, и мыши, шуршащие в траве. Он мог воображать, что все еще находится в лесу, где солнечный луч скользил по испещренной пятнами листве. И тут он вспоминал, что пора возвращаться к миссис Баттеруорт и что он забыл, за чем был послан. И тогда миссис Баттеруорт кричала, что от него толку, как от козла молока. Но когда она грозилась побить Саймона, Сьюзен становилась между ними.

— Я ему задам! — говорила она, подмигивая матери Саймона, и тащила его во двор.

Там она брала длинную палку, которой выбивали соломенные матрасы, и, шепнув Саймону: «Кричи!», начинала выбивать матрас, который заранее притаскивала из верхних комнат.

Саймон послушно вопил, и они оба смеялись, прикрыв рукой рот, чтобы не услышала миссис Баттеруорт.

Мари очень хорошо ладила с Сьюзен. Саймон слышал, как они смеялись, подметая в помещениях для гостей. Может быть, именно из-за этого мама хочет здесь остаться? У нее никогда прежде не было друзей.

У Сьюзен был возлюбленный — Мартин Ригби. Он служил подмастерьем у Билла — дубильщика, редкостного скряги, который не отпускал его из учеников и не позволял таким образом жениться. Билл постоянно твердил, что Мартин должен ему за еду, питье и одежду. Остается только надеяться, говорила Сьюзен, что Мартин переживет своего хозяина, ибо список его долгов становился все длиннее с каждым днем.

Она постоянно говорила о своем суженом. Он моложе ее, с ушами, как у овцы, и от него несет, как от дохлой коровы, но он умеет целоваться, как никто. Еще Сьюзен рассказывала о своей семье: у нее шестеро братьев и сестер, родители умерли, а самый младший брат живет у ее замужней сестры возле Бэрнли. Вообще Сьюзен любила поболтать, но редко задавала вопросы, и это очень устраивало Мари.

Дни пролетали быстро, но Саймон все время ждал, когда же они вернутся к своей настоящей жизни. Когда приходило время спать, он лежал, прислушиваясь, пока шепот людей, их мысли и мечты не прогоняли шорохи леса и шелест листвы.

К концу недели в трактире стало особенно многолюдно. Наступила суббота, и трактир оставался открытым далеко за полночь. В пивном зале громко пели и дрались и, по крайней мере, четверо лежали бесчувственными в собственной блевоте, но миссис Баттеруорт никого не вышвыривала на улицу.

— Я покажу этим проклятым прокаженным с Библией, — говорила она. — Бесплатный эль после полуночи!

И пение с драками продолжились. Даже Саймону пришлось прислуживать в зале, и это ему совсем не нравилось, потому что там было несколько мальчиков из грамматической школы; они дразнили его «дурачком миссис Баттеруорт» и старались поставить подножку.

Наконец даже самые закаленные пьяницы, горланя песни, отправились восвояси. Был уже третий час утра, когда Сьюзен, Саймон и его мать поплелись наверх и рухнули на постели. Саймон слишком устал даже для того, чтобы думать о лесе, и сразу же провалился в глубокий сон. Ему снилось, что он лежит под водой, потому что мать сказала ему затаиться. Их разыскивали — он слышал, как по берегам реки топает множество ног. А потом его коснулась рука матери.

— Саймон! — звала мама. — Саймон, проснись! — И она начала трясти его за плечо.

Саймон сразу же открыл глаза. Мать стояла рядом, прижимая палец к губам. Пора, подумал Саймон. Наконец-то им пора в путь. Он быстро поднялся и вслед за матерью начал спускаться по лестнице.

— Какого черта здесь происходит? — осведомилась миссис Баттеруорт, в растрепанном виде появляясь в дверях своей комнаты. — Что за шум?

— Вам бы лучше пойти да посмотреть, — посоветовала Сьюзен, которая уже поднялась с постели и стояла теперь у окна.

Миссис Баттеруорт поплотнее запахнула шаль и с ворчанием пролезла мимо Сьюзен к окну. Когда Саймон с матерью последовали за хозяйкой в комнату, Мари сделала ему знак молчать.

Трактир был окружен отрядом пуритан, одетых в черное, со строгими воротничками, в высоких шляпах. Некоторые упали на колени, прямо в грязь Лонг Миллгейт, и все они молились. Саймон поискал взглядом проповедника Роберта Дауна, но не увидел его. Человек, который, по словам Сьюзен, называл себя «Бей нечестивых», громко читал Библию.

— «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные», — произносил он нараспев, и его редкая седая борода тряслась в такт словам.

Миссис Баттеруорт высунула в окно свою большую растрепанную голову.

— Эй, вы! Вам известно, который сейчас час?

Но «Бей нечестивых» лишь указал на нее обвиняющим перстом.

— «Восстань, восстань, одлекись в силу твою, Сион! Облекись в одежды величия твоего, Иерусалим, город святой!»

И все его последователи вскричали:

— Аминь!

Миссис Баттеруорт отвернулась от окна, глаза ее метали молнии.

— Я ему покажу «одежды величия»! — воскликнула она. — А ну, несите сюда ночные горшки!

Саймон отступил в сторону, когда мимо него пронеслась Сьюзен, а миссис Баттеруорт снова высунулась из окна и заорала:

— А ну-ка, убирайтесь от моей двери, вы, грязные крысы!

— «Так говорит Господь: псы съедят Иезавель за стеною Изрееля», — закричал в ответ «Бей нечестивых». — «Вот удел человеку беззаконному от Бога, и наследие, определенное ему Вседержителем!»

— Вот тебе, мерзкий старик! — завопила миссис Баттеруорт, выплеснув на своего противника содержимое ночного горшка, причем очень метко.

«Бей нечестивых» на минуту умолк, тяжело дыша и отряхиваясь. Но вскоре снова обрел дар речи:

— «И я увидел блудницу, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою

блудодейства ее».

Миссис Баттеруорт едко рассмеялась:

— Может, хватит проповедей, дед? Ты здесь ошиваешься только потому, что жена не подпускает тебя к себе!

Сьюзен тянула хозяйку за шаль, пытаясь оттащить от окна.

— Пойдемте! — увещевала она миссис Баттеруорт. — Не обращайтесь на них внимания. Им скоро надоест.

Но пуритане, читавшие нараспев Библию, явно не собирались отступать.

— «Имущество твое и сокровища твои отдам на расхищение, без платы, за все грехи твои!» — завывал «Бей нечестивых».

И его приспешники восклицали:

— Хвала Господу!

И тут на сцене появился Роджер Твист, ночной сторож, и позвонил в свой колокольчик.

— Четыре часа утра, — закричал он, — и все в порядке.

При виде толпы он резко остановился.

— Четыре часа утра! — воскликнула возмущенная миссис Баттеруорт. — Вот именно!

Она сбегала вниз по лестнице, и шаги ее загрели по дому. Прихватив в кухне большой нож, она стрелой вылетела из дверей трактира и изо всех сил огрела проповедника. «Бей нечестивых» упал на колени прямо в грязь; несколько пуритан бросились к ней. Но прежде чем они добрались до миссис Баттеруорт, она схватила старика за бороду и начала отрезать ее ножом. «Бей нечестивых» выл и орал.

— Убирайся от моих дверей вместе с бандой своих проклятых навозных жуков! — шипела она. — А не то я отрежу тебе кое-что еще!

И она замахнулась ножом на его последователей, которые пытались остановить хозяйку трактира. Роджер Твист ринулся к ней с воплем:

— Эй! Да что тут происходит?

— Я учу этого хоряка хорошим манерам! — ответила миссис Баттеруорт, все еще размахивая ножом, так что пуритане отпрянули и рухнули на колени, вознося молитвы.

— Ну, ну, бросьте нож, — уговаривал Роджер Твист. — А вы уходите отсюда, все — вы уже достаточно повеселились.

— Это дело Божье! — воскликнула одна из женщин, в которой Саймон узнал Святошу Флетчер. — Мы тут не шутки шутим!

— И вам действительно будет не до шуток, если я вызову констеблей! — заорал Роджер Твист. — Вам захотелось посидеть в Нью-Флит, не так ли?

— А вы, миссис! — обратился он к миссис Баттеруорт. — Я же вам сказал: бросьте нож!

Она неохотно выпустила из рук бороду «Бей нечестивых». Он согнулся пополам, и его стошнило.

— Сатанинское отродье, — вымолвил он, задыхаясь, и миссис Баттеруорт хорошенько пнула его в зад.

— Вы их слышали? — спросила она Роджера Твиста, когда «Бей нечестивых» поднимался с колен, опираясь на руки своих последователей. — Я знаю, к чему они клонят: они хотят закрыть мой трактир.

— Жаль, что им больше нечем заняться, — заметил Роджер Твист, который был постоянным клиентом миссис Баттеруорт. — Давайте-ка, расходитесь, — обратился он к толпе. — А не то вызову вас на следующую выездную сессию суда присяжных, — пригрозил ночной сторож.

«Бей нечестивых» попятился, желчно выкрикивая:

— «Бог не отвратит гнева Своего; пред Ним падут поборники гордыни. Тем более могу ли я отвечать Ему».

— Иди, иди, отращивай свою бороду! — посоветовала ему миссис Баттеруорт, повернувшись ко всем спиной и направляясь в трактир. — Ну, кто идет завтракать? —

донесся ее голос уже изнутри дома.

Саймон и его мать со всех ног бросились ставить воду на плиту. Их трясло от страха. Однако миссис Баттеруорт была в прекрасном настроении. Сьюзен надела на голову высокий котелок, изображая проповедника, и громовые раскаты хохота миссис Баттеруорт разнеслись по всему трактиру.

11

Было воскресенье, но миссис Баттеруорт заявила, что в церковь никто не пойдет. Весь день звонили церковные колокола, после службы люди заходили в кабак. К концу дня в трактир набилось невероятно много народу, и миссис Баттеруорт без конца рассказывала о событиях прошедшей ночи.

Весь день в груди Саймона копилась тревога, словно вокруг него смыкались когти какой-то огромной птицы. Он уронил кувшин с молоком, сжег мясо на вертеле и порезался ножом для хлеба. Кончилось тем, что его услали во двор, к свинье Матильде. По лицу матери он видел, что она тоже расстроена, но не удалось улучшить ни минутки, чтобы перемолвиться с ней словом. Однако посетители рано разошлись, так как на завтра снова был рыночный день. Мать отправила Саймона спать, сказав, что доделает за него работу.

Но не успел мальчик опустить голову на подушку, как раздался страшный стук в парадную дверь. Он соскочил с постели и скатился вниз по лестнице, спеша к матери.

Тук-тук-тук!

— Что, черт возьми, происходит?! — возмутилась миссис Баттеруорт, распахивая дверь.

Саймон, который одолевал последний лестничный пролет, увидел на улице всадника.

— Миссис Баттеруорт! — произнес он громовым голосом. — Выходите из своей зловонной преисподней!

— Убирайтесь к черту от моей двери! — закричала миссис Баттеруорт. — Сьюзен, ступай за констеблями!

Но не успела Сьюзен, бледная и напуганная, сделать и шагу, как в дом ворвались двое мужчин в доспехах. Они накинули на миссис Баттеруорт веревку и потащили ее на улицу.

— Сьюзен! — кричала она. — Сьюзен!

Сьюзен огрела ближайшего к ней человека сковородой, которую использовала для обогрева постелей, но попала по его доспехам, не причинив вреда.

— Помогите, пожар! — завопила Сьюзен, так как мужчины поджигали на улице дерн вокруг дома.

Саймону казалось, что все это происходит во сне. Он, спотыкаясь, выскочил на улицу за Сьюзен. Вокруг было много мужчин в броне. Пламя отражалось на их шлемах и обнаженных шпагах. Некоторые падали на колени, вознося молитвы. Старик, с которым так грубо обошлась миссис Баттеруорт, «Бей нечестивых», громко читал по своему молитвеннику:

— «Вот — конец тебе; и пошлю на тебя гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим, и возложу на тебя все мерзости твои. И не пощадит тебя око Мое».

Миссис Баттеруорт поставили на колени прямо на улице. Всадник спешил, и Саймон узнал в нем Роберта Дауна.

— Миссис Баттеруорт, — загремел он, — вы обвиняетесь в осквернении Святого Воскресенья и в распространении разврата на улицах этого города. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Миссис Баттеруорт смачно плюнула в лицо Роберту Дауну. Тот поднял свой бронированный кулак и ударил ее. Лицо хозяйки трактира залила кровь, и Сьюзен вскрикнула.

— Вавилонская блудница! — зашипел он. — Слишком долго ты сеяла мерзость и грязь на этих улицах! — Он возвысил голос. — Божий гнев падет на головы слуг Сатаны!

И все пуритане, стоявшие вокруг на коленях, подхватили:

— Аминь!

Саймона пронзила острая боль, когда ударили миссис Баттеруорт, из глаз полились слезы, так что все вокруг начало расплываться. Некоторые люди бежали к дому, чтобы потушить пламя, пуритане бросались на них со шпагами. Роберт Даун закинул голову миссис Баттеруорт назад, и Саймон увидел при свете пламени, что все ее лицо залито кровью. Когда проповедник вынул нож, у него побежали мурашки по коже. Сьюзен снова закричала: «Нет!», но ее отшвырнули к стене трактира.

Методично, ритмичными движениями, проповедник начал срезать волосы с головы миссис Баттеруорт. Они падали на землю крупными прядями, а на коже оставались кровавые подтеки.

— Так Господь унижает своих врагов! — воскликнул он голосом, дрожащим от ярости. — Как Сатана тебя возвысил, так Господь сбросит тебя вниз!

Последняя прядь волос была срезана, и вооруженные мужчины поволокли миссис Баттеруорт по улице, в то время как другие продолжили поджигать дерн. Когда миссис Баттеруорт волокли по булыжникам мостовой, платье на ней загорелось. К этому времени на улице собралась большая толпа, и люди последовали за пуританами, тащившими хозяйку трактира. Некоторые выкрикивали оскорбления, другие что-то вопили, и Саймона сдавили со всех сторон. Он слышал, как сзади мать выкрикивает его имя, но не мог выбраться из давки. Толпа выплеснулась на рыночную площадь, миновала позорный столб с колодками и направилась к пруду, находившемуся во владениях лорда Рэдклиффа.

Когда миссис Баттеруорт дотащили до пруда, тело ее было объято пламенем. Мужчины, державшие веревки, вошли в пруд вместе с ней и держали ее под водой, в то время как все пуритане распевали псалмы вместе с проповедником. Роберт Даун повысил голос:

— И очистишься огнем и водой!

И его последователи воскликнули:

— Аминь!

Миссис Баттеруорт вынырнула на поверхность, отплевываясь, но ее снова утащили под воду. Саймон чувствовал, как вода проникает в его собственные легкие. Ему хотелось закричать, но, казалось, тогда легкие разорвутся.

У них за спиной, в Рэдклифф Холл, зажглись огни, но проповедник продолжал:

— Искорением зло среди нас! Если око твое склоняет тебя к греху — вырви его! И да погибнет любая ведьма или прислужник Дьявола, ибо День господа наступил!

— Что тут, черт побери, происходит? — закричал лорд Рэдклифф, который появился, полуодетый, у ворот своего дома.

Толпа умолкла, когда женщина снова показалась на поверхности. Сьюзен вырвалась вперед.

— «Так говорит Господь Бог: рыдайте! О, злосчастный день! Ибо близок день Господа, день мрачный!» — декламировал проповедник, подняв шпагу. — «Будьте бдительны, вы все, ибо Дьявол имеет много обличий. Он говорит устами твоих врагов и твоих друзей — да, и даже устами домочадцев твоих!»

— Я задал вам вопрос! — Лорд Рэдклифф приближался к пруду, на ходу выхватывая шпагу.

Проповедник даже бровью не повел.

— Не бойся обвинить соседа своего, ни жену его! Говори, ибо плоть можно умерщвлять, но проклятая душа живет в вечной муке!

— Сейчас же убирайтесь с моей земли, — загремел лорд Рэдклифф, — или я соберу своих людей! Что это вы тут делаете?

— Дело Божье, сэр, — ответил проповедник, наконец-то поворачиваясь к нему. — И нам давно пора было этим заняться.

Тело миссис Баттеруорт вытащили на берег пруда, и несколько человек выбежали из

толпы и завернули ее в простыни.

— Вы превышаете свои полномочия, сэр, — заявил лорд Рэдклифф, и в его тихом голосе звучала ярость. — Главный магистрат округа будет поставлен в известность об этом.

Проповедник проигнорировал его слова и повел свою лошадь к пруду.

— Наша работа здесь выполнена, — закричал он. — Но пусть все запомнят этот урок и станут остерегаться!

Потом он повел лошадь прочь от пруда, и все его последователи потянулись за ним длинной вереницей, направляясь обратно к рыночной площади.

— Посмотрите, что вы наделали! — закричала им вслед Сьюзен. — Небось, вы собой гордитесь!

Но никто из пуритан не обернулся и не подал виду, что слышали ее слова.

Лорд Рэдклифф протиснулся сквозь толпу, которая теперь окружала миссис Баттеруорт.

— Кто это? — Он наклонился над несчастной женщиной. — Она жива, но едва дышит. Кто с этой женщиной?

— Я, — ответила Сьюзен.

Ее лицо было в пятнах от копоти и слез.

— Ее есть куда забрать, чтобы позаботиться о ней?

— Я не знаю, сэр, — сказала Сьюзен. — Они пытались поджечь трактир.

Лорд Рэдклифф тихонько выругался. И тут Саймон наконец увидел мать, которая проталкивалась к нему. Добравшись до мальчика, она стиснула его в объятиях.

— Огонь потушили, — сообщила она Сьюзен.

— Ступай за повозкой, — велел лорд Рэдклифф слуге, и тот бросился выполнять его приказание. — А теперь идите, вы все, — обратился он к толпе. — Тут не место и не время для сборищ. Расходитесь по домам.

Горожане расступились, бормоча что-то себе под нос, когда появилась повозка. На нее положили миссис Баттеруорт, все еще завернутую в простыни. Саймон видел паленую щетину вместо волос у нее на голове и ощущал запах горелого мяса. Сьюзен забралась в повозку, следом за ней туда уселись и Саймон с матерью. Люди умолкли, наблюдая за ними, и тележка покатила сквозь толпу. Лица людей были угрюмыми, испуганными или сердитыми. Сьюзен сидела, держа на коленях обезображенную голову миссис Баттеруорт. Мари крепко обнимала сына, и он чувствовал, как дрожь от нее переходила к нему.

12

Миссис Баттеруорт оставалась в своей комнате с закрытыми ставнями. Сьюзен смазывала ее ожоги свиным салом и посылала Саймона собирать крапиву, чтобы приготовить отвар, который, по ее словам, хорошо помогал при ожогах. Дверь в пивной зал тоже держали закрытой, так как эта комната сильно пострадала от дыма и пламени. Когда приходили посетители, чтобы узнать, как себя чувствует миссис Баттеруорт, или задать какие-то вопросы, они сидели на почерневшей кухне со Сьюзен, попивая горькое пиво.

Саймон, как обычно, заботился о Матильде и помогал матери отскребать пятна от дыма на площадке лестницы и в ее спальне. Однако теперь, когда трактир был закрыт, не было денег, чтобы отправлять его с поручениями. Мать стряпала что-нибудь из последних запасов мяса, а у Сьюзен постоянно варилось немного эля на случай, если появятся клиенты. Очень немногие заходили к ним в таверну, но однажды заглянул церковный сторож.

Он сидел в кухне, покрытой пятнами от дыма. На мужчине была куртка из грубой шерстяной материи, свой хлыст и жезл церковный сторож прислонил к стенке.

— Это ужасное происшествие, просто ужасное, — сказал он, сделав большой глоток из пивной кружки.

— Ну, так сделайте что-нибудь с этим, — потребовала Сьюзен, откидывая волосы. Мужчина покачал головой и вздохнул.

— Эти фанатики — ну что с ними можно сделать? Я всегда говорил, что лучше всего золотая середина. Я мирный человек, да.

Саймон бросил взгляд на хлыст.

— Вы хотите сказать, что ничего не можете поделаться? — спросила Сьюзен, в то время как Саймон крадучись направился к дверям.

Ему не хотелось оставаться в одной комнате с этим человеком. Правда, чуть позже он услышал, как Сьюзен задала ему перцу.

— Значит, мы должны это проглотить? — осведомилась она. — И вы ничего не можете сделать? А между тем к нам не поступают деньги, и нам нужно платить налоги, и церковную десятину — я уж не говорю о том, что мы должны как-то прокормиться. И как, по-вашему, нам со всем этим справиться?

Саймон не расслышал ответ, и тут Сьюзен снова повысила голос.

— Представьте, что они закроют все трактиры, а потом возьмутся за лавки? И зачем же им тогда будут нужны блюстители закона, когда они могут взять закон в свои собственные руки? Зачем им церковный сторож?

Теперь Саймон слышал, что говорит мужчина, поскольку подошел к самой двери.

— О, я не думаю, что дойдет до этого. Кому-то все еще надо сечь народ.

Сьюзен тяжело вздохнула. Ничего себе, возмутилась она: сумасшедшие, которые наезжают в наш город, могут давить копытами мирных горожан, а блюстители порядка и пальцем не шевельнут, чтобы помочь.

— А за что же мы платим налоги, — спросила она, — как не за защиту?

Церковный сторож, казалось, был несколько ошеломлен этой вспышкой и засобирався восвояси.

— Ну что же, я вас понимаю, в самом деле, — оправдывался он. — Но пока что не из-за чего устраивать такой шум. Пожалуй, мне пора. Но я доведу все ваши жалобы до сведения главного окружного судьи, он именно тот человек, который вам нужен. А он потащит их всех на выездную сессию суда присяжных — помяните мое слово. Да, это именно тот человек, который вам нужен.

И он поспешно удалился, прежде чем Сьюзен напомнила бы, что следующая выездная сессия будет только в апреле — почти через полгода.

А когда наконец явился главный судья со своим законником, Сьюзен чуть не арестовали за то, что она повысила на них голос. Они задали множество вопросов, но, судя по всему, считали, что миссис Баттеруорт сама во всем виновата, потому что держала кабак, в котором творились бесчинства. А законник вообще был на стороне пуритан.

— Мы должны установить, до какой степени нападение было спровоцировано, — заявил он.

Именно тогда Сьюзен повысила голос и так раскричалась, что главный судья пригрозил ей колодками и хорошей поркой. Их претензии рассматриваются, сказал он, хотя они ни в коей мере этого не заслуживают, учитывая репутацию их заведения. А между тем, добавил законник, они не должны ничего предпринимать. Пусть они занимаются своим делом и не нарываються на неприятности. И им следует посещать церковь.

— Церковь? — повторила Сьюзен. — Где проповедует этот сумасшедший?

— Если вы не будете туда ходить, то лишь подольете масла в огонь.

Сьюзен тяжело задышала, но главный судья не дал ей заговорить:

— Довольно. Наше дело закончено. Я сожалею о том, что случилось, и желаю вашей хозяйке скорейшего выздоровления. Но ее вызывали на несколько заседаний суда присяжных в Корт Лит. Не очень-то она старается блюсти закон.

Лицо Сьюзен вспыхнуло, но когда она наконец заговорила, голос у нее был тихий и ровный.

— Означает ли это, что мы не можем открыть трактир? — спросила она.

Впервые за все время главный судья почувствовал себя неловко.

— Будет лучше оставить все как есть, — ответил он, — пока не поправится ваша

хозяйка. Все должно уладиться после Рождества.

Сьюзен утратила дар речи. После Рождества!

— Вы можете нас проводить, — сказал законник.

Сьюзен не оставалось ничего иного, как присесть в реверансе и проводить их до дверей. Когда она вернулась на кухню, то тяжело опустилась на стул и с минуту посидела у стола, сгорбившись в отчаянии.

— Ну что же, все ясно, — констатировала она. — Мы можем начинать распродавать имущество.

13

На следующий день Мари сказала Саймону, что они идут в церковь.

— Зачем? — спросил он, недоумевая.

Разве сегодня воскресенье? Но он же не слышал колокольного звона. Мать велела ему не задавать вопросов и одеваться.

Время близилось к вечеру, и на красноватом небе уже летали скворцы. Когда мать с сыном приблизились к церкви, Саймон услышал, как поет хор. Когда пение прекратилось, они тихонько вошли и проскользнули к скамье.

Регент стоял у кафедры, что-то объясняя мальчикам, потом взмахнул рукой.

— На сегодня достаточно, — сказал он. — Расходитесь.

Саймон вжался в спинку скамьи, когда хористы беспорядочной толпой удалились из церкви. Мать потянула его за рукав, он поднялся и последовал за ней в переднюю часть церкви. Теперь, в отсутствие прихожан, она казалась иной: крыша была высокая, до самого неба, и скрыта в тени. Он вытянул шею, ища наверху каменных ангелов, в то время как мать заговорила с регентом.

— Спеть для меня? — переспросил он. — Зачем?

— Вы послушаете, как он поет! — просила мать.

Саймон ничего не понимал. Ведь мать сказала, что у миссис Баттеруорт он не должен петь.

— Это не театр, миссис, — объяснил хормейстер, захлопывая псалтирь.

Он шагнул с кафедры в их сторону. Мать Саймона комкала в руках край своей юбки.

— Вы только послушайте, как он поет! — умоляла она тихим голосом, но регент отвернулся.

— На сегодня занятия с хором закончены, — отрезал он.

— Пусть мальчик споет, — послышался из нефа голос, от которого Саймон вздрогнул.

Это был настоятель, который выступил вперед из тени. Его голос отдавался в голове Саймона каким-то странным эхом.

— Мы здесь не прослушиваем, — возразил регент.

— Ведь вы регент, не так ли? — спросил настоятель.

Саймон во все глаза смотрел на него. Настоятель приподнял свою шляпу, и под ней обнаружилась маленькая черная шапочка, из-под которой видны были серебристые волосы. Его глаза блестели каким-то странным блеском. За ним виднелась тень — и его собственная, образовавшаяся при свете свечи, и тень от чего-то еще, чуть в стороне.

— Я не знаю, зачем вы здесь, миссис, — сказал регент. — Не знаю, что вы слышали, но в хоре нет вакансий, и мы больше никого не прослушиваем.

— Вы думаете, что достигли совершенства? — спросил настоятель и сделал еще несколько шагов вперед, пока не очутился перед камнем, на котором был вырезан ангел. — Я только что слышал самое скверное пение в своей жизни. Может быть, вам следует начать все сначала с новыми хористами.

Когда настоятель говорил, его слова эхом отдавали в голове Саймона, и казалось, что говорят два человека. Впрочем, быть может, это всего лишь эхо в самой церкви. Тень слева от настоятеля добралась до Камня ангела, и он вдруг засиял сердитым светом. Одновременно

Саймон услышал, как заиграла музыка. Он взглянул наверх, и ему показалось, что каменные ангелы наклонились к нему со своими инструментами.

Регент вздохнул.

— Что будет петь мальчик? — спросил он.

Саймон раскачивался в такт ангельской музыке.

— Саймон! — одернула его мать. — Он споет *Agnus Dei*.

Регент подошел к органу. Но в мозгу Саймона возникла другая мелодия, и не успел регент заиграть, как мальчик начал петь.

Над ней белоснежная роза цветет;
Над ним — темно-красный шиповник.

Это была песня, которую его мать часто пела в таверне, и когда он запел, все ангелы подхватили мелодию, и голос Саймона устремился вверх, навстречу звукам, которые издавали их инструменты:

Кусты разрослись и ветвями сплелись...

— Саймон, — умоляла мать, и в голосе ее слышалось отчаяние, но тут настоятель поднял руку.

— Довольно, — сказал он.

Регент поднялся из-за органа.

— Где он научился так петь? — осведомился он.

— Он не учился, — ответила мать Саймона.

— Но как же он запоминает мелодию?

— Он ее чувствует.

— Погодите минутку, — сказал регент. Он вернулся к органу, нажал на педаль и сыграл ноту.

— Спой ее, — велел он Саймону.

Саймон не слушал. Он ждал, когда снова заиграют ангелы, но мать тронула его за плечо, и он услышал эту ноту. Он в точности воспроизвел резкий звук, чувствуя, как он отдается у него в груди.

— Саймон! — сказала мать и пропела ему эту ноту; тогда он понял и повторил звучание.

Регент начал наигрывать сначала простенькие фразы, затем более сложные. Саймон почувствовал, что орган поет ему, и начал отвечать инструменту, а потом они запели вместе, словно это была игра. Ноты забирались все выше и выше, и голос Саймона следовал за ними, возносясь к сводам церкви.

Регент перестал играть и откинулся на спинку стула. Настоятель не сводил с Саймона блестящих глаз, а мать стояла, прижав руку ко рту. Саймон не мог понять, счастлива она или огорчена.

— Ну что же, я думаю, мы определили, что мальчик умеет петь, — констатировал настоятель.

Саймон взглянул на мать, пытаясь понять, все ли правильно он сделал, но тут снова заговорил настоятель.

— Может быть, вам бы лучше представить его директору, — посоветовал он.

Теперь голос его изменился: говорил лишь один человек. Саймон присмотрелся, но не увидел вторую тень. Он снова услышал музыку и пошевелил пальцами, как будто тоже играл. А потом мать поймала его руки и села вместе с ним на скамью. Он заглянул в ее глаза; в них вспыхивали зеленовато-желтые огоньки, как в лесу.

Настоятель встал перед ними и откашлялся.

— Вы служите в одном из трактиров на Лонг Миллгейт, не так ли?

Мать Саймона кивнула, не сводя глаз с сына.

— Там вы и живете?

— Да, сэр, — ответила Мари. — Но трактир закрыли пуритане.

Она разговаривала с настоятелем, но смотрела на Саймона. Казалось, что она его о чем-то просит — возможно, она просила прощения. Настоятель наклонился к ней.

— Сколько лет вашему сыну, миссис?

— Почти тринадцать, — ответила мать.

И тут из задней части церкви донесся резкий голос:

— Я же уже говорил, что школе не нужны новые ученики!

Из-за спины регента появился какой-то человек. Его суровое лицо было покрыто оспинами и покоилось на больших брыжах, как пудинг на блюде.

— Что тут происходит? — осведомился он.

Саймон перестал слушать. Ему всегда было трудно понимать речь незнакомого человека. Только когда он узнавал кого-нибудь поближе, и этот человек ему нравился, его слова обретали какой-то смысл. А порой он слышал не только слова людей, но и их мысли. Этот человек был рассержен — это Саймон понимал, и он видел жесткие слова, слетавшие с губ незнакомца. Но у него был какой-то странный акцент. Саймон не смотрел на этого человека. Вместо этого он глядел на ангелов.

— Ангелы сыграют еще? — спросил он мать, но она только прижала палец к его губам.

Сердитый человек задал матери Саймона лишь один вопрос.

— Ему будет тринадцать после Рождества, — ответила она, и мужчина презрительно фыркнул.

Но настоятель заговорил с ним своим двойным голосом, и в нем звучала угроза, и тогда сердитый человек начал кричать. Мари обхватила мальчика руками, когда этот человек ушел. Настоятель повернулся к ним, и Саймон съежился под его взглядом.

— Как тебя зовут? — спросил настоятель.

— Саймон, — ответила мать за Саймона. — Саймон Пеплоу.

— Ну что же, Саймон Пеплоу, — сказал настоятель. — Как насчет того, чтобы начать ходить в школу с понедельника, утром?

Саймон потряс головой, внимательно глядя на настоятеля. Свет от Камня ангела мерцал вокруг настоятеля, и снова появилась его двойная тень.

— Он придет сюда, — поспешно заверила мать. — Спасибо вам, сэр.

И, поймав руку настоятеля, она поцеловала кольцо на его пальце. Потом мать стащила Саймона с сиденья, и они вместе покинули церковь. Оглянувшись, мальчик увидел, что настоятель наблюдает за ними, и Саймону показалось, что он видит, как в солнечном луче, упавшем на плащ старика, бьются черные крылья.

14

Прошло больше часа, а Саймон с матерью все еще шли по городским улицам. Саймон не мог поверить тому, что она говорила. Он швырнул о стену камень.

— Я не хочу, — сказал он.

— Саймон, здесь нет для нас места, — возразила мать.

Они кружили по городу в сгущающихся сумерках и, наконец, добрались до Ивовой рощи. Голые склоненные ветви деревьев развевались на ветру. Перед Саймоном стояла таверна «Семь звезд», за которой открывался вид на поля. Холодало, но Саймон был так сильно расстроен, что ощущал лишь холод изнутри.

— Я не хочу, — повторил он.

Мать взяла его за руку. Она подвела его к низкой каменной стене и уселась на нее. Саймон устроился рядом, и она, сняв шерстяную шаль, накинула ее им обоим на плечи. В эту же шаль она заворачивала сына, когда тот был младенцем.

Долгое время они сидели молча. Мать закончила убеждать Саймона и замолчала.

Саймон чувствовал, как тепло из ее тела переходит в него, и вдыхал ее запах: запах эля из трактира и запах лаванды от воды, которой она ополаскивала волосы. А еще он ощущал знакомый, немного терпкий запах — ее собственный запах, который он знал всю жизнь, который вдыхал все дни и ночи, проведенные вместе в полях и лесах, когда они спали под одним поношенным одеялом. Он представить себе не мог, что ему делать без этого запаха.

Наконец мать заговорила.

— Всю свою жизнь мы скитались. Мы брели из одного города в другой, как нищие, и нас всегда прогоняли. Это не жизнь, — тут она остановила жестом Саймона, который хотел что-то возразить. — Не такой жизни я хочу для тебя. Тебе почти тринадцать. В этом возрасте все мальчики покидают дом и учатся какому-нибудь ремеслу. Но какому ремеслу можешь выучиться ты, Саймон? — спросила она дрожащим голосом. — Что ты можешь делать? Ты можешь петь.

Саймон молчал. Они всегда пели вместе, подумалось ему.

— Если ты пойдешь в школу, — продолжала мать, — ты выучишься читать и писать. Ты научишься правильно говорить, как настоящий джентльмен, и владеть шпагой. О тебе будут заботиться, по крайней мере, следующие два года. А когда ты закончишь обучение, для тебя найдется место, Саймон — какая-нибудь работа, которую ты сможешь выполнять.

— Нет, — ответил Саймон.

В голове у него раздался крик. Мать тяжело вздохнула, так что дрожь пробежала по ее телу.

— Ты же знаешь, что случается с бродягами, — тихо произнесла она.

В голове Саймона вспыхнула яркая картинка: тела цыган, свисавшие с деревьев на поляне. Он это ясно себе представлял, хотя в то время его еще не было на свете. Ему передалась дрожь матери.

— Я не покину тебя, — пообещала она. — Я найду работу в каком-нибудь другом трактире и буду каждый день тебя навещать. Я буду зарабатывать деньги, чтобы содержать тебя там. Это наш шанс, Саймон, наш единственный шанс начать новую жизнь.

— Нет! — упорствовал Саймон.

Он встал, и шаль соскользнула с его плеч на колени матери.

— Я тебе не нужен, — сказал он. — Ты больше не хочешь, чтобы я был с тобой.

— О, Саймон! — воскликнула мать и обеими ладонями ударила по стене. — Все, что я делаю, — это для тебя. Но этого недостаточно, Саймон, этого уже недостаточно.

Лицо ее сморщилось, и она заплакала.

Саймон смотрел на нее, не отрывая взгляда. Плечи матери тряслись под тонкой шерстяной тканью, волосы упали на лицо, но она плакала беззвучно. Она вообще никогда не плакала — даже тогда, когда ее высекали. Саймона охватил страх. Мать наклонилась вперед, и что-то в этом движении сказалось ему, что она глубоко несчастна. Он протянул руку и неловко погладил ее по волосам.

— Не плачь, — прошептал он.

Она громко зарыдала и упала в его объятия. Он почувствовал дрожь ее худенького тела и ее отчаяние. Слезы выступили ему на глаза.

— Кто будет присматривать за Матильдой? — спросил он.

Мать подняла глаза и отвела волосы от лица.

— Я, — прошептала она, и лицо ее снова сморщилось. — Я буду тебя навещать каждый день! — пообещала она, хотя Саймон уже не плакал.

Он вспомнил, как однажды они стояли вместе в поле, и на небе было много звезд, очень ярких. Чудилось, они так низко, что он может до них дотронуться. И он тогда раскинул руки, и казалось, что он может обнять целое небо.

«Смотри, дауа, — сказал он тогда, — я держу в руках небо!»

А мать немного отошла от сына и тоже раскинула руки. «Нет, — возразила она, — это я держу».

И они бегали по полю с раскинутыми руками, и казалось, что вместе они могут объять

все небо.

— Не плачь, — проговорил он. — Дауа, не плачь.

Мать постепенно успокоилась, и они стояли обнявшись. Ветер трепал волосы матери, они попадали Саймону в глаза и нос, но он не выпускал ее из объятий. В его голове теснились мысли о школе, о странной форме, которую там носят, и о еще более странных книгах, которые он не умел читать. А еще он думал о мальчиках, которые приходили в трактир и старались выманить Саймона из кухни, чтобы посмеяться над ним. Но страшнее их всех была мрачная фигура настоятеля с его двойной тенью.

Но ради матери он готов на все. Он крепко зажмурил глаза и зарылся лицом в ее волосы.

Они стояли, прижавшись друг к другу, когда дверь ближайшей таверны распахнулась и оттуда вышла компания мужчин. Мать Саймона медленно выпрямилась, отстранившись от сына и вытирая глаза. Один из мужчин подошел к ним.

— Вот так-так! — сказал он. — Хорошенькое зрелище.

Это был Черный Джек. Саймон попятился от него, нахмурившись, но матери удалось выдавить улыбку.

— Давненько я вас не видел, — заметил Черный Джек, окидывая взглядом Мари. — Но вы выглядите еще лучше, чем раньше.

Женщина поплотнее запахла шаль.

— Вы слышали о трактире? — спросила она.

Черный Джек переменился в лице.

— Да, — ответил он. — Будь прокляты все пуритане. — И закричал во весь голос: — Чума на этих пуритан! Нужно выгнать из города их собственными кнутами! Повесить на их собственных власяницах!

Мари издала нервный смешок, потом взяла Саймона за руку.

— Куда вы идете? — осведомился Черный Джек.

— Набрать воды для миссис Баттеруорт.

— Тогда позвольте мне сопровождать вас. Хорошенькая леди не должна одна таскать воду.

Мари заколебалась, а Саймон бросил на мужчину яростный взгляд.

— Кроме того, — продолжал Черный Джек, — я хочу засвидетельствовать свое почтение миссис Баттеруорт. Весь город знает, как с ней плохо обошлись.

Он зашагал рядом с матерью Саймона, взяв ее под руку с другой стороны.

— Я присоединюсь к вам позже, — крикнул он своим приятелям, которые стояли, ухмыляясь, на ступеньках таверны.

Какое-то время Саймон шагал с ними в ногу, с решительным видом прижимаясь к матери. Однако Черный Джек мягко, но твердой рукой уводил Мари в сторону от Саймона, а когда они перешли через дорогу, встал между ними. Саймон отступил, наблюдая за матерью. Она казалась сейчас совсем другим человеком: смотрела на Черного Джека и смеялась, приглаживая свои волосы. Саймон не считал его шутки такими уж смешными, но она явно придерживалась иного мнения. Мать даже не заметила, что Саймон больше не идет рядом с ними. Он все больше отставал, пока их не разделила тень, падавшая от дома учителя, — она пронзила сердце Саймона, потому что ему показалось, что мать уже покинула его.

Выходные прошли как дурной сон. Саймон помогал матери продавать на рынке лучшее белье и оловянную посуду. В субботу Сьюзен подыскала себе работу в одной из прачечных, а Мари — в другом трактире. Она не может там ночевать, сообщила мать, и там нет места для Саймона. Сьюзен, стараясь подбодрить мальчика, говорила о том, каким чудесным джентльменом он станет в этой школе. Саймон ничего не ответил — он смотрел вниз, на свою тарелку с хлебом и мясом. Он всего лишь раз попросил мать не посылать его в школу,

но она рассердилась на него и сказала, что теперь он должен вести себя как мужчина. Потом она немного поплакала, прижавшись к нему, но быстро ушла.

В воскресенье за миссис Баттеруорт приехали родственники и увезли ее в повозке. Сьюзен сказала, что заночует в эту ночь в комнате миссис Баттеруорт, и мать взяла Саймона к себе в комнату. Они лежали рядом, как в прежние времена, прижавшись друг к другу, и Саймон долго не мог заснуть, чувствуя ее тепло. Он знал, что мать также не спит, но она замкнулась в молчании. Конечно, они и прежде молчали вместе, но сейчас он был один — наедине с этим молчанием.

Утром, вместо того чтобы пойти с Саймоном на рынок, мать заставила его умыться лицо. Она хорошенько вытерла тряпкой его руки, а потом пригладила гребнем непокорные вихры. Саймон вглядывался в ее лицо, стараясь понять, огорчена ли она, но оно было напряженным и непроницаемым, и мальчик не смог прочесть выражение глаз.

— Когда я тебя увижу? — спросил он, уткнувшись лицом ей в шею.

— Саймон! — сказала она, покачивая сына.

Потом положила ему руки на плечи, отталкивая его.

— Каждую субботу, днем, ты будешь свободен от школы и сможешь ко мне приходить. Каждое воскресенье мы будем видеться в церкви, обещаю. Посмотри на меня, Саймон, — сказала она, когда он покачал головой. Саймон поднял на нее несчастные глаза.

— Что ты видишь?

Этот вопрос она задавала ему и раньше, и он знал ответ.

— Я вижу себя, — ответил он, вглядываясь в блестящую поверхность ее глаз.

Ведь почти всю его жизнь это было единственное зеркало, которое знал Саймон.

— Ты в моих глазах, а я — в твоих, — сказала мать.

Потом она взяла его за руку и повела вниз, и Сьюзен обняла его и сказала, каким славным парнем он стал. Потом, рука в руке, они с матерью перешли через улицу Лонг Миллгейт, пройдя мимо старухи, которая, как всегда, сидела у себя на пороге, что-то бормоча, и мимо мамыши, которая кричала: «Йоаким!», разыскивая своего сына. Так они дошли до ворот школы, и Мари позвонила в колокольчик.

Один из членов церковной коллегии подошел к воротам и спросил, по какому они делу. Саймону не понравилось, как он взглянул на его мать, но она лишь присела в реверансе и сказала, что им велел прийти настоятель. Казалось, этот человек сейчас их прогонит, но он передумал.

— Подождите здесь.

Саймон ждал, вцепившись в руку матери, — женщинам не полагалось идти дальше ворот. Открылась дверь, и страх пронизал мальчика. Сердце его затрепетало точно так же, как птицы в плетеных корзинах на рынке. Но в дверях появился не настоятель, а директор школы, у которого был весьма недовольный вид. Когда он приблизился к ним, Саймон внезапно сделал такое движение, будто хотел убежать, но мать крепко держала его за руку, глядя на сына умоляющими глазами.

— Ты же мужчина, — говорили ее глаза.

Поэтому Саймон остался стоять на месте, когда директор смерил их обоих суровым взглядом. Мари пустилась было в объяснения, но он поднял руку.

— Я сейчас его заберу, — сказал он и приподнялся на цыпочки, а потом снова опустился.

Когда мать уходила, Саймон прижал руку к воротам. Она не оглянулась, и пустоту в его сердце тут же заполнил страх.

ПРАХ

Манчестер, наши дни

На улице Динзгейт между плотно стоявшими друг к другу и едва двигающимися машинами лавировали два велосипеда. Вдруг завывли сирены, и воцарился хаос, когда две полицейских машины, карета скорой помощи и пожарная машина попытались прорваться вперед. Автомобили, автобусы и грузовики жались к тротуару или сворачивали в переулки, пешеходы прижимались к дверям магазинов. Кейт воспользовалась этим, чтобы пробраться через четыре ряда транспорта. Она уже опаздывала.

Кто-то в соборе решил, что Манчестеру пора увековечить свою доиндустриальную историю, и вместе с местными историческими обществами, Театром с образовательными программами и музеями Манчестера разработали проект для городских школ.

— Это очень пригодится для твоей характеристики, — сказала Джудит, ее персональный консультант. — Тогда можно будет отменить особые отчеты.

— Вряд ли, — возразила Кейт, и Джудит приподняла бровь.

— Разве ты не хочешь, чтобы их отменили? — удивилась она.

Кейт нахмурилась. Конечно, она хочет: ведь социальная служба за ней наблюдает, выжидая шанс, чтобы забрать ее у отца.

— Ты умеешь петь? — спросила Джудит, и Кейт еще больше насупилась.

— Я не собираюсь солировать, — предупредила она, и Джудит вздохнула.

— Ну что же, не думаю, что тебе придется, — сказала она. — Ты можешь выбрать, что захочешь: киносьемку, техническое обеспечение. Я просто подумала, что для тебя было бы хорошо, ну — участвовать. Это компенсировало бы все пропуски уроков в школе.

— Все полугодие? — заинтересовалась Кейт. — Каждый день?

Но Джудит лишь закрыла папку и взглянула на девочку.

Занятия в школе уже закончились, но тем не менее предполагается, что она будет в соборе на предварительной встрече. Она пошла домой, переоделась, и тут ее внимание привлекли беспорядок в кухне и отсутствие отца. Она не знала, где он. Оставив ему записку, она быстрым шагом направилась в центр города.

Миновав помещение для посетителей, Кейт вошла в собор через главный вход. И сразу же стих шум Манчестера. В огромные окна лились потоки света, в которых плясали пылинки. Между двумя колоннами был подвешен флаг с надписью «Год чумы, 1605». Большая группа учащихся сидела на стульях, обращенных к передней части нефа, где находились алтарь и резная деревянная перегородка. Перед ними выступала маленькая женщина с седыми волосами «сосульками». Заметив в заднем ряду Бэбс и Нолли из своего класса, Кейт направилась к ним.

— Простите, — говорила она, толкнув чей-то стул, и снова извинилась, наступив на чью-то сумку.

Карен, руководительница проекта, сделала паузу, чтобы дать ей усесться. Бэбс взглянула на Кейт и, улыбнувшись, передала ей листки бумаги и ярлычок с именем, который Кейт неохотно приколола к свой футболке.

— Итак, вы видите, — продолжала Карен, — что у нас нет точных цифр, но чума унесла примерно половину населения. Подумайте об этом. Умерла половина всех людей, которых вы знаете.

Кейт ритмично пинала стул перед собой.

— Это же половина нашего класса, — прошептал Нолли.

— Ну, если в эту половину войдешь ты... — протянула Кейт.

Нолли никогда не отвечал на подобные выпады.

— Но ведь тебе все равно будет меня не хватать? — спросил он.

Кейт не ответила. Она не могла не подтрунивать над Нолли — да и никто не мог отказать себе в этом. И все равно он ошивался там, где меньше всего был нужен.

— Вспыхнул мятеж, — рассказывала Карен, — закон и порядок были нарушены. Люди пытались спастись бегством, но им было запрещено покидать город.

Она взглянула на их унылые лица, в которых читалось полное отсутствие всякого интереса.

— Давайте-ка выйдем на минутку, — предложила она. Учащиеся смотрели на нее равнодушными взглядами. — Пошли. Все — на улицу.

Послышались вздохи, бормотание и шум отодвигаемых стульев. Карен повела их через северный вход собора. Кейт поплотнее запахнула тонкую куртку, почувствовав порыв ветра.

— Хорошо, — сказала Карен. — Что мы видим?

Огромное стеклянное здание нового музея, Урбис, сияло холодным светом, как лед. Транспорт медленно двигался по Корпорейшн-стрит, останавливаясь на красный сигнал светофора. Справа от собора располагались дорогие магазины Треугольника, впереди — станция «Виктория». На площади, покрытой травой, между собором и станцией метро, били фонтаны.

— Я хочу, чтобы вы представили, каким маленьким был Манчестер в 1605 году, — продолжала Карен. — Тогда не было почти ничего из того, что вы видите здесь сейчас. Был собор — тогда просто церковь, и школа, которая в то время называлась Манчестерская грамматическая школа. Нет, не Четем, — тут она указала на высокое красное здание напротив Урбиса. — Его построили позднее. Здание школы было старым помещичьим домом — если вы туда пройдете, то увидите на стене табличку со словами «Лонг Миллгейт» — четыреста лет тому назад это была улица, на которой находилось множество трактиров. Динзгейт был там же, где и теперь, и река огибала одну сторону собора, в то время всего лишь приходскую церковь. С южной стороны собора была рыночная площадь и Маркет-Стед-лейн. Вот так примерно все и было. Манчестер тогда был деревней, а не городом, но на этих улицах проживало две или три тысячи людей.

— Мисс, а как насчет магазинов? — спросила Бэбс.

— Карен, — поправила ее руководительница проекта. — В основном они были сосредоточены на Маркет-Стед-лейн и Смити-дор, которые располагались между церковью и рыночной площадью. Ну, а теперь скажите: вы заметили, чего нет у церкви?

Последовало молчание. Кейт взглянула на грифонов и горгулий над дверью.

— Ну, думайте, — сказала Карен. — Какого рода события проводят в деревенской церкви?

— Свадьбы, мисс, — ответил кто-то.

— Верно. А еще?

— Похороны? — предположила Бэбс.

— Правильно. Когда-то здесь, должно быть, имелось кладбище. Вообще-то мы знаем, что оно тут было: во время чумы в могилы тут хоронили столько народу, что на кладбище не хватало места, и тела хоронили в полях. Но никто не знает, что случилось с кладбищем. Существует догадка, что оно, вероятно, размещалось там, где теперь находятся магазины Треугольника. Как вы думаете, почему его здесь больше нет?

Никто не знал. Кейт теребила ярлычок со своим именем. Интересно, сколько ребят отказались добровольно от своих каникул и скольких из них, подобно Кейт, заставили это сделать. Вероятно, только Бэбс была действительно полна энтузиазма.

— Итак — чем же славится Манчестер? — спросила Карен. — Во все времена, и сейчас тоже, — добавила она.

— Дождем? — предположил Нолли. И в самом деле начался мелкий дождик.

— Дождем, — повторила Карен. — А что случается, когда много дождевой воды попадает в реки? Правильно, они переполняются, и тогда начинается наводнение. Вот почему у Манчестера больше нет кладбища. Все, что вы здесь видите, было построено на месте первоначального Манчестера.

Никакой реакции не последовало, и Карен заметила:

— Что-то вас это не особенно взволновало. Разве вы не видите, как тут все было?

— Холодно, мисс, — сказала одна из девочек, и несколько человек ее поддержали.

— Ладно, пойдемте в собор. — Карен смирилась с неизбежным. — Я хочу, чтобы вы познакомились с теми, кто будет работать с вами.

Все потянулись обратно в храм, мимо плакатов с изображениями церкви и ее

окрестностей в те далекие времена.

— Внимание, все!

Карен представила Денни, невысокого коренастого мужчину с черными волосами, который будет заниматься с ними технической стороной; Зою, скульптора, которая будет лепить фигурки из глины; Лию, которая будет изготавливать свечи, и Элфа, который поможет группе сделать витраж, изображающий сцены из Года Чумы.

— Надеюсь, все вы получите возможность работать, по крайней мере, над двумя аспектами, — сказала Карен. — Но пока что мы разбили вас на группы в соответствии с родом деятельности, который вы указали в анкетах.

Она прочитала фамилии по группам. Кейт не заполняла бланк, но ее включили в одну группу с Бэбс и Нолли. Из трех учеников класса только Бэбс вызвалась добровольно — впрочем, она была добровольцем в любых начинаниях. Нолли заставили ходить на эти занятия, потому что он завалил все экзамены, а Кейт — за постоянные прогулы. Они входили в группу Б вместе с тремя ребятами из Нижнего Брофтона, которые сидели в том же ряду, подальше, хихикая и пересмеиваясь. Пока что они совсем не разговаривали с Кейт, Бэбс или Нолли.

Денни хлопнул в ладоши.

— О'кей, группы А и Б, пойдете со мной, пожалуйста.

Кейт прошла вперед вместе со своей группой.

— Хорошо, — сказал Денни. — Мы создадим фильм о Года Чумы.

И он объяснил, что они снимут видеофильм, в котором будут беседовать о чуме от лица различных персонажей.

— Нам нужны актеры и рассказчики, — продолжал он, раздавая группе А листы со сценарием. — Так что вы сами определите, чем каждый из вас будет заниматься. А тот, кто не будет сниматься, может помогать с освещением и записью звука.

Бэбс сразу же вызвалась раздавать сценарии.

— Возьмите их с собой и просмотрите, а завтра мне скажете, как вы распределились, — попросил Денни. — Ну, а кто не хочет ни играть, ни рассказывать?

Девочка из группы А подняла руку. Кейт сгорбилась — она тоже не хотела сниматься.

— Насколько я понимаю, вас интересует техническая сторона дела, — заметил Денни.

Кейт пожала плечами.

— Ну что же, э-э — Кейт, — сказал он, прочитав ее имя на ярлычке, — я хочу, чтобы все попробовали разные аспекты процесса съемки, хорошо?

Не успела Кейт ответить, как Карен попросила все группы собраться вместе.

Предполагалось, что в процессе работы над проектом ребята из разных городских школ будут трудиться вместе. Правда, пока что, собравшись вокруг Карен, они стояли отдельными группами. Группа А подчеркнуто держалась в стороне от группы Б, а Кейт, Нолли и Бэбс сторонились других ребят — Лорны, Стефана и Даниеллы. Стефан был худенький, кофейного цвета, а Лорна и Даниелла — прыщавые, с бегающими глазками. Даниелла все время теребила свои волосы, выкрашенные в разные цвета.

Карен сказала им, что настоящая работа начнется завтра. Это сообщение было встречено стонами недовольства, поскольку следующий день был субботним. Карен подняла руку.

— Дело в том, что в конце недели здесь будет телевизионная группа, — сообщила она. — Может быть, программа новостей, и определенно — «Взгляд на северо-запад» захочет сделать передачу. Так что у нас все должно быть в полном порядке ко времени их приезда.

На этот раз реакция была более оживленной.

— У нас будут брать интервью? — поинтересовался один из мальчиков.

— Возможно, — ответила Карен, проведя рукой по волосам. — Быть может, вы захотите выбрать представителя от каждой группы. Но помните, — повысила она голос, так как собравшиеся начали шумно переговариваться, — все зависит от того, будете ли вы

заниматься здесь каждый день, с 9-30 утра до часу дня. По окончании проекта мы сообщим о результатах в ваши школы, и в журналах будут делаться записи.

«Совсем как в школе», — подумала Кейт.

— Ну, хорошо, — продолжала Карен. — А сейчас выйдите вперед те, кто интересуется пением.

— Мы хотим сделать саундтрек для нашего видеофильма, — пояснила она, так как никто не сдвинулся с места. — Просто немного музыки того времени. Вам не нужно будет петь самим.

Поднялась Бэбс, потом Стефан и Лорна. Кейт попятилась, когда все больше школьников начали выходить вперед. Она не хотела ни петь, ни появляться на телеэкране. Она спряталась за одной из больших колонн собора, читая листы, которые ей дали, в то время как все остальные собрались вокруг Карен.

Собор был больше, чем церкви, виденные ею раньше, — с двумя проходами и декоративной деревянной перегородкой, за которой, как узнала она из записей, сидел хор. Кейт проскользнула на скамьи для хора и начала рассматривать резьбу на откидных стульях на хорах. Там были изображены лиса, учившая двух лисят читать, и обезьяны, ворующие одежду у спящего корабейника. Она опустила одно сиденье и уселась, когда начали петь. Кто-то сделал пометки на подлокотнике, и она приподнялась, чтобы взглянуть.

«У.Л.Ч, 1604», — прочитала она. Кейт водила пальцем по надписи. Она думала обо всех мальчиках, которые пели на этих хорах, или сидели тут, скучая, и украдкой вырезали ножом свои имена. Как странно, что дети тогда ничем не отличались от нынешних.

Над ней темно-красная роза цветет,
Над ним — белоснежный шиповник,

— выводили школьники.

И вдруг Кейт почувствовала, что все это уже было однажды. Но это же вздор, она никогда раньше сюда не заходила. Ей показалось, что за ней наблюдают глаза грифонов и горгулий, и резных фигурок. Она встала и поспешно зашагала прочь, обратно в неф.

В записях говорилось, что вся северная часть была восстановлена после бомбардировок Второй мировой войны, и сама бомбардировка была запечатлена на ярко-красном витраже в восточном конце собора. Вечернее солнце сияло на золотых инструментах четырнадцати каменных ангелов под крышей.

В соборе царил покой. На заднем ряду сидел какой-то бездомный — возле киоска, в котором старушка раздавала посетителям брошюры. Церковный служитель тихонько передвигался в пределах со стороны нефа. Кейт прошла к скамье в одном из задних рядов и взглянула на алтарь.

Впереди, через несколько рядов от нее, в луче света, падавшем из окна, как из «волшебного» фонаря, сидела какая-то женщина. Кейт не заметила ее раньше. Солнце играло в ее волосах. Внимание Кейт привлекла одежда женщины: на ней было что-то вроде одеяла из синей выцветшей ткани, а под ним — длинная юбка, когда-то яркой расцветки, но сейчас бледная, в пятнах.

«Кто-то из актеров», — подумала Кейт, решив, что эта женщина имеет отношение к проекту.

Но в этот момент женщина обернулась и взглянула ей прямо в глаза. У Кейт бешено забилося сердце. Она мигнула и потеряла глаза — и женщина исчезла.

«Ну вот, у меня начались видения», — сказала себе Кейт. Это из-за света в соборе, туманного, словно подернутого дымкой, да еще пылинки танцуют в солнечных лучах. И опять-таки — все эти разговоры об истории. Но Кейт могла бы поклясться, что на одеяле женщины была кровь.

И вдруг Кейт остро почувствовала, что ей нужно идти домой. Она не знала, откуда у нее появилось это ощущение, но оно билось в ней настойчиво, как пульс в висках. Она

встала, резко отодвинув стул, и незаметно вышла из собора. Завернув за угол на Динзгейт, она пустилась бегом.

МАСТЕР КИТ МОРЛИ

1

4 октября 1604 года

Джозеф Прайор, самый младший мальчик в Манчестерской грамматической школе, ворочался на своей кровати. Ему не было еще и семи лет, и он скучал по своей маме. Ему сказали, что он никогда больше ее не увидит, потому что она была чем-то ужасным, под названием папистка. Он спал в дортуаре для младших учеников, где стояла кровать для кого-нибудь из старших мальчиков, которые следили, чтобы малыши прочитали молитвы перед сном и улеглись в постели. В дортуаре размещалось двенадцать кроватей, но несмотря на присутствие остальных детей, Джозеф очень боялся темноты. Он старательно скрывал тот факт, что писается в постели, — правда, судя по запаху в комнате, он был не единственным.

Джозеф напрягся, услышав шаги в коридоре, и с облегчением вздохнул, когда они удалились. Он пугался каждого шороха, а тут было много разных шумов. Но особенно он боялся настоятеля: ведь все знали, что на самом деле он Дьявол.

— Он разгуливает по коридорам в облике огромной черной собаки, — рассказали ему старшие мальчики. — А глаза у него большие, как блюдца, и сияют адским пламенем. Он сопит под дверью, пытаясь войти. Но как только ты уснул — и если ты помолился перед сном, — он не может войти.

Джозеф попытался заговорить, но лишь пискнул:

— А если т-ты никак не можешь уснуть?

— Тогда он придет за тобой, — ответил самый старший мальчик, Уильям Чабб, и Джозеф взглянул на него с отчаянием утопающего.

— Но хорошие мальчики всегда засыпают, — вставил другой мальчик, и Джозефу Прайору стало еще хуже.

Ведь он читал по два раза все молитвы, которые помнил, и тем не менее не мог заснуть. Однажды его высекли в классе за то, что он уснул на уроке, а еще — в церкви, за то, что зевал.

Но как только он ложился в постель, сна не было ни в одном глазу. А когда он забывался неглубоким, беспокойным сном, то мочился в постели. Отчасти так получалось оттого, что он боялся встать в темноте и воспользоваться ночным горшком. И тем не менее Джозеф все время молился: он просил Бога сделать его хорошим и очистить его душу от греха родителей. Он даже обещал, что постарается забыть свою маму, но от этой молитвы на одеяло капали горячие слезы. И он молился каждый день о том, чтобы настоятель не заметил его и не пришел за ним ночью. Наверно, он нехороший, иначе Бог услышал бы его молитвы.

Снаружи снова донесся шум, и Джозеф Прайор затаил дыхание, и сердце его сильно забилося. Но это был всего лишь скрип древнего столярного верстака — казалось, будто старый дом скрипит зубами. Со всех сторон слышалось сопение, и он знал, что все остальные мальчики спят. Если он не заснет как можно скорее, то пора будет вставать и высиживать долгие ужасные уроки, на которых он ничего не понимал. Он сел в кровати и посмотрел в ту сторону, где лежал самый старший мальчик.

— Кит, — прошептал он. Потом повторил чуть громче: — Кит?

Старший мальчик шевельнулся.

— Кит? — снова позвал Джозеф.

— Что? — сонно пробормотал Кит.

— Ты спишь?

— Да.

— О, — произнес Джозеф, и Кит вздохнул.

Повернувшись на бок, он спросил:

— Что такое?

— Я не могу уснуть.

— Прочитай молитвы.

— Я уже прочитал их все. По два раза.

Кит издал неслышимый стон. Но он знал, в чем дело. Он тоже был младше остальных мальчиков, когда его забрали у матери. Он тоже происходил из католической семьи, и ему больше никогда не пришлось увидеть мать. И у него тоже были ночные кошмары — порой бывали и сейчас, хотя ему почти четырнадцать.

— Я прочитаю молитвы вместе с тобой, — ответил Кит.

С минуту еще понежившись в теплой постели, он откинул одеяло и встал, с трудом удержавшись от того, чтобы не выругаться, когда ударился ногой. Кит присел на край кровати Джозефа Прайора, и маленький мальчик прильнул к нему. Кит сложил руки малыша для молитвы, сверху обхватив своими.

— Если ты будешь спать вот так, Дьявол не сможет причинить тебе вреда, — прошептал Кит, и Джозеф кивнул, широко раскрыв глаза.

Кит прочитал молитву, которую знали все малыши, и Джозеф читал ее вместе с ним.

— Спаси, Господи, и помилуй.

Потом они вместе прочитали *Nunc Dimittis*, и, наконец, тепло от тела Кита и от его рук сделало свое дело, и голова Джозефа склонилась. Кит осторожно отстранился от спящего ребенка.

На следующий день Джозеф поднялся в шесть, чувствуя себя гораздо лучше оттого, что выспался, и последовал за другими мальчиками на общую молитву.

«Все будет хорошо», — подумал он, очень ободренный тем, что наконец-то смог заснуть предыдущей ночью. Да, только нужно не поднимать голову, чтобы никто не заметил его.

Через час молитва закончилась, и пришло время завтрака. Завтракали в Большом зале, обшитом дубовыми панелями и освещенном горящими факелами. Там были два стола для мальчиков и длинный стол для учителей и членов церковной коллегии — в свой первый день в школе Джозеф был поражен шумом. Двадцать два мальчика ели мясо без ножа, зачерпывая соус ложкой. На стене висело большое объявление:

«Не прихлебывай с шумом свой суп.

Не рыгай в лицо другим.

Не чеши за столом голову и не плюйся.

Не окунай мясо в солонку, а бери соль ножом.

Ешь мясо маленькими кусочками, пей тихо, как зверь в поле.

Вытирай рот салфеткой, а не скатертью.

Не сморкайся в салфетку».

Джозеф не смог это прочитать, но ему помог один из старших мальчиков. Казалось, они гордятся тем, что нарушают большинство этих правил — особенно насчет того, чтобы не рыгать и не плевать. Однако никто не выговаривал им за это, поскольку учителя делали то же самое. Джозеф Прайор держал голову опущенной и читал молитвы вместе с остальными до и после еды. Потом он помог убрать посуду и ничего не уронил.

«Сегодня будет хороший день», — сказал он себе.

Но удар был нанесен сразу после завтрака. Младший учитель, мастер Грингольд, высокий худой мужчина, у которого было унылое выражение лица и нос горбинкой, велел ему отнести завтрак настоятелю к тому в комнату. Ему пришлось повторить дважды, прежде чем Джозеф понял, и спросить, отчего это мальчик уставился на него, как перепуганный кролик. Кит приподнялся со стула:

— Я отнесу, — сказал он.

— Нет, ты не пойдешь, — возразил учитель. — Я тебя не просил.

— Итак? — обратился он к Джозефу, который побледнел как полотно.

Один из старших мальчиков издал смешок, и Джозеф внезапно повернулся и, не произнеся ни слова, торопливо зашагал на кухню. Он не мог так же быстро бежать с подносом, и каждый шаг отдавался у него в ушах, как удар колокола.

«Сегодня будет хороший день», — напомнил он себе, но эти слова раздались тихим писком у него в голове. Когда мальчик приблизился к каменной лестнице, которая вела к комнате настоятеля, он попытался молиться, но забыл все слова. Он стоял, в испуге глядя на горгулий — ведь если он не сможет молиться, обязательно появится Дьявол. Можно оставить поднос у подножия лестницы, но тогда его высекут. Весь в поту, он начал подниматься по лестнице и, добравшись до сводчатой двери настоятеля, робко постучался.

Никто не ответил.

Джозеф Прайор с облегчением вздохнул: теперь можно просто оставить здесь поднос.

«Я постучал, — скажет он, — но никто не ответил».

Но когда он наклонился, чтобы поставить поднос на пол, дверь вдруг бесшумно распахнулась. Сердце Джозефа бешено заколотилось. Взгляд его поднялся вверх, скользнув по длинному черному одеянию настоятеля. Джозеф боялся того, что сейчас увидит. Но у настоятеля был рассеянный вид. Он носил черную шапочку — старшие мальчики утверждали, что под ней он скрывает рога. Джозеф сжал губы, чтобы не захныкать, и попятился.

— Что это? — раздраженным тоном осведомился настоятель, и Джозеф указал на еду. — Ну же? — рявкнул настоятель, и Джозеф посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Подними это, парень — подними с пола!

Слезы навернулись Джозефу на глаза, когда он шагнул вперед, а ладони вспотели, когда он поднял поднос. Как только настоятель взял у него еду, мальчик сразу же отпрянул.

— Эй — как тебя — как тебя зовут? — бросил настоятель ему вслед, и Джозеф в ужасе остановился, оглянувшись через плечо.

— Д-джозеф П-прайор, — удалось ему выговорить, и настоятель шагнул к нему.

— Ты знаешь мастера Кита Морли? — спросил он.

«Кита?» — подумал Джозеф и осторожно кивнул.

— Скажи ему, что я хочу его видеть. Ну же! — сказал настоятель, когда Джозеф не сдвинулся с места. — Ты можешь идти. Ступай! — вдруг рявкнул он, и Джозеф помчался с такой скоростью, будто за ним гнались все псы ада.

2

Вернувшись в Большой зал, Джозеф застал там лишь несколько старших ребят, которые до службы играли в кости, что, разумеется, было строго запрещено. Внутри Джозефа снова все сжалось, так как он боялся старших мальчиков — за исключением Кита, который сидел на краешке стола, наблюдая за игрой.

Уилл Чабб играл с Майклом Лэнгли, но когда Джозеф робко приблизился, он сказал, не поднимая глаз:

— Что это такое к нам приближается?

Натаниель Паркер, мальчик с хитрым лицом и косыми глазами, ответил:

— Инкуб! — Но Майкл Лэнгли возразил:

— Нет, это всего лишь мастер Прайор, но он ужасно изменился. — И они начали издавать восклицания, исполненные ужаса и отвращения, так что Джозеф в ужасе огляделся и сильно вспотел.

И тогда Бен Хьюитт спросил:

— О, Джозеф, Джозеф, что он с тобой сделал? — таким скорбным тоном, что Джозефу показалось, будто Бен сейчас заплачет.

— Оставьте парня в покое, — вмешался Кит.

Но Паркер поднялся со своего места и приложил руки ко лбу Джозефа, притворяясь, что нащупывает бугорки.

— Да — так я и думал, — сказал он. — Рога начинают расти.

Рука Джозефа взметнулась ко лбу, и старшие мальчишки рассмеялись.

— Что с тобой, Джозеф? — осведомился Кит, а Уилл Чабб подсказал:

— Язык проглотил — это один из первых признаков.

— У тебя есть сообщение? — предположил Кит, и Джозеф кивнул.

— Мы что, должны гадать? — спросил Чабб.

Наконец Джозеф обрел дар речи.

— Он — он хочет, чтобы ты пошел к нему — он хочет тебя видеть, — заикаясь, произнес он, сильно покраснев.

— Кто именно — церковный сторож? — предположил Чабб, ухмыльнувшись, однако Джозеф не мог себя заставить произнести слово «настоятель».

— Настоятель? — подсказал Кит, и Джозеф снова кивнул.

Слезы навернулись ему на глаза, и все мальчишки начали издавать скорбные завывания. Чабб свистнул.

— Теперь твоя очередь, — сказал он, глядя на Кита, у которого был расстроенный вид. — Он съел Прайора в качестве закуски, а теперь требует основное блюдо.

— Он хочет увидеть меня прямо сейчас? — спросил Кит, и Джозеф опустил голову.

— Держись за свое распятие, — посоветовал Лэнгли.

— Ни до чего там не дотрагивайся, — добавил Паркер.

— И не вздумай что-нибудь есть или пить в этой комнате, — наставлял Хьюитт.

— Я пойду с тобой, — предложил Чабб, когда Кит неохотно поднялся. — Если ты не вернешься через полчаса, я приду за тобой.

— Стой возле двери, — прокричал им вслед Лэнгли. — Если он начнет что-нибудь делать, ты сможешь убежать!

— А если он начнет петь на разных языках, — сказал Паркер, — воспользуйся своей шпагой.

— Остерегайся волшебной палочки, — предостерег Хьюитт.

— Кто вы такие? — бросил Кит через плечо. — Толпа глупых служанок?

— Кстати о служанках, — оживился Чабб, когда они с Китом ушли. — У миссис Баттеруорт появилась одна новенькая. Слышал, стоит того, чтобы с ней познакомиться поближе. Не молодая, но хорошенькая. Я подумал, мы могли бы позже туда сходить и взглянуть на нее. Вы как?

— Может быть, — рассеянно произнес Кит.

Он не так любил таверны, как другие мальчишки, и ходил только тогда, когда не мог отвертеться. Но Чабб, у которого в четырнадцать лет на лице уже появилась темная щетина, а голос стал слишком низким для хора, всегда туда стремился.

— Тебе нужно будет выпить после того, как он тебя отпустит, — сказал Чабб, когда они шли по двору. — Вернее, если он тебя отпустит. Но не расстраивайся, я зайду за тобой и скажу, что тебя зовет учитель на урок фехтования.

— Как, в воскресенье? — удивился Кит.

— Ты же не думаешь, что его интересует, какой сегодня день? — ответил Чабб. — Возможно, он даже и не знает. Такие вещи не существуют там, откуда он явился.

Кит открыл дверь.

— Не беспокойся, — продолжал Чабб, — ему придется выпустить тебя, когда настанет время идти в церковь, а иначе регент захочет узнать, в чем дело.

Кит покачал головой и закрыл дверь перед своим другом. Он не разделял тот смутный страх перед настоятелем, который испытывали остальные мальчишки. Однако, поднимаясь по лестнице, он не мог не размышлять о том, зачем понадобился настоятелю и как бы отвертеться. Вчера его послали вызвать настоятеля в Корт Лит, и тогда тот как-то странно на

него взглянул. А в комнате пахло чем-то необычным: дымом и чем-то едким.

К двери настоятеля была прикреплена записка: «Не беспокоить».

Кит дважды прочитал ее. Он поднял руку к дверному молотку, потом опустил. Теперь нужно уходить, подумал он, пока настоятель не знает, что он здесь. С минуту колебавшись, он тихонько постучался в дверь. Может быть, он не услышит, подумалось Киту, но не успел он повернуться, как дверь отворилась.

— Ах, Кит, — сказал настоятель. — Я вижу, ты рассматриваешь мою записку. Но к тебе она не относится.

Кит ничего не ответил. Настоятель смотрел на него ироническим взглядом.

— Ну что же, хватит здесь стоять, — сказал он. — Заходи, заходи.

И, пожалев о том, что не ушел раньше, Кит последовал за ним в комнату.

3

— Взгляни внимательно в это зеркало, — сказал настоятель, или доктор Ди. — Что ты видишь?

— Я вижу себя, — ответил Кит. — А что я должен видеть?

На лице настоятеля появилось нетерпеливое выражение, затем, словно заметив, что мальчик изучает его в зеркале, он отступил в сторону. Кит продолжал внимательно всматриваться в зеркальную поверхность, раздумывая, к чему все это. Он едва ли видел свое отражение раньше. В доме директора было единственное зеркало, и отражение в нем было мутным и искаженным. А у настоятеля оно было таким чистым и ясным, словно смотришься в озеро. Интересно, откуда оно у него? Такое зеркало стоит целое состояние. Он отвел от глаз свои светлые волосы и пригляделся повнимательнее. Это лицо его матери? — подумалось ему. Няня однажды сказала Киту, что он — вылитая мать.

У него за спиной настоятель пересек комнату и подошел к самому высокому зеркалу, задрапированному красной тканью.

— А как насчет этого? — спросил он, и Кит неохотно приблизился.

Доктор Ди сдернул покрывало жестом фокусника в бродячем цирке.

— Что ты видишь теперь? — осведомился он.

— Снова себя.

— Приглядишься повнимательнее, — сказал настоятель.

Кит посмотрел и покачал головой.

— Обнажи свою шпагу.

Кит вытащил шпагу и невольно издал изумленный вздох, потому что фигура в зеркале вытащила шпагу другой рукой; настоятель пристально наблюдал, как Кит делает выпад и парирует удар. Казалось, он вступил в поединок с противником в зеркале. Кит знал, что от него ждут каких-то слов, но лишь молча вложил шпагу в ножны.

— А теперь вот это, — настоятель сдернул покрывало с третьего зеркала. Там, в глубинах потемневшего зеркала, фигура Кита висела вверх тормашками.

— Ты видишь? — спросил настоятель.

Кит прикрыл глаза, вспомнив, что Дьявол использует много уловок, чтобы завладеть душами. Затем он открыл глаза и взглянул на настоятеля.

— Что это такое? — спросил он, и тот снова набросил на зеркало покрывало.

— Наука оптика, мой милый мальчик, — объяснил он, — которая открывает аспекты известного мира, дотоле невидимые. И аспекты потайного мира. Смотри.

Настоятель подошел к столу и снял с него еще одно покрывало, открыв большой камень, черный и отполированный. Кит осторожно приблизился.

— Всмотрись как следует в глубь камня, — сказал настоятель.

Как Кит ни вглядывался, он не видел ничего, кроме своего отражения и отражения настоятеля — на этот раз не перевернутых.

— Сколько у вас зеркал? — спросил он.

— Ты увидел их все, — ответил настоятель. — А сейчас помолчи и сосредоточься.

Кит вгляделся. Настоятель стоит слишком близко, подумал он. Он чувствовал запах благовонного масла, исходивший от его бороды. И тогда, словно прочитав мысли Кита, настоятель отошел и занялся своими бумагами.

Кит не знал, что он должен делать. Он перевел взгляд на другие предметы на письменном столе настоятеля: глобус, окруженный звездными сферами, компас и квадрант, и набор математических таблиц.

О настоятеле ходили ужасные слухи: будто бы он держит у себя в комнате головы трупов и пьет из них кровь. Кит видел комнату, отражавшуюся в камне, но не заметил ничего. Полки были уставлены томами Боэция,² Коперника и Парацельса.³ *Malleus Maleficarum*⁴ стоял рядом с *De Revolutionibus Orbium Coelestium*⁵ Коперника. Кит никогда прежде не видел столько книг. «Сколько же все это стоит?» — подумал он.

Настоятель по-прежнему молчал. Затылок Кита начал ныть, и он хотел было отойти от стола, но тут настоятель заговорил:

— «И в небе, и в земле сокрыто больше, — цитировал он, стоя за спиной у Кита, — чем снится вашей мудрости». ⁶ Невиданные миры, другие плоскости, измерения, виды реальности, о которых никогда прежде не слыхивал человек. Есть более высокий уровень знаний, Кит, нежели тот, что мы получаем из книг. Наконец-то, с помощью науки, человек готов получать их напрямую.

Кит почувствовал, как закаменели его плечи.

— Погоня за знаниями — дорога к вечным мукам в аду, — смело произнес он.

— Кто тебе это сказал — мастер Грингольд? — спросил настоятель с нескрываемым презрением. — Да, именно это он бы и сказал. Вот чему они учат мальчиков.

Кит осторожно наблюдал за ним. Настоятель обращался к нему по имени, тогда как другие учителя называли его мастер Морли. Кит не знал, что и подумать. Казалось, он намекает на какие-то неофициальные отношения между ними.

— Так говорится в Библии, — настаивал Кит.

— Ах, в Библии, — повторил настоятель с непроницаемым выражением лица. — Древо познания, которое явилось причиной грехопадения. А что, если существуют и другие книги, Кит, — книги столь же священные, как и Книга Бытия, — которые преподают другой урок? Книги, которые никогда не были включены в Библию?

Интересно, уж не пытается ли настоятель поймать его в ловушку?

— Какие книги? — спросил Кит.

— Книги, которые учат противоположному: что Бог создал человека как равного себе, выше ангелов и более свободного. Книги, которые открывают дорогу к мудрости, — их предусмотрительно скрывали от простых людей. Я употребил слово «предусмотрительно», потому что это опасные книги, Кит.

Кит чувствовал, как бешено колотится его сердце. Он знал, каково наказание за ересь.

— В этих книгах зашифрована ангельская мудрость, — продолжал настоятель.

Кит потряс головой, чтобы в ней прояснилось, так как настоятель зажег ароматическую свечу. «Стой возле двери», — вспомнил он слова Лэнгли.

² Боэций (ок. 480–524) — христианский философ и римский государственный деятель.

³ Парацельс (1493–1541) — врач и естествоиспытатель.

⁴ «Молот ведьм».

⁵ «Об обращении небесных сфер» (1543) — сочинение Коперника.

⁶ Шекспир. Гамлет, перевод М. Лозинского.

— Почему вы мне все это говорите? — спросил Кит, отступая от камня.

Доктор Ди отвернулся.

— Я не могу сейчас объяснить тебе все, — сказал он. — Но то, что я предлагаю, — это шанс постичь Знание. Знание такого рода, что доступно лишь немногим. Мое Знание, Кит. Я предлагаю тебе мое Знание.

Киту хотелось бы, чтобы сердце у него перестало так колотиться.

Что скажет директор? И остальные мальчики?

Но существовало кое-что, чего не знали ни директор, ни другие мальчики. Тайна, которую Кит хранил так долго, сколько себя помнил, из-за которой просыпался по ночам весь в холодном поту. А вдруг во всех этих еретических знаниях есть что-то такое, что поможет ему?

— Итак? — спросил настоятель. — Возможно, это будет означать несколько часов дополнительных занятий в неделю.

Кит наконец обрел дар речи.

— Я не знаю, — ответил он. — Я и так уже занимаюсь по многу часов.

Настоятель прикрыл глаза. Он был недоволен.

— Ты видишь этот гобелен? — сказал он, и Кит вздрогнул оттого, что тот сменил тему.

Он взглянул на гобелен, который висел на стене, протягиваясь от потолка до самого пола. На нем были изображены единорог и ангел.

— Приподними его, — велел настоятель.

Удивляясь, почему так легко подчиняется, Кит приподнял гобелен. Под ним были такие же дубовые панели, как и в остальной части комнаты.

— Подними руку и передвинь ее чуть левее.

Кит поднял руку.

— Нажми на панель, — сказал настоятель.

Кит выполнил его приказание. Вздвогнув от удивления, Кит осознал, что перед ним дверь. «Тайник священника», — подумал он, глядя в темноту. Он и раньше слышал о таких местах, где богатые католики прятали своих священников во времена гонений.

— Открой ее, — сказал настоятель.

Кит оглянулся, но настоятель сидел неподвижно, прижав кончики пальцев ко рту, его темные глаза блестели. Кит толкнул дверь, и она бесшумно отворилась. За ней была лишь темнота.

— Ты видишь лестницу? — спросил настоятель.

— Нет, — ответил Кит.

— И тем не менее она там есть, — сказал настоятель. — Протяни руку, и ты нащупаешь перила.

Кит пошарил в потемках. «Вот и все», — подумал он. Сейчас настоятель столкнет его с лестницы и закроет за ним дверь. Не так ли он добывает свои трупы?

— Ступай дальше, — велел настоятель.

Сколько времени пройдет, прежде чем его хватятся? А если его найдут, что он скажет? «Ну, знаменитый Черный Колдун велел мне войти в темный шкаф, что я и сделал».

— Еще дальше, — снова сказал настоятель. Рука Кита схватилась за шпагу, но настоятель лишь сказал мягким тоном: — Твои глаза скоро привыкнут к темноте.

Ноги Кита нащупали первую ступеньку лестницы.

— Посмотри, куда она тебя приведет, — напутствовал его настоятель. — А потом возвращайся. Поторопись.

Он вернулся в комнату, и Кит резко обернулся, ожидая, что он захлопнет дверь, но настоятель не двинулся с места.

Ругаясь себе под нос, Кит начал на ощупь спускаться по лестнице. Винтовая лестница круто уходила вниз. Глаза Кита медленно привыкали к темноте, и откуда-то забрезжил слабый свет. Несмотря на страх, Киту было любопытно. Вскоре он услышал шум реки. Когда лестница закончилась, он увидел над собой решетку и что-то вроде выступа, по которому он

мог выбраться наружу. Встав на выступ, он толкнул решетку. Она легко поддалась.

Когда он вылез наружу, его оглушил рев реки и ослепил свет. Он стоял на берегу, удивленно моргая. Рядом он увидел дверь старой судомойни при кухне, которой больше не пользовались. Лишь кухарка иногда проходила по этой тропинке.

Кит забрался обратно, пока его никто не увидел, и прикрыл за собой решетку. Через несколько минут он уже стоял в комнате настоятеля.

— Две с половиной минуты, — констатировал настоятель. — Иногда я буду просить тебя тайно приходить на наши встречи и так же уходить. А порой буду посылать за тобой. Что ты думаешь?

— Есть ли еще такие ходы? — осведомился Кит. — Вы попадаете в церковь таким путем?

Он вспомнил, как настоятель много раз появлялся в церкви и исчезал, и все считали, что он делает это с помощью своего колдовства.

Но настоятель лишь улыбнулся.

— Довольно, — сказал он. — Тебя интересует мое предложение или нет? Это должен быть наш секрет.

«Еще секреты», — подумал Кит.

Настоятель продолжал:

— Директор должен знать только то, что я предлагаю тебе дополнительные занятия по математике, чтобы подготовиться к поступлению в Оксфорд. Что скажешь?

— Я не знаю, — ответил Кит. — Я подумаю об этом.

Настоятель вздохнул.

— Что-то я не вижу особого энтузиазма, мальчик, — заметил он. — Я предлагаю тебе дополнительные занятия по математике и астрономии, а также по другим, более тайным наукам. Разве ты не хочешь учиться? Разве ты никогда не задумывался о секретах и тайнах мироздания?

Лицо Кита вдруг вспыхнуло — так ему захотелось рассказать о своем собственном секрете! Настоятель смотрел на него с любопытством.

— Итак? — произнес он, но Кит молчал. — Я пошлю за тобой завтра, после уроков, — продолжил он, собирая бумаги на столе.

Кит открыл было рот, но именно в этот момент в дверь постучали. Настоятель нахмурился.

— Кто там? — спросил он, и из-за двери послышался низкий голос Чабба.

— Это мастер Чабб, сэр. С вашего позволения, сэр, хору пора идти в церковь.

Настоятель снова нахмурился, затем кивнул.

— Ты можешь идти, — обратился он к Кита и повернулся к своим бумагам. Но, видя, что Кит не трогается с места, добавил: — Ступай. Что тебя удерживает?

И, не произнеся ни слова, Кит вышел из комнаты.

4

— Ну давай же, — сказал Чабб, когда они выбежали во внешний двор.

— О чем ты?

— Расскажи нам, зачем ты понадобился старому колдуну. — И когда Кит ничего не ответил, он продолжил: — Я же пришел тебя спасти, не так ли? Пока он не превратил тебя в такое, что даже кухарка не положит в жаркое.

Кит взглянул на него. Уильям Чабб был коренастым парнем со смуглым цветом лица. Его не интересовали уроки, но он отличался в спорте, особенно в боксе. Они оба поступили в эту школу маленькими мальчиками, обоим было очень одиноко, и они остались друзьями, когда выросли. Но Уилл не понял бы, что предлагает настоятель, а тем более не уразумел бы великий секрет Кита. Но он не оставит Кита в покое, пока тот не скажет.

— Ничего особенного, — в конце концов сказал Кит. — Просто он предложил мне

дополнительно позаниматься математикой.

У Уилла отвисла челюсть.

— Еще больше математики? Значит, двадцати часов в неделю им недостаточно? Надеюсь, ты его отшил.

— Я полагаю, это из-за стипендии, — ответил Кит.

— Но ты же не сказал ему, что согласен? — воскликнул старший друг. — Как будто и без этого мало дел: дополнительные занятия хора, дополнительный греческий — как же ты все успеешь? — Тут он подтолкнул Кита. — Я же говорил, что моя девчонка в таверне позаботилась о подруге для тебя.

От необходимости отвечать Кита избавило появление регента, который остановился у входа в церковь и рассеянно озирался.

— Ах, вот и вы, мастер Морли, — сказал он. — Вы заставляете нас ждать. Я вынужден буду доложить, если вы еще раз опоздаете.

Кит поспешил присоединиться к хору на крыльце, в то время как Чабб, у которого уже ломался голос, с самодовольным видом присоединился к другим школьникам, образовавшим очередь у школы.

Хористы гуськом вошли в церковь и уселись за деревянной перегородкой. Пальцы Кита машинально нащупали надпись, которую Уилл вырезал ножом на подлокотнике между двумя сиденьями. «УЛЧ, 1604», — гласила она. Он всегда сидел здесь, рядом с Китом, пока у него не начал ломаться голос, так что он смог уйти из хора.

— Ничего, Кит, — подбодрил он приятеля. — Я уверен, что и у тебя в один прекрасный день начнет ломаться голос.

Чабб был всего на пару месяцев старше Кита, и он всегда дразнил последнего из-за гладкого лица и стройной фигуры. Несмотря на это, Киту не хватало его в хоре: они всегда обменивались записочками и жевали табак, который присылали Чаббу родители. А теперь Киту приходилось сидеть рядом с Чарльзом Ли, братом регента.

Члены церковной коллегии потянулись в церковь за мальчиками и заняли свои места. Последним из всех появился настоятель, Кит отвернулся, но все равно чувствовал на себе его взгляд — казалось, одной щеке вдруг стало жарко. Однако когда он взглянул на настоятеля, оказалось, что тот вообще не смотрит в его сторону. Глаза настоятеля были опущены, как будто он молился.

Кит попытался сосредоточить взгляд на откидных стульях, на которых были вырезаны разные сценки. На одной из них женщина бранила мужчину за то, что тот разбил горшок для стряпни, на другой трое мужчин играли в триктрак. Лиса с большой палкой в лапах учила двух лисят читать, а обезьяна стояла на коленях возле спеленатого младенца. Эта резьба была очень старой, и Кит знал эти картинки на ощупь — он изучил их за то время, что сидел на разных местах за перегородкой для хора. Если он не смотрел на них, то ощущал пальцами биение в них жизни. Мужчина яростно сражался с драконом, охотник вспарывал брюхо оленю, а обезьяны воровали одежду у спящего корабейника.

Церковь была полна, и звериный дух конгрегации проникал даже через перегородку для хора. Новый проповедник из Сэлфорда вел первую службу. Это был низенький, не располагающий к себе мужчина, который не был облачен в рясу священника. Он разгуливал среди конгрегации, и его не было видно. Кит попытался сосредоточиться, потому что завтра его будут опрашивать по этой проповеди, но мысли его перескакивали на предложение настоятеля. Что бы оно могло значить? У него и так уже было несколько дополнительных часов занятий с целью добиться стипендии в Оксфорде; кроме того, были еще и дополнительные уроки по фехтованию, поскольку король издал указ, согласно которому все ученые должны искусно владеть шпагой. Хорошо Чаббу, чьи родители будут платить, но за стипендию Кита школе придется выложить сорок фунтов, так что директор был исполнен решимости, чтобы Кит поступил.

Словно почувствовав, что Кит думает о нем, настоятель встретился с ним взглядом, когда поднялся, чтобы прочитать свою часть службы. В его глазах был иронический блеск,

как будто он знал, что у Кита на уме. А когда он направился из алтаря, то слегка наклонил голову, как будто говоря: «Скоро увидимся».

«А вот и нет, если только я замечу тебя первым», — мысленно возразил Кит, хотя если тот пошлет за ним, идти придется.

Наконец началось причащение, и хор тоже поднялся, хотя было известно, что проповедник из Сэлфорда это не одобряет и запретил бы всякое пение в церкви, если бы мог. Если бы этот хор запретили, невелика была бы потеря, подумал Кит: не больно-то они хорошо поют. Амос Тернер, который пел в хоре более шестидесяти лет, оглох и всегда отставал в пении от остальных. Чарльз Ли, крупный сонный человек, совершенно непохожий на своего жилистого брата, по-настоящему храпел, сгорбившись над своей псалтирью.

После причастия конгрегация потянулась из церкви, зазвонили колокола, и прибыла следующая конгрегация. Весь день шла церковная служба. Пламя свечей дрожало в воздухе, как листья в лесу. Время от времени нагар со свечи падал на бронзовый подсвечник, и нота, подобная колокольной, сливалась с завываниями ветра под дальними сводами, а голоса молящихся заглушали эхо. Зеленоватый свет мерцал в окнах, тускло освещая лица собравшихся. От дыхания образовывался пар — совсем как у лошадей в стойле.

Когда закончилась последняя служба, у Кита разболелась голова, и стало как-то беспокойно в животе. Он знал, что это означает, но не с кем было поделиться. Ему удалось ускользнуть от Чабба, и, вернувшись в дортуар, он улегся на свою кровать. Но едва он успел начать читать «Краткое введение в грамматику», как в комнату ворвался Чабб.

— Что ты делаешь? — воскликнул он. — Мы же идем в таверну!

— Ну что же, иди, — сказал Кит. — Я тебя не держу.

— А ты не идешь?

— У меня болит голова, — начал Кит.

— Да — от всего этого чтения! — сказал Чабб. — Пинта эля тебя вылечит.

— У меня нет времени, — возразил Кит. — Мне нужно заниматься. — Он с унылым видом взглянул на Чабба, который мог позволить себе отдохнуть.

— Ну, ничего страшного, если ты пропустишь один вечер, — уговаривал его Чабб. — Что бы там ни говорил этот надутый проповедник — неужели ты слушал его проповедь?

— Знаешь, меня будут опрашивать по ней завтра, — заметил Кит.

— Пошли со мной, — не сдавался Чабб. — Еще успеешь всем этим заняться. — И он довольно похоже изобразил сильный акцент проповедника:

— «Я принес вам благую весть. Возрадуйтесь! Все вы попадете в ад, кроме меня». Да я бы предпочел оказаться в аду, нежели с ним вместе на небесах. Что это ты читаешь? — спросил он, присаживаясь на край кровати Кита, и издал стон, когда Кит показал ему книгу.

— Дорога в ад вымощена риторикой, — сказал он. — Я никогда не поверю, что тебе хочется лежать здесь, читая о сорока восьми частях речи, вместо того чтобы отправиться с нами в таверну. Может быть, у тебя под кроватью девчонка?

— Даже две, — ответил Кит.

— Ах, вот как! Тогда одну — мне!

— Мы ждем — не дождемся, когда ты уйдешь.

Чабб ухмыльнулся и начал подпрыгивать на кровати.

— Простите, девочки, — сказал он. — Не обращайтесь на меня внимания.

Кит покачал головой, через силу улыбнувшись. Когда-то они с Чаббом были лучшими друзьями — почти что братьями, как сказал Чабб. Но у родителей Чабба были деньги, и разница между ними становилась все более явной. Чабба никогда не наказывали, что бы он ни сделал, и ему обязательно нужно было верховодить в любой компании. Но он питал к Киту некоторое уважение, поскольку тот был единственным из мальчиков, кто побеждал его в поединках на шпагах. Порой старая дружба между ними возобновлялась, как было и сейчас.

— Ну вставай же, пошли с нами, — упорствовал Чабб и сделал вид, что хочет вырвать у Кита книгу, но тот убрал ее подальше.

— Может быть, завтра, — сказал он.

Чабб досадливо покачал головой, но в конце концов ушел. Кит лежал на кровати, глядя на стену. Когда настоятель за ним пошлет, он скажет, что у него нет времени для дополнительных занятий. Но если Кит никому не откроет свой секрет, ему придется отправиться в Оксфорд или Кембридж, чтобы изучать там право или теологию, и это ужасное бремя по-прежнему будет его тяготить.

Позабывтая книга лежала у него на груди. Он бы выбрал право, а не теологию. Бывшему католику негде изучать теологию. И вообще, если вспомнить этого нового проповедника, то Кита не нравится то, что происходит с церковью. Но для того чтобы практиковать право, нужны деньги, а их у Кита нет. Какой же у него выбор? Он может стать учителем и работать в такой школе, как эта. Это самая худшая перспектива из всех, решил Кит. Уж лучше прямо сейчас прыгнуть в реку.

Кит забылся беспокойным сном, и его разбудило возвращение Чабба, Лэнгли, Паркера и Хьюитта. Все они были пьяны и с трудом держались на ногах.

— Тебе следовало пойти с нами, Кит, — посетовал Хьюитт. — Мы хорошо провели время.

— Я вижу, — сказал Кит.

— Эта новая служанка стоит того, чтобы туда наведаться, — заметил Паркер. — Поет — да еще и танцует!

Хьюитт начал было петь, но Кит шикнул на него.

— Она старше, чем я думал, — сказал Чабб, рухнув на кровать. — У нее сын нашего возраста.

— Она со мной заигрывала, — похвастался Лэнгли, и остальные начали над ним подтрунивать.

В конце концов все улеглись, и Кит укрылся одеялом с головой, но тут Чабб, лежавший на соседней кровати, тихо произнес:

— Надеюсь, твои девчонки были хороши — моя была что надо.

Кит ничего не ответил, но Чабб явно был расположен поболтать.

— Люди говорят, что новая служанка пришла прямо из леса, — сообщил он. — Жила привольно, как цыганка. Никогда прежде не бывала в городе.

— Люди наплетут что угодно, — возразил Кит.

— Нет, она действительно какая-то другая, — настаивал Чабб. — Хотелось бы мне повести ее в лесок!

— Успокойся, — сказал Кит. — Прочитай молитвы.

— Прочитай их за меня, — окрысился Чабб. — Я поразмыслю о более приятных вещах.

Но он замолчал, и скоро до Кита донесся его храп. А у Кита теперь не было сна ни в одном глазу, и он думал о том, каково это: привольно жить в лесу.

Следующий день начался с молитв в шесть утра. Зазвонил колокол, мальчики поднимались с постели с заспанными глазами, ворча себе под нос. Хьюитта пришлось стаскивать с кровати за ноги. На завтрак было холодное мясо и картофель, плававший в какой-то бледной подливке. Затем ребята отправились в класс, где их опрашивали по прослушанной накануне проповеди. Чаббу сделали выговор за то, что он ответил по-английски: ведь латынь была официальным языком школы.

— Вы же сейчас не в полях, — сказал директор.

— Проповедник говорил по-английски, — оправдывался Чабб. — Я подумал, что если это хорошо для священника, сэр, то тем более хорошо для меня.

Директор бросил на Чабба сердитый взгляд, и некоторые мальчики съежились, подумав, что последует наказание. Но Кит мог бы их заверить, что этого не случится. Чабба, отец которого был достаточно богат, чтобы купить всю их школу, никогда не били. Не далее как на прошлой неделе он повел компанию младших мальчиков в город, где они забрались в чужие сады и украли яблоки, и выпороли всех мальчиков, за исключением Чабба.

— Поскольку вы обратили такое пристальное внимание на нового проповедника, — сказал директор, — быть может, вы расскажете, что именно он говорил в своей проповеди.

И Чабб, который совсем не слушал в церкви, ответил:

— Конечно, сэр. Он сказал, что еще до того, как мы появляемся на свет, уже решено, что большинство из нас отправится в ад. Правда, должен заметить, сэр, что мне это кажется несправедливым. Вы считаете, что это справедливо, сэр?

Директор проигнорировал этот вопрос.

— А что такое ад? — спросил он, обведя их гневным взглядом, и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Ад — это темная тюрьма, в которой дурно пахнет. Стены этой темницы толщиной четыре тысячи миль, и грешников швыряют, связанных и беспомощных, швыряют прямо в вечное пламя. Вообразите себе, — сказал он, глядя на них своими глазами навывкате. — Вообразите, что такое обжечь палец о пламя свечи. А теперь вообразите, что у вас болит все тело, и эта боль в тысячу раз сильнее. Вы почувствовали, что значит гореть? — спросил он, теперь расхаживая по классу. — Поджариваться в вечном пламени, как поджаривались блаженные мученики за свою веру? В венах закипает и бурлит кровь, мозги варятся в черепе, сердце загорается и разрывается в груди, а нежные глаза плавятся, как шарики. Но если муки святых мучеников закончились вечным блаженством, то грешники страдают непрерывно, до скончания времен.

У нескольких младших мальчиков был такой вид, будто они сожалеют о том, что позавтракали. Директор взял понюшку табаку. Юные лица перед ним были омрачены скорбью. Он кивнул.

— Мы прочитаем наш катехизис, — сказал он, и младший учитель поднялся и принялся разгуливать по классу, подражая директору, — правда, он слегка подпрыгивал при этом.

— «Каково твое единственное утешение в жизни и смерти?»

— «Что я не одинок, но принадлежу душой и телом моему Спасителю», — хором читали мальчики.

После чтения катехизиса мальчики разошлись по разным классам. У малышей вел урок младший учитель, а старшие ушли вместе с директором. Они прошли гуськом мимо двух школьников из бедных, Монкса и Певерила, которые сидели у входа в оба класса и длинными гусиными перьями записывали фамилии мальчиков в журнал. «Им вполне можно было бы повесить табличку на шее со словом „Бедняк“», — подумал Кит. Чабб, который был богат, мог заниматься, чем ему угодно. Монкс и Певерил, которые были бедными, должны были работать на школу.

Директор задержался в Большом зале, беседуя с членами коллегии. Чабб разгуливал по классу, передразнивая его.

— Манчестерская грамматическая школа — темная тюрьма, в которой дурно пахнет, — начал он, выпучив глаза, в точности как директор. — В ней бы пахло лучше, если бы повара на кухне умели стряпать. Стены тюрьмы в толщину четыре тысячи миль, — продолжал он. — И тут много кирпичей. Сколько кирпичей понадобится, чтобы построить стену толщиной в десять тысяч миль, Морли? — обратился он к Киту, который рассмеялся вместе с остальными — правда, тихонько, потому что директор был на подходе.

Кит знал, что Чабб презирает директора, семья которого когда-то работала на его собственную семью. Но лично Кит считал, что этот директор лучше предыдущего, который обычно выстраивал мальчиков по утрам, когда было холодно, и бил их всех, чтобы согреться.

Вскоре в коридоре послышались тяжелые шаги директора. Чабб проскользнул на свое место, и начался урок.

Утренние уроки заканчивались в одиннадцать — только не для Кита, которому нужно было еще целый час заниматься греческим. Только после этого он мог присоединиться к остальным мальчикам за ланчем. Затем, с часу дня, старшие ученики изучали историю Цезаря и Ливия и учили наизусть поэзию Горация. В пять часов вечера был перерыв на

следующую трапезу, а затем мальчики были свободны, за исключением Кита и Чабба, которые должны были заниматься фехтованием под руководством младшего учителя.

Хью Грингольд, высокий, худой мужчина с мягкими волосами и скорбным лицом, был превосходным фехтовальщиком.

Кит забыл об уроке фехтования и пытался наверстать упущенное, делая перевод с греческого, когда за ним послали Паркера.

— Ах, вот и припозднившийся мастер Морли, — приветствовал его учитель своим гнусавым голосом и поднял руку, когда Кит начал было извиняться.

— Нет времени, — сказал он. — Займите свои места, джентльмены.

Кит и Чабб сбросили плащи и обнажили шпаги. Они начали кружить друг вокруг друга под бдительным оком учителя, задача которого заключалась в том, чтобы подготовить их к визиту лорда из поместья в следующем месяце, когда они должны будут продемонстрировать свое искусство. По приказу короля каждая школа должна была обучать своих учеников стрельбе из лука и фехтованию. Уровень в стране такой низкий, сказал он, что ему остается лишь собирать армию из крестьян. Кит и Чабб отличались и в фехтовании, и в стрельбе из лука. Кит был легче, но более гибкий, и он разоружал своего противника ударами стремительными, как молния. Чабб был очень сильным для мальчика своих лет и сражался бесстрашно. Им предстояло в начале следующего года продемонстрировать свое мастерство вместе с лучшими фехтовальщиками в Оксфорде и Кембридже.

Чабб сделал первый выпад, и Кит довольно неуклюже парировал удар. Учитель прищурился. Мальчик двигался, как во сне, и уже пропустил два удара Чабба.

— Если бы это был настоящий поединок, вы уже были бы мертвы, — сказал учитель Киту. — Вы же не в башмаках на деревянной подошве, и у вас нет деревянной руки. Действуйте!

Наконец что-то щелкнуло в Ките. Учитель уловил момент, когда это произошло. Он с улыбкой отступил назад: это было похоже на звуки музыки или на полет птицы.

Однако их прервал приход викария.

Мэтью Палмер сильно запыхался.

— Я т-только что видел н-н-настоятеля, — сильно заикаясь, вымолвил он. — К-кит должен н-немедленно отправляться к нему.

— Как, снова? — сказал Чабб, и Кит опустил шпагу, чувствуя на себе взгляд учителя.

— Что ему нужно? — осведомился мастер Грингольд.

— Дополнительные занятия, сэр, — быстро ответил Чабб. — Разве не так? Кит должен изучать искусство некромантии.

Учитель изменился в лице, а викарий побледнел.

— На самом деле математику, — сказал Кит, удивляясь тому, что Чабб был так недалек от истины.

— Ну что же, я надеюсь, что он согласовал с директором, — заметил учитель. — Это создает неудобства.

Когда Кит ничего не ответил на это, учитель сказал:

— О, тогда ступайте. Мы наверстаем позднее.

— Я зайду за тобой, — крикнул Чабб вслед Киту, когда тот повернулся и пошел по двору, чувствуя, что все они смотрят на него. Настоятелю следовало послать за ним тайно, подумал он, тогда он бы смог воспользоваться скрытой лестницей.

5

Настоятель стоял спиной к Киту, осматривая книжные полки. Он снял с них огромный том.

— Сегодня мы займемся енохианским⁷ алфавитом, — сказал он. — В нем две тысячи

⁷ Енохианский язык назван по имени Еноха, библейского персонажа.

четыреста одна буква, собранные в девяносто восемь таблиц.

У Кита отвисла челюсть.

— Это ангельский алфавит, — с благоговением произнес настоятель, — тот, который использовали до грехопадения. Адам знал два языка: один — чтобы передавать знания Божьи своим потомкам, и другой, менее значительный — для каждодневного обихода; чтобы беседовать о еде, стирке и тому подобном. Вторым, обиходным языком, распался на тысячу языков в Вавилонской башне — он перешел во все языки земли. А вот на другом языке была записана мудрость Небес. И все это — он похлопал по огромной книге, — изложено здесь, для тебя.

Он взглянул на Кита, проверяя, понял ли тот.

В дополнение к этому алфавиту нужно было еще запоминать имена всех ангелов, во всех отдельных небесных сферах, и различные имена Бога, записанные сорока двумя буквами. А еще были науки гематрия, нотарикон и темурах, в которых словам из Библии давались числа, которые равнялись вместе сумме букв, а буквы переставлялись, образуя новые слова, раскрывавшие тайный смысл фразы. В этих фразах, сказал настоятель Киту, они найдут тайную Волю Господню.

— Возможно, это нелегко, — добавил он, хотя это было и так ясно, — но это самые ценные знания, которые ты можешь получить, величайшее дело твоей жизни.

«Или пустая трата времени», — подумал Кит, но промолчал.

Настоятель насмешливо взглянул на него и спросил:

— Итак, мальчик?

Кит задумался. Главным образом он размышлял о том, как бы отвертеться от предложения, но не мог сосредоточиться под пристальным взглядом священника.

— Я-я уже изучаю латынь, — слабо возразил он, — и греческий.

— Это хорошо, — кивнул настоятель. — Тебе также надо выучить иврит — посмотрим, нельзя ли нам найти время и для этого.

Кит вдруг ясно представил себе, как будет приходить в эту комнату заниматься, будучи уже таким же старым, как сам настоятель.

— Тебе же не нужно выучить все это за одну неделю, — успокоил его тот. Потом, заметив выражение лица Кита, добавил: — Взгляни на себя! Тебе на тарелочке преподносят все эти знания, так что тебе не нужно будет тратить долгие годы на учение — и о чем же ты думаешь? «У меня не будет времени на петушьи бои, или на таверны...»

— На самом деле нет, — возразил Кит, но настоятель уже разошелся не на шутку.

— Ни один студент теперь не знает, что такое настоящая учеба. Двадцать часов в день, — сказал он, не сводя глаз с Кита. — Двадцать часов в день — и так все лучшие годы моей жизни. Много лет я держал в своей комнате петуха, чтобы он кукарекал и будил меня. Что ты знаешь об учебе? Кто сегодня достоин этих знаний? Ты недостойн — я вижу это по твоему лицу. Если только эти знания тебе дороже собственной жизни, тогда ты не будешь тратить впустую свое и мое время. Лучше уходи, сейчас же.

Киту бы ухватиться за этот шанс и удалиться, но почему-то под сердитым взглядом настоятеля он не мог заставить себя уйти. После долгой паузы он склонился над книгой, и настоятель, облегченно вздохнув, уселся, как будто уже успел устать. Всего лишь раз Кит отважился сделать замечание, после неудачной попытки составить предложение из слова «откровение», переведенного на енохианский язык.

— Зачем же было Богу создавать такие трудности? — грустно произнес он. — Почему бы не сделать его попроще?

— Из-за грехопадения, мальчик, — ответил настоятель раздраженным тоном, как будто это было очевидно.

И Киту пришлось выслушать лекцию о предназначении Человека, который проходит путь от Неведения до Блаженства.

— Я полагал, что неведение и есть блаженство, — пробормотал Кит и тут же покраснел, поняв, что настоятель услышал эти слова.

Не побьет ли его теперь? Но тот лишь взглянул на Кита пристально. А потом оттолкнул свой стул.

— Иди сюда, — приказал он, и Кит неохотно поднялся.

Они вместе встали у окна. Был ясный вечер, и Кит увидел полумесяц и очертания полной луны, скрытой во мгле.

— Новая луна, обнимающая старую луну, — сказал настоятель, но Кит смотрел на крыши домов на Лонг Миллгейт, где его друзья, должно быть, веселятся в тавернах.

Настоятель вытащил что-то из ящика стола. Это был металлический цилиндр со стеклом на одном конце. Он показал Киту, как в него смотреть.

Кит взглянул и резко перевел дух. Ему хватило минуты, чтобы понять, что он смотрит на мир улицы Лонг Миллгейт, только он гораздо больше и ближе. Настоятель приподнял цилиндр, и теперь Кит увидел огромную, яркую луну в дымке, которая быстро перемещалась. Он отодвинул стекло, и луна замерла вдалеке.

— Поверни стекло — и мир изменится, — сказал настоятель. — Бог даровал нам эту способность — изобретать новые способы видения. Чтобы компенсировать наше собственное ограниченное зрение.

Он забрал у Кита телескоп и направил его на другую часть неба.

— Взгляни на эту звезду, — предложил он Киту.

Кит взглянул и будто почувствовал укол чистого, ледяного света, размытого по краям.

— Венера, — пояснил настоятель. Он вынул из стола другой инструмент. К деревянной палке был прикреплен тонкий лист олова с крошечными дырочками, вероятно, проделанными иглой. Настоятель начал передвигать этот лист вверх и вниз по палке. — Ты можешь разглядеть эту звезду сквозь одну из дырочек? — спросил он.

Кит прильнул к листу, в то время как настоятель прислонил палку к оконной раме, чтобы он не скользил. Наконец Кит разглядел световую точку сквозь одну из дырочек в олове. Настоятель объяснил, как, измерив время, необходимое планете, чтобы переместиться от одной дырочки к другой, можно сделать почти любое измерение этой планеты; узнать природу орбиты, угол отклонения от эклиптики.

Просто, но блистательно. Кит едва мог постичь все это. Однако слушая настоятеля, он ясно понял, что это не обычный ученый. Его ум и ученость блистали гораздо ярче, чем у других учителей. Что же он делает здесь, где люди боятся его и презирают? Но тут настоятель отвернулся от окна.

— Здесь, внизу, все хаос и конфликт, — сказал он и, кивнув на небо, продолжал: — А там все порядок и гармония. Разные миры, Кит, и каждый из них более полно раскрывает божественный замысел. Ты никогда не задумывался над этой тайной, Кит? У тебя нет никаких вопросов?

Кит вдруг вспыхнул, яростно и ярко, как звезда, от желания задать свой вопрос. Если кто и может ему помочь, то это настоятель. Но тот, казалось, совсем забыл о присутствии Кита. Его взгляд был прикован к окну, губы беззвучно шевелились, как будто он говорил с кем-то невидимым Киту. Мальчик ощутил холодок страха, но в этот момент в дверь постучали, и он услышал голос Чабба.

— Сэр, мастер Чабб пришел за мастером Морли, пора на вечернюю молитву.

Настоятель пристально взглянул на Кита, словно заподозрил, что они сговорились с Чаббом заранее, но лишь сказал:

— Не приходи завтра. Отложим до пятницы, после твоих уроков. Воспользуйся потайным ходом.

Кит забыл, что хотел сказать, что больше не придет. Он торопливо и неуклюже поклонился, хотя настоятель больше на него не смотрел, и поспешил выйти из комнаты.

Оставшаяся часть недели была посвящена молитвам и урокам, священному писанию и посту.

В пятницу мальчики постились целый день, и их экзаменовали по всему материалу, который они изучали в течение недели. Им нужно было отвечать на вопросы, стоя перед классом, а если они ошибались, то вынималась длинная палка с закругленным концом.

По пятницам также взимали штрафы и наказывали за проступки. Майкла Лэнгли выпороли за то, что он выпил вино для причастия, Натаниеля Паркера — за то, что он употребил слова «Иисус, Иосиф и Мария!» в качестве ругательства.

Во время чаепития Кит вместе с другими сидел за длинным столом.

— Ты с нами идешь сегодня, Кит? — спросил Бен Хьюитт.

Кит отрицательно покачал головой.

— Конечно, нет. Киту нужно не пропустить другое свидание, — сухо прокомментировал Чабб.

Киту хотелось бы, чтобы Чабб не так хорошо понимал, что происходит. Ему никогда не удастся сохранить в тайне свои встречи с настоятелем.

— Чему он тебя учит? — поинтересовался Лэнгли. — Ты еще не оживил никакие трупы?

— Он с ними разговаривает? — желал знать Паркер. — Это правда, что он держит в банках человеческие головы?

Кит открыл было рот, чтобы сказать, что у настоятеля в комнате нет ничего подобного, но потом передумал. Лучше ничего не говорить.

— Мы занимаемся математикой, — твердо произнес он, и в ответ его подняли на смех.

— Он это так называет?

— Ты считаешь головы?

— Я предлагаю последовать за ним и послушать под дверь! — подал голос Паркер.

— Как? — возмутился Чабб. — И пропустить все веселье в таверне?

Он поймал за рукав проходившего мимо Джозефа Прайора и велел принести еще хлеба.

— Жаль, что ты такой необщительный, Кит, — сказал Чабб. — Пока ты соберешься сходить в трактир, пуритане уже закроют их все. И больше не будет никакого настоятеля, — добавил он. — Школой будет руководить этот сумасшедший проповедник. Посадит нас всех на хлеб и воду и будет загонять в постель в шесть часов вечера.

— Пусть уж лучше будет Колдун настоятель, чем Зануда Роб, — заявил Лэнгли.

— Уж лучше тот Дьявол, которого знаешь, да, Кит? — спросил Чабб.

Кит поднялся со стула.

— Мне нужно повидаться с регентом в церкви, — сказал он. — Можете меня проводить, если хотите.

И он вышел из зала, надеясь, что они не вздумают идти за ним. Он пересек площадь, словно собираясь идти в церковь, потом быстро огляделся и запутал свои следы, выбрав тропинку, которая проходила позади здания школы и вела к реке.

Сначала при угасавшем свете он ориентировался с трудом, потом отыскал дверь старой судомойни и рядом с ней обнаружил решетку. Опустившись на колени в грязную траву, он начал ее выдергивать, сам удивляясь, зачем ему понадобилось играть в эту игру. Но, быть может, сегодня вечером он наконец-то попросит настоятеля о помощи.

В темноте он поднялся по лестнице к двери, обшитой панелями, и сердце его сильно забило, когда настоятель крикнул:

— Где ты?

Кит в тревоге затаился во мраке. Если у настоятеля кто-то другой, он, конечно, не захочет, чтобы Кит появился из потайной дверцы. Но он же сам велел прийти.

Молчание.

Киту показалось, что он слышит бормотание, затем снова стало тихо. Ему было очень тревожно. Почему настоятель закричал? Если он не один, почему Кит сейчас ничего не

слышит? Если бы Кит их прервал, то выдал бы потайную дверь. Если же настоятель один, то он, должно быть, разговаривает сам с собой. Кит не знал, что хуже. Он колебался и уже подумывал уйти, но потом робко постучал по деревянной панели.

Он услышал, как настоятель выругался и спросил:

— Кто там?

— Кит, сэр, — ответил он. — Вы сказали, чтобы я пришел на урок.

Снова последовало длительное молчание, потом Кит услышал, как приподнимают гобелен.

— Входи, — сказал настоятель, и Кит открыл дверь и вошел в комнату.

В кабинете настоятеля был беспорядок, повсюду разбросаны бумаги, но там никого не было. Настоятель торопливо водворял гобелен на место.

— Все в порядке? — встревоженно осведомился Кит. — Вам — вам нехорошо?

Но настоятель казался рассеянным. Он брал в руки книги, потом клал их обратно и застыл с отсутствующим взглядом посреди комнаты. Кит все больше убеждался, что ему не следовало приходить.

— Сэр? — спросил он наконец.

Одновременно с ним заговорил и настоятель.

— Зеркала, — решительно произнес он. — Сегодня мы будем смотреть в зеркала.

У Кита сердце ушло в пятки. Он не понимал, что именно должен увидеть в зеркалах, и ему было неинтересно. Но настоятель уже снимал с них покрывала и выдвигал вперед самое высокое — то, в котором Кит сражался с самим собой, словно нанося удар шпагой противнику.

— А теперь, мальчик, — выдохнул настоятель, — посмотрим, что ты там увидишь.

Но зеркала утратили для Кита всякую притягательность.

— Я вижу себя, — скучным голосом ответил он.

— Продолжай смотреть, — приказал настоятель. — Постарайся, чтобы твой разум прояснился, а глаза расслабились. Пусть зеркало откроет тебе свои секреты.

Кит сердито взглянул на настоятеля, отводя от лица волосы.

— Я ничего не вижу, — сказал он.

Настоятель встал у Кита за спиной, положив руки ему на плечи.

— Хорошенько взглядишь в зеркало, — сказал он и остановился.

Слова замерли у него на губах, в горле что-то заклокотало. Кит с удивлением смотрел на отражение настоятеля в зеркале. Он не двигался, но Кит чувствовал, как тот сжимает его плечи. Потом что-то коснулось его щеки, и он потерял ее.

— Я по-прежнему ничего не могу увидеть, — сказал он, но настоятель молчал, пристально вглядываясь в зеркало каким-то потусторонним взглядом.

У Кита промелькнула мысль, что, быть может, настоятель и разглядел в Ките что-то еще — что-то скрытое, что могло выявить зеркало. Он попытался отойти от зеркала, но настоятель все еще сжимал его плечи. Кит поднял руки и тут же уронил. Нужно вести себя как ни в чем не бывало, подумал он.

— Я не знаю, чего ищу, — заявил он.

— Ты ничего не можешь увидеть в зеркале? — дрожащим голосом спросил настоятель.

Кит хотел было поинтересоваться, что видит он, но ему не хватило смелости. Он пожал плечами с непринужденным видом — насколько ему это удалось.

— Совсем ничего, — ответил он.

— Убирайся, — хрипло вскрикнул настоятель, напугав Кита.

— Простите? — пролепетал он, и тут у него возникло жутковатое чувство, что настоятель говорит не с ним.

Потом он вдруг почувствовал, как что-то легонько коснулось его лица и волос, как паутинка, и он отстранился.

— Мы уже закончили? — спросил он, но настоятель все еще не отрывал взгляд от зеркала.

— Что это? — спросил Кит.
Настоятель вдруг смертельно побледнел.
— Я сказал — уходи, — произнес он сдавленным голосом.
И внезапно схватил со стола пузырек со святой водой и плеснул в зеркало. Кит в испуге наблюдал, как вода растекается по поверхности зеркала.
— Что такое? — воскликнул он. — Вы — вы что-то увидели?
Настоятель опустил в кресло, дрожа всем телом. Киту очень хотелось убежать, но он не мог оставить настоятеля в таком состоянии.
— С вами все в порядке? — спросил он приглушенным голосом.
Настоятель прикрыл лицо руками.
— Ничего, — вымолвил он наконец. — Тебе лучше уйти.
Кит открыл было рот, чтобы задать один из вопросов, роившихся у него в голове, но настоятель махнул на него рукой.
— Уходи, — повторил он, а когда Кит не двинулся с места, сердито закричал: — Я же сказал — уходи!
И Кит обратился в бегство.

7

Все выходные Кит думал о настоятеле. Он думал о нем, делая переводы из Виргилия и Овидия, и когда пел в хоре, а новый проповедник нудно читал проповеди. Он не договорился с настоятелем о новой встрече, и даже если бы тот послал за ним, Киту не хотелось идти. Все, что говорили о нем другие мальчики, — правда, решил он. Настоятель — Черный Колдун, и он, вероятно, наложил проклятие на этот город. Кит ничего ему не скажет.

Дела в школе шли как обычно. Каждому хористу платили четыре пенса в день за пение, хотя регент сказал, что они того не стоят, и что он собирается поговорить с директором и положить этому конец. Кит недоумевал: ведь на эти деньги им приходилось покупать гусиные перья и книги, включая и специальную тетрадь, куда они записывали ученые изречения и поговорки, цитаты и иностранные слова.

Кроме того, он должен был каждое утро платить пенни Певерилу или Монксу за то, что те записывали его фамилию в журнал, а еще так называемое «петушиное пенни», которое шло младшему учителю за то, что он содержал петухов для субботних петушиных боев. Так что у него оставалось совсем мало денег для пивных. Чабб, у которого их было много, постоянно уговаривал его туда сходить. Он был щедр по отношению к Киту и делил с ним свои деньги, но Киту не всегда хотелось быть ему обязанным. Однако неудобно было постоянно отказывать Чаббу, так что, когда в субботу тот выиграл ставку, Кит пошел в таверну и напился вместе со всеми.

Остальное время он провел, играя в крикет с младшими мальчиками и в гандбол с Лэнгли или Паркером. Он перестал играть в футбол с тех пор, как его приятели устроили матч с подмастерьями на городских улицах, — он не пошел из-за дополнительных занятий греческим. После он порадовался этому, так как было разбито четыре окна, и в школу прибыли констебли.

В понедельник утром настоятель не явился инспектировать школу. Он прислал сообщение, что болен, и Кит забеспокоился, вспомнив, в каком состоянии его оставил. Однако он почувствовал облегчение оттого, что теперь настоятель вряд ли за ним пошлет.

Во время ланча пришла новость, что пуритане закрыли таверну. В одиннадцать часов Лэнгли с Паркером и Чаббом улизнули, чтобы выпить пинту эля, и увидели обгоревшую таверну миссис Баттеруорт.

— Что ты имеешь в виду — закрыли? — спросил Кит.
— Не закрыли, а сожгли, — уточнил Чабб, всаживая нож в мясо у себя на тарелке.
— И ее саму тоже сожгли, — добавил Паркер. — Я слышал, она умирает!
— Она не умрет, — возразил Чабб. — Она слишком крепкая. Пропиталась своим

собственным элем.

И он рассказал историю, которую слышал.

— Кто знает, сколько еще таверн они закроют, — печально произнес Лэнгли, а Хьюитт выразил беспокойство по поводу того, что же случилось с хорошенькой служанкой.

— Может быть, она вернется в лес, — предположил он, а Паркер предложил отправиться туда за ней, однако Чабба это не развеселило.

— Он же всего-навсего крестьянин, этот проповедник, — сказал он. — Ему бы следовало пасти свиней в Сэлфорде.

В оставшуюся часть недели атмосфера в школе неуловимо изменилась. Директор казался рассеянным и часто встречался с членами церковной коллегии. Ходили слухи, что нового проповедника пригласят преподавать в школе, поскольку он пользуется поддержкой епископа Честерского. Чабб заявил, что тогда он просто повесится.

— По крайней мере, мы скоро выпускаемся из школы, — сказал он Киту. — Я, например, перерос это заведение.

В кои-то веки Кит был с ним согласен. Хотя он и боялся университета, школой он был сыт по горло. Он ходил с опущенной головой и помогал младшим мальчикам учить алфавит — между своими переводами с греческого и дополнительными уроками фехтования. Теперь он еще больше, чем когда-либо, был исполнен решимости хорошо сдать экзамены в университет. По-видимому, настоятель тоже был занят — во всяком случае, он не посылал за Китом.

Когда в следующий понедельник Кит открыл двери школы, перед ним предстал директор.

— Мастер Морли, — обратился он к Киту. — Вот новый мальчик. Отведите его к младшему учителю.

Директор отступил в сторону, и Кит увидел неуклюжего долговязого мальчика, который смотрел на Кита большими темными глазами. Он явно был сильно напуган.

— Проведите его по школе, — велел директор еще более безапелляционным тоном. — Вы будете первое время его опекать. Представьте его остальным мальчикам, ну и все такое.

Кит уловил недовольство, прозвучавшее в голосе директора, и заметил потрепанный вид мальчика. На нем были шерстяная куртка, вся в пятнах спереди, и оборванные штаны. На ногах деревянные башмаки — такие, как носят фламандские ткачи. Башмаки были покрыты уличной грязью. Парень выглядел так, будто пас свиней.

— Он не умеет читать, — с отвращением выговорил директор. — Вам дается задание научить его алфавиту и рассказать об обычаях нашей школы. Он будет находиться вместе с вами все то время, когда вы свободны от уроков. Когда вы заняты, он может учиться вместе с самыми младшими мальчиками.

Еще одно задание.

Кит ждал, что директор надлежащим образом представит мальчика, но он лишь привстал на цыпочки, затем опустил и кивнул, сказав: «Ну, ладно», после чего плотно закрыл рот и удалился величавой поступью. Кит и мальчик стояли, глядя друг на друга.

— Как тебя зовут? — наконец спросил Кит, и мальчик что-то пробормотал, но Кит не расслышал.

— Как?

— Саймон, — ответил мальчик.

У него был какой-то странный, застывший взгляд, как у зверька в когтях у ястреба. Да, достанется ему от наших ребят, подумал Кит и вздохнул. Несомненно, в его обязанности также будет входить защита Саймона.

— Пошли со мной, — сказал он, обернувшись к незнакомцу.

Тот послушно заковылял за ним в своих деревянных башмаках. Кит вспомнил, что испытал в первые недели в школе. Но ему было всего семь, и его только что забрали у матери. Сколько же лет этому мальчику? Он немного выше Кита, но, кажется, намного младше. Когда Кит начал учиться в школе, он уже умел читать. Обычно в школу не

принимали, если мальчик не знал алфавита. А директор не хотел принимать новенького, это ясно. Но он ведь не хотел и Кита.

Кит остановился под дверью комнаты, в которой младшие ребята читали учительню катехизис. Он оглядел Саймона с головы до ног.

— Это твоя единственная одежда? — спросил он.

Мальчик взглянул на него в ужасе оттого, что с ним заговорили, и кивнул. Кит задумался. Ему не хотелось представлять новенького в таком виде, будто тот спал в конюшне. В школе имелся шкаф, в котором хранилась запасная одежда. Может быть, удастся подобрать что-нибудь для этого парня.

— Иди за мной, — повторил он.

Им повезло. В шкафу они нашли одежду Чабба, из которой тот вырос: камзол, короткую куртку, трико — все это синего цвета школы, — а еще белую рубашку и бриджи, принадлежавшие Кита. Поскольку Чабб самый крупный мальчик в школе, его одежда должна подойти.

— Ты можешь надеть все это сейчас, — предложил Кит, и мальчик, посмотрев на него, начал раздеваться прямо в коридоре.

— Не здесь, — зашипел Кит и потащил его в библиотеку.

Он наблюдал, как парень скидывает свою поношенную рубаху. Саймон был очень худой, так что торчали ребра. У него были густые каштановые волосы, приобретающие рыжеватый оттенок при свете, льющемся в окно, смуглое лицо и очень темные глаза. Он неловко возился с пуговицами и крючками, как будто впервые имел с ними дело.

— Давай помогу, — в конце концов не выдержал Кит.

Новенький стоял, как ребенок, пока Кит застегивал ему рубашку и куртку и натягивал на ноги синие трико. Однако, как они ни старались, не удалось подобрать обувь. У Саймона были длинные, костлявые ступни с растопыренными пальцами.

— Тебе придется снова надеть свои, — наконец сказал Кит, потеряв терпение.

Мальчик заколебался, потом снова надел деревянные башмаки. Они решительно не подходили к его новой одежде. Ну что же, решил Кит, он сделал все, что мог.

— А теперь пошли знакомиться с учителем, — сказал он, и мальчик последовал за ним по коридору, так и не произнеся ни звука.

— Вот здесь мы едим, — указал Кит на Большой зал. — Занятия начинаются в семь утра зимой и в шесть утра летом, каждый день. В девять мы завтракаем. В одиннадцать заканчиваются утренние уроки, и в полдень мы снова едим. А в пять, когда заканчиваются все уроки, мы ужинаем, прежде чем идти в дортуар, где спим.

Мальчик ничего не сказал — он все время оглядывался через плечо на дверь, которая вела на улицу.

— Вот тут младший учитель учит самых маленьких, — указал на дверь Кит и подумал: «Интересно, постесняется ли Саймон учиться вместе с самыми младшими?»

Но лицо новичка не выражало ничего, кроме страха. Они стояли под дверью класса, в котором было сейчас тихо — лишь скрипели гусиные перья.

— А сейчас мне нужно идти на занятия, — сказал Кит. — Но я встречу здесь с тобой в одиннадцать. У тебя есть какие-нибудь деньги?

Мальчик с еще более испуганным видом покачал головой.

— Тебе нужны деньги на книги, — объяснил Кит. — И пенни для мальчика, который записывает твою фамилию в журнал.

Он подождал, но мальчик ничего не ответил. Кит пожал плечами. В конце концов, это не его дело.

Через минуту он уже стучался в дверь. Мастер Грингольд велел ему заходить. Мальчик еще на минуту задержал взгляд на Ките, потом опустил голову и вошел в класс.

Всю оставшуюся часть утра Кит провел в невеселых размышлениях. Как же ему удастся совместить все эти дополнительные занятия с уроками фехтования? А если за ним пошлет настоятель? Он даже не начал изучать эти енохианские таблицы. А теперь еще эта

новая обуза — Саймон! У Кита разболелась голова, когда он пытался перевести отрывок из Сенеки об уроках римской истории. В одиннадцать он вернулся к классу для начинающих и подождал, пока, шумя и толкаясь, выйдут маленькие мальчики. Саймон стоял в классе вместе с младшим учителем, который перевел взгляд на Кита, когда тот вошел.

— Этот мальчик ничего не знает, — посетовал он, как будто Саймона тут не было. — Даже катехизис. Нам нужно будет послать за разрезной азбукой в рамке, под роговой пластинкой. Вам придется каждое утро один час заниматься с ним алфавитом.

Кит кивнул, глядя себе под ноги. Ему бы хотелось спросить, как же ему выкроить этот дополнительный час, но учитель, как и директор, был не в самом лучшем расположении духа.

— Вы можете идти, — сказал он, и когда ни один из мальчиков не тронулся с места, повторил свой приказ: — Ну же, ступайте!

Именно этого момента Кит и опасался. Он вышел вместе с Саймоном в коридор, ведущий во двор. Новичок попытался взять Кита за руку, но тот в ужасе отпрянул. Некоторые мальчики уже играли в крикет, двое — в гандбол, ударяя мяч о стенку библиотеки, Кит не видел Уилла Чабба, но знал, где он находится. Он завел Саймона за угол, чтобы обойти школу с тыла. Там была река, и обычно мальчики туда не ходили. Чабб развалился на низкой стене, куря трубку. С ним были Хьюитт, Паркер и Лэнгли. Когда Кит приблизился, Чабб сел на стене.

— Кто это? — осведомился он, смерив Саймона взглядом.

По лицу его было видно, что он узнал новичка. Саймон повесил голову и сгорбился, когда Чабб ухмыльнулся во весь рот.

— Дурачок миссис Баттеруорт! — сказал он.

8

— Мы что, уже принимаем мальчишек, прислуживающих в кабаке? — сказал Чабб Киту позже, когда они пили чай в Большом зале, а Саймон стоял над ними, расставляя деревянные миски.

Поскольку быстро выяснилось, что у него нет денег, и он не может записывать фамилии учеников в журнал, ему поручили другую работу. Он наливал воду в серебряные кувшины, в которые мальчики окунали пальцы перед едой, а теперь раскладывал по мискам жаркое. Это, как обычно, был картофель, плававший в коричневатой жидкости, к которому полагались кусок мяса и ломоть хлеба.

— По крайней мере, тебя хорошо научили это делать, да? — обратился Чабб к Саймону, повысив голос, но если тот и услышал, то не подал виду.

Чабб выплюнул свой табак на тарелку Саймона, когда тот уселся, и остальные мальчишки захихикали, а потом разразились громким хохотом, когда Саймон принялся за еду.

— Ради бога, Чабб, — пробормотал Кит.

— Что — ты у него теперь в няньках? — спросил Чабб, набивая рот мясом и хлебом. — Нянька для мальчишки из кабака? Ну что же, ты не пропадешь в Оксфорде. Во всяком случае, — перебил он Кита, когда тот хотел заговорить, — не все ли равно, откуда он появился. Я слышал, у миссис Баттеруорт клали в жаркое мусор с пола.

Саймон спокойно ел, не обращая на него внимания. Когда он собрал посуду, Чабб подставил ему подножку, и Саймон растянулся на полу. И, конечно, учитель сделал выговор ему, а не Чаббу.

— Помогите ему тут убрать, — велел Киту директор. — А потом можете дать ему первый урок в библиотеке.

Кит смотрел на удалявшуюся спину директора, в то время как мальчики начали расходиться. Чабб чуть не поперхнулся.

— Ты в прислужниках у мальчишки из кабака, — еле выговорил он от смеха.

Кит вдруг пришел в дикую ярость, но ему не оставалось ничего иного, как помочь Саймону вытереть со столов подливку и подмести пол. Потом они одолжили у Джозефа Прайора разрезную азбуку и отправились в библиотеку.

Кит собрал все свое терпение, но едва сдерживал раздражение, потому что Саймон не мог понять разницу между буквами. Когда Кит обводил их для него, он лишь смотрел на самого Кита, как будто что-то искал и никак не мог найти.

— Смотри на азбуку, а не на меня, — сказал Кит, а когда тот продолжал смотреть на него, спросил: — Что такое?

Саймон потупился. Потом бросил взгляд через плечо, на дверь.

— Я могу теперь идти? — спросил он.

— Идти? — переспросил Кит. — Куда?

Саймон удивленно взглянул на Кита.

— К маме, — ответил он, как будто Кит и сам должен был это знать.

— Разве ты не понимаешь? — разозлился Кит. — Ты больше не живешь вместе со своей матерью. Ты живешь здесь. Это твой дом.

Во взгляде Саймона отразилось полное непонимание, и слова замерли на губах у Кита. Он отчетливо вспомнил, как ему было семь лет и до него никак не доходило, что тут его новый дом. Ему не хотелось об этом думать. К тому же тут была разница. Казалось, Саймон вообще не понимает, что такое дом. Если заглянуть в него, подумал Кит, у которого вдруг разыгралось воображение, то увидишь только темный, бесконечный лес.

Следующие полчаса тянулись до бесконечности. Кит пытался сравнивать форму букв с фигурками птиц и зверей, а Саймон вертелся, выбивая гусиное перо из руки Кита, ударялся коленками о стол и чесался. Наконец Паркер постучался в дверь.

— Пора идти на вечернюю молитву, — сказал он с усмешкой.

Кит встал, и Саймон тоже поднялся со своего места. Казалось, он теперь повторяет движения Кита, как зеркальное отражение, даже когда тот проводил рукой по волосам. Кит подумал было поговорить с ним об этом, но потом решил, что оно того не стоит.

Мальчики потянулись в церковь парами, и, разумеется, Кит шел рядом с Саймоном, который снова попытался ухватиться за его руку. Кит отдернул руку даже более злобно, чем намеревался.

— Держи руки за спиной! — сказал он.

В небе собрались свинцовые тучи, ветер гонял по двору желтые листья. Кит смотрел себе под ноги, занятый своими проблемами, и очнулся от задумчивости только тогда, когда Саймон вдруг вырвался из строя и помчался в сторону Лонг Миллгейт.

— Что такое? — воскликнул директор.

Младший учитель, которому весь день приходилось бороться с непоседливостью Саймона, сказал:

— И куда же он на этот раз?

Лицо директора помрачнело.

— Чабб! Паркер! — рявкнул он, и два мальчика устремились за Саймоном, как выпущенные стрелы.

У Кита сердце ушло в пятки. В конце концов, нужно было взять его за руку, подумал он.

Не зная, что его преследуют, Саймон замер на месте, в смятении обводя взглядом улицу, и Кит понял, что он ищет свою мать.

— Попался! — закричал Чабб, хватая Саймона за куртку, но тот резко вывернулся у него из рук.

Паркер схватил его, но Саймон устремился к церкви. Младший учитель и несколько мальчиков побежали в переулок рядом с церковью, отрезая беглецу путь. С минуту помешкав, Саймон прыгнул вверх на ветви деревьев.

К восторгу тех, кто находился ближе всех к директору, тот выругался и шагнул к дереву, размахивая палкой. Затем начал бить по стволу дерева.

— Слезай немедленно! — приказал он и в замешательстве устремил взор вверх, потому что мальчика там больше не было.

— Где он? — заорал директор.

— Там! Там! — кричали мальчишки.

Саймон перепрыгнул с одного дерева на другое. На тисах сохранились иголки, так что разглядеть Саймона было трудно. Эти деревья росли близко от церкви. Когда Саймон добрался до дерева, находившегося ближе всех к зданию, он замер. Некоторые из мальчиков уже лезли за ним на тис, несмотря на вопли директора. Однако прежде чем они до него добрались, Саймон неожиданно перепрыгнул на лепной архитрав вокруг церковных витражей и пополз по стене, как паук.

— Остановите его! — воскликнул директор, и все мальчики начали петь.

Никогда еще во время вечерней процессии в церковь не происходило ничего столь волнующего.

Цепляясь за грифонов и горгулий, Саймон взбирался наверх, к резному карнизу, украшавшему нижний край церковной крыши.

Директор побагровел от ярости. Это была ересь или, по крайней мере, богохульство. А если мальчишка заберется на крышу, как же они его спустят?

Мальчики издали крик, когда Саймон добрался до края крыши и побежал вдоль него. Однако с другой стороны церкви был лишь берег реки — и никаких деревьев.

— Снимите его! — взревел директор, глядя, как Саймон бежит взад и вперед, ища выход.

Кит отошел подальше, чтобы не попадаться на глаза и избежать приказа забраться на крышу за Саймоном. Вместе с остальными мальчиками он смотрел наверх, в темноте трудно было что-нибудь разглядеть. За рекой располагались леса Олпорт-парк, где охотились люди лорда. Кит знал, что если Саймон туда доберется, он будет для них потерян: ведь в лесу он как дома, не то что горожане. Но скорее всего он разобьется насмерть при падении. Он наблюдал, как Саймон бежит по крыше. И вдруг тот издал такой тоскливый, пронзительный вой, что Кит вздрогнул.

Директор огляделся, и взгляд его остановился на Ките.

— Эй, ты! — рявкнул он, и у Кита мурашки забегали по спине. — Сделай же что-нибудь!

Кит вышел вперед.

— Я думаю, он спустится сам, сэр, но мы должны прекратить кричать.

Директор злобно взглянул на него.

— Ты можешь его спустить?!

— Не знаю, сэр. Думаю, ему не нравится весь этот шум.

Директор повернулся к собравшимся вокруг мальчикам.

— Тихо! — заорал он, и все они перестали петь псалмы. — Итак? — обратился он к Киту.

Кит с минуту колебался. По углам здания имелись контрфорсы, снизу в форме выступа. С помощью младшего учителя Кит забрался на выступ с того угла, который был ближе всего к Саймону, потом еще выше. Но он не умел так хорошо лазать, как Саймон, и, добравшись до следующего выступа, вынужден был остановиться.

— Саймон? — позвал он. Никакого ответа.

— Саймон, — попробовал Кит еще раз. — Ты же не можешь там оставаться. Твоей... Твоей мамы там нет — она внизу.

С крыши донеслось шарканье, и наконец над карнизом показалась взлохмаченная голова.

— Мама, — сказал Саймон.

— Она ждет тебя, Саймон, — заверил его Кит. — Она не знает, где ты.

Саймон остановился и снова обратил взор к лесам. Кит понял, что он спрыгнет с крыши, если нужно. И тут к Киту пришел тот кураж, который он ощущал, когда дрался на

шпагах. Учитель говорил, что благодаря этому куражу он станет великим фехтовальщиком. И сейчас он смело отринул все соображения, касающиеся спасения собственной шкуры.

— Саймон, — мягко произнес он. — Возвращайся. Твоя мама не хочет, чтобы ты уходил.

По-видимому, наконец-то Саймон его услышал.

— Мама, — повторил он.

Кит ухватился за выступ поудобнее, обливаясь потом.

— Да, твоя мама, — продолжил он. — Если ты сейчас спустишься, то снова увидишь ее, я тебе обещаю. Но только если ты не убежишь. Ты должен спуститься, если хочешь ее увидеть.

И он продолжал уговаривать Саймона; ему казалось, что он разговаривает с самим собой, снова ставшим маленьким мальчиком. В конце концов Саймон перекинул через карниз ногу и начал спускаться. С чувством огромного облегчения Кит соскользнул на землю.

Его восхитила ловкость, с которой Саймон быстро спустился вслед за ним. Директор просто задыхался от бешенства. Как только Саймон коснулся земли, он схватил его и начал избивать палкой. Кит вздрогнул, когда Саймон взвыл от боли. Сейчас не были соблюдены обычные правила, которым следовали, наказывая провинившихся в Большом зале по пятницам. Директор просто порол Саймона что было сил, а стоявшие вокруг мальчики наблюдали за этой сценой с испуганными лицами.

В конце концов запыхавшийся директор, у которого шляпа съехала набекрень, остановился.

— Уведите его, — прорычал он. — И запирайте в шкафу.

Чабб и Паркер со всех ног бросились выполнять приказание. Саймона заперли в шкафу за то, что он не понимал, что нельзя покидать процессию.

Через два часа Киту сказали, что он может выпустить беглеца. В шкафу было очень темно и тесно. Саймон скорчился там, вывернув руки и ноги под неестественным углом. Свет в его глазах померк.

— Мама, — сказал он.

Кит вздохнул.

— Ты должен спать вместе с нами, — объяснил он и повел Саймона в дортуар, наконец-то позволив ему взять себя за руку, поскольку боялся, как бы Саймон опять не сбежал.

9

Снова пришел черед Киту спать в дортуаре младших учеников, и Саймон тоже там спал, потому что в дортуаре имелась лишняя кровать. По-видимому, мальчику никогда прежде не приходилось лежать на кровати, и сначала он попытался улечься на полу рядом со своей кроватью, но Кит резко приказал ему встать.

— Ты должен помолиться, — сказал он Саймону, и когда тот взглянул на Кита, не понимая, о чем идет речь, заставил его встать на колени вместе с остальными и повторять за Китом:

— О мой Бог...

— О мой Бог...

— Я искренне сожалею...

— Я искренне сожалею...

— Что оскорбил тебя...

— Что оскорбил тебя...

Саймон запинаясь, читая молитву, и не встал вместе со всеми, когда они закончили. Он стоял на коленях, переводя взгляд с двери на окно. Кит понял, что ночь будет долгой.

— А теперь ложись в постель, — сказал он, и Саймон сразу же лег, полностью одетый,

в башмаках.

Кит заставил его подняться и откинуть простыни. Потом ему пришлось успокаивать малышей, которые заливались смехом.

— Ты должен оставаться в своей постели, — объяснял он терпеливо, хотя сомневался, понимает ли его Саймон.

Но тот кивнул и спокойно лежал, не сводя взгляда с Кита, пока тот не отвернулся и не улегся в собственную кровать.

Однако утром разразился скандал.

— Слезай с меня! — пронзительно вопил Джозеф Прайор, и Кит увидел, как маленький мальчик пытается выбраться из-под Саймона, который навис над ним.

— Что ты делаешь в его постели? — спросил Кит.

— Он описал мою постель! — закричал Джозеф.

Все вокруг проснулись и с восторгом и ужасом наблюдали, как Джозеф побежал за экономкой.

— Что тут происходит? — в отчаянии спросил Кит.

— Он — он плакал, — ответил Саймон.

Кит прикрыл глаза.

— Я же сказал тебе, что не разрешается вставать со своей кровати, — сказал он, так как Саймон нарушил основное правило, но, по-видимому, не понимал этого.

— Черная собака, черная собака! — захныкал Саймон точно таким же голосом, как у Джозефа, и все мальчики рассмеялись, прикрывая рукой рот.

Кит понял, что именно произошло. Наверно, у Джозефа был один из его ночных кошмаров, а Саймон попытался его утешить. Один из них описал кровать. Кит не знал, как с этим обстоит у Саймона, но ему было известно, что с Джозефом это случалось регулярно, хотя малыш никогда бы в этом не признался.

Явилась экономка с лицом кислым, как уксус, как говаривал Чабб, и резким тоном заговорила с Саймоном, который ее не слушал.

— Черная собака, черная собака, — повторял он со слезами в голосе, указывая на Джозефа, который сначала побледнел, а потом покраснел.

— Лгун! — закричал он, чуть не плача, а экономка заявила, что с нее довольно.

Она сказала Саймону, что на первый раз не доложит о нем, но ему придется убрать в комнате. Кит повел малышей на молитву, думая о том, что теперь по всей школе разнесется, что Саймон забрался в постель к младшему мальчику и описал ее.

За завтраком старшие ребята нещадно дразнили Саймона, напевая: «Свинтус описался! Свинтус описался!»

Потом Паркер спросил:

— Взгляни-ка — это не твоя мать?

И Киту пришлось схватить Саймона, пока он не помчался в ту сторону.

— Хватит, Паркер, — сказал Кит, когда все мальчишки залились смехом.

Но тут вмешался Чабб:

— Это не может быть твоя мать — она давно ушла.

— Нет! — завопил Саймон и ко всеобщему изумлению набросился на Чабба.

Чабб был лучшим боксером в школе, но Саймон захватил его врасплох. Вскоре мальчики образовали круг вокруг дерущихся, подзадоривая их: «Деритесь же!»

— Что здесь происходит? — осведомился младший учитель, проталкиваясь вперед.

Кит помог ему оторвать Саймона от Чабба, у которого лицо было разбито в кровь.

— Эта навозная крыса меня укусила! — сказал Чабб, толкнув Саймона в грудь. — Ты об этом еще пожалеешь!

Саймон попытался снова рвануться к нему, но у него на пути встал младший учитель.

— Вы должны пожать друг другу руки! — потребовал он и выругался, когда Саймон вцепился в него ногтями. — В шкаф! — заорал он Киту, и тот из сочувствия к учителю помог засунуть Саймона в шкаф.

Уж лучше было не выпускать его оттуда, подумал Кит, когда учитель приказал мальчикам разойтись. Ведь нет никакого толку от его пребывания в школе.

— Пусть он успокоится перед уроками, — сказал младший учитель, оправляя на себе одежду.

— Да, сэр, — ответил Кит. Затем добавил: — Сэр — почему он здесь?

По выражению лица учителя он понял, что тот престаёт в таком же недоумении, как он сам.

Однако в тот же день, несколько позже, Кит выяснил, в чем дело. Ему велели выпустить Саймона из шкафа и отвести в церковь, где его ждал регент. И впервые Кит услышал, как Саймон поет. Он повторял музыкальные фразы, которые ему напевал регент, и голос его взвивался ввысь, к ангелам под крышей. Кит смотрел в изумлении, когда Саймон выводил ноты поразительной чистоты, а регент прикрывал глаза и качал головой.

— Как же возможно такое? — выразил он вслух свое удивление. — Как же тебе удастся так долго держать ноту?

Саймон не ответил. Он посмотрел на ангелов под крышей.

— Посмотри на меня, — велел регент, и Саймон перевел на него взгляд. — Смотри на мой палец и тяни ноту, пока я тебя не прерву.

Он напел ноту, и Саймон взял ее с изумительной чистотой звука, и все держал, и держал. Кит ждал, когда же регент опустит палец, но тот не спешил. На лице у регента появилась недоверчивая улыбка.

— Это все равно, что удержать свет, — сказал он, и нота наконец прервалась, задрожав. Регент ощупал грудь и ребра Саймона, словно пытаясь разгадать секрет.

— Я никогда еще не обучал мальчика, который может так долго держать ноту, — сказал он Киту. — А я учил очень многих мальчиков. Слишком многих мальчиков. Где ты научился задерживать дыхание? — спросил он Саймона, но тот повесил голову и что-то пробурчал насчет плавания под водой.

— Под водой? — переспросил регент.

— Ловил рыбу, — ответил Саймон и наконец поднял голову. — Или когда приходили люди, — добавил он, и Кит внезапно ощутил глубокую тишину воды и зеленоватое мерцание там, куда падает солнечный луч.

Но Роберту Ли неинтересны были подробности жизни мальчика, которые, вне всякого сомнения, были грязными. Он был слишком заворочен голосом Саймона, чтобы продолжать расспросы. Он заставил его спеть вместе с Китом *Agnus Dei*, и два голоса сливались и снова разделялись, как масло в воде.

Однако пение Саймона не сделало его жизнь в школе легче. С каждым днем дела шли все хуже. Старшие мальчики ставили ему подножку, когда он проходил мимо них по лестнице, или нарочно сталкивались с ним, когда он нес швабру и ведро, и тогда содержимое выплескивалось на пол. Они следовали за Саймоном, когда тому приказывали прибраться в церкви, и топтались в грязной обуви там, где он уже подмел, пока не вмешался Мэтью Палмер.

— Вам н-нечем з-заняться, м-м-мастер Чабб? — спросил он.

— Н-н-нет, с-с-сэр, — с самым невинным видом передразнил его Чабб, а его дружки захихикали.

Кит при случае защищал Саймона и был добр к нему наедине, но он оказался между двух огней и метался между своими друзьями и новичком, которому должен был покровительствовать. Он постоянно старался изолировать его от них, но это было трудно, поскольку они вместе ходили на молебны, спали и ели. Дважды ему приходилось отвязывать Саймона от кровати, чтобы тот мог попасть на уроки.

Ему нравилось, что Саймон никогда не жалуется и не плачет.

— На самом деле они не такие плохие, — говорил он вопреки логике, когда они выуживали куртку Саймона из бочки, куда опорожнялись ночные горшки. Он пытался подыскать своим друзьям оправдание. — Просто ты их еще не знаешь. Когда ты

познакомишься с ними поближе, то увидишь, что они такие же, как я.

— Не такие, как ты, — возразил Саймон. Он так редко что-либо говорил, что Кит попросил его повторить свои слова.

И тогда Кит возразил:

— Нет, они такие же, как я, а я — такой же, как они.

— Нет, — твердо заявил Саймон.

Кит почувствовал раздражение.

— Откуда ты знаешь, какой я? — спросил он.

Саймон пристально посмотрел на него, потом ответил:

— Ты как мотылек, который меняет окраску на коре дерева.

Это было самое длинное предложение, которое он произнес за все время их знакомства. Кит знал, каких мотыльков он имеет в виду — ему приходилось видеть их на деревьях возле своего прежнего дома. Они меняли окраску в зависимости от фона. Он пристально взглянул на Саймона, удивляясь тому, как много тот видит, но не успел он заговорить, как зазвонил колокольчик, призывая каждого из них в свой класс.

10

К концу этой долгой, ужасной недели настоятель послал за Китом.

Кит чуть не застонал вслух. Он не успел за эти дни позаниматься чем-нибудь дополнительно, и в нем искрилась надежда, что настоятель отказался от своей идеи. А когда тот снова пропустил инспектирование школы, прислав записку, что болен, Кит начал надеяться, что в конце концов ему не нужно будет объяснять, почему он не хочет дополнительных занятий.

Теперь он тащился по лестнице, поднимаясь в комнату доктора Ди. К двери по-прежнему была прикреплена записка, но Кит знал, что не сможет просто уйти.

— Входи, — сказал настоятель, когда мальчик постучался.

Кит отворил дверь. В комнате было темно и душно, пахло сожженными травами. Настоятель только что встал с постели, накинув свое одеяние поверх ночной сорочки. Кит взглянул в него. Настоятель выглядел просто ужасно: лицо было желтоватое и осунувшееся, глаза горели лихорадочным блеском.

— Подойди, — произнес он хриплым голосом. — Дай мне на тебя посмотреть.

Киту не хотелось подходить к настоятелю слишком близко. От него исходил затхлый запах старости. Взяв костлявыми пальцами Кита за подбородок, он приподнял его лицо и заглянул в глаза. Через минуту Кит отодвинулся.

— У меня было мало времени... — начал он.

— Теперь это неважно, — сипло ответил настоятель. — Расскажи мне о себе.

— Что? — спросил удивленный Кит.

В школе никто никогда не расспрашивал детей об их жизни. Это было неписаным правилом. Правда, каким-то загадочным образом все ухитрялись все знать.

— О твоих родителях, — сказал настоятель, усаживаясь и указывая Киту на стул.

— Мои родители умерли, сэр, — натянуто ответил Кит.

Настоятель кивнул с таким видом, словно именно этого и ожидал.

— Они были католиками, не так ли?

Кит еще больше напрягся. Что же это такое, что-то вроде религиозной инквизиции?

— Меня определили в эту школу, — сказал он, — чтобы воспитать в истинной вере.

Губы настоятеля скривились в каком-то подобии улыбки.

— Очень правильно и достойно. А кто тебя сюда привел?

Кит предпочитал не задумываться на эту тему.

— Прежний директор, сэр, Уильям Чэддертон. И еще Мистер Картер.

Настоятель кивнул.

— А у тебя нет официального опекуна?

— Мой опекун — школа, сэр.

Доктор Ди снова кивнул.

— У твоих родителей нет родственников?

Кит покачал головой. К чему клонит настоятель? Его вопросы пробудили мучительные воспоминания. Киту еще не было семи лет, когда его отобрали у матери и посадили на лошадь Оливера Картера, и они скакали галопом всю дорогу до школы, более двадцати миль. Всю свою жизнь он будет вспоминать, как пахло от этой несущейся галопом лошади.

Настоятель внимательно на него смотрел.

— Ни у матери, ни у отца не было братьев или сестер, — ответил Кит.

— Ах, вот как, — выговорил настоятель и сложил вместе кончики пальцев, все еще не отрывая взгляда от Кита.

— Это все, сэр? — спросил Кит, отвечая на его взгляд.

Настоятель поднялся и обошел вокруг Кита — сначала в одну сторону, потом в другую. Он взял в руку локон Кита и, кажется, понюхал его.

— Ты знаешь, что такое Великий Ритуал, Кит? — пробормотал он.

И Кит сразу же почувствовал, что ему не хочется оставаться в этой комнате с доктором Ди. Глаза настоятеля были огромными и черными, и от него исходил какой-то необычный запах. Кит отпрянул.

— Мне нужно идти, — заявил он.

— О нет! — возразил настоятель каким-то чужим голосом.

Киту казалось, что он повернулся, но как выяснилось, он все еще стоял лицом к лицу с настоятелем.

— Мы еще не закончили, Кит.

И Кит обнаружил, что не может пошевелиться. Язык его не слушался, на лбу выступил пот. Настоятель сделал к нему шаг, потом другой. Кит изо всех сил пытался высвободиться. Настоятель улыбнулся.

— Это ритуал, который нужно совершать в определенное время, — объяснил он. — Предпочтительно в новолуние. Ты знаешь, Кит, когда это?

И Кит сразу же обрел дар речи.

— Я не хочу знать о ритуалах! С меня довольно! Я больше не хочу сюда приходить!

Настоятель стоял совсем рядом, и Кита тяготил запах, исходивший от него.

— Ты мне что-то недоговариваешь, Кит?

Кит смотрел в бездонные черные глаза. «Откуда он знает?» — подумалось мальчику. А потом: — «Он знает?»

— Может быть, какая-то тайная печаль, — прошептал настоятель. — Бремя, которое тебе не с кем разделить.

«Он знает», — решил Кит, и его рука невольно потянулась к лицу.

— Я могу помочь тебе раскрыть эту тайну, Кит, — предложил настоятель, и сердце Кита пронзила острая тоска. — Мы можем работать вместе, Кит. Разделенная печаль — это печаль, уменьшенная вдвое. Но ты должен работать вместе со мной, Кит. Я не могу работать один.

— Да, — ответил Кит.

Он почувствовал слабость и облегчение. Настоятель резко отвернулся.

— Новолуние будет на следующей неделе, — сказал он. — Я пошлю за тобой, и ты придешь в церковь в полночь. Ты понимаешь?

— Да, — повторил Кит.

— Это все, — сказал настоятель. — Можешь идти.

Кит почувствовал, что наконец-то может двигаться. Он поспешил к дверям, чуть не опрокинув кресло, и никак не мог нащупать ручку двери. Оказавшись за дверью, он споткнулся. Дыхание его было прерывистым, он жадно глотал воздух. У него было такое ощущение, будто случилось что-то ужасное и нечистое. Однако когда он спускался по лестнице, в душе его ужас боролся с убеждением, что настоятелю известно о его проблеме и

он предложит ее решение. Теперь Кит не мог сбежать от настоятеля, потому что во что бы то ни стало ему нужно было выяснить, что делать.

11

Когда Кит шел по двору, до него донеслись крики мальчишек, и сердце ушло в пятки. «Что на этот раз?» — подумал он. Идя на этот звук, он начал подниматься по лестнице, ведущей на верхний коридор, как вдруг увидел, что мальчики стоят вокруг Саймона, толкая его со всех сторон.

— Отдай сейчас же, свинопас, — сказал Чабб, и один из мальчишек сильно толкнул Саймона.

— А ну-ка, отдавай!

— Ворам отрезают уши.

— Брук, — обратился Чабб к одному из парней, — передай мне твой кинжал.

Кит прикрыл глаза. Сначала настоятель, теперь вот это. У него появилась подлая мыслишка улизнуть и притвориться, что ничего не происходит. Это несправедливо! Почему все валится именно на него?!

— Если он не заговорит, — сказал Паркер, — мы можем испытать его водой в реке.

Кит открыл глаза, как раз когда Саймона столкнули с лестницы. Он неуклюже упал, ударившись головой о каменную стену, но Кит его подхватил.

— Что происходит? — осведомился он.

Чабб запрыгал вниз по ступенькам.

— Этот мерзавец взял мой кинжал.

Два мальчика стояли по обе стороны от Саймона, который опустился на ступеньку.

— Ты это точно знаешь? — спросил Кит.

— Да, — ответил Чабб. — И мы собираемся его забрать.

— Разве для этого требуется столько народу? — спросил Кит, помогая Саймону подняться.

— Не вмешивайся, Морли, — посоветовал один из мальчиков.

— Оставьте его, — ответил Кит.

— Он твой любимец? — осведомился Чабб.

— Вы у него спрашивали, взял ли он кинжал?

— Мы спрашиваем его сейчас, — сказал Чабб и ударил Саймона сапогом.

Остальные ребята ринулись вниз по лестнице.

— Стойте! — воскликнул Кит и произнес слова, которые, как он знал наверняка, усложнят его собственную жизнь. — Я пойду за учителем.

На лице Чабба отразилось неверие, потом гнев.

— Ты ему скажешь? — спросил он.

Кит не ответил.

— Наверно, нам следует окунуть вас обоих в реку, — сказал Чабб, и все его поддержали.

Кит и Чабб, не мигая, смотрели друг на друга.

— Тебе не идет быть предателем, — наконец выговорил Чабб.

— А тебе не идет быть трусом, — парировал Кит.

Глаза Чабба расширились, и он встал в боксерскую позицию, сжав кулаки.

— Мы сейчас посмотрим, кто тут трус, — сказал он, и остальные мальчики надавили на них, так что все спустились в коридор у подножия лестницы.

Там для Чабба с Китом образовали круг.

— Деритесь! — сказал один из ребят, и все они начали скандировать: — Драка! Драка! Драка!

Кит знал, что Чабб всегда может победить его в боксе. Но он приготовился к бою, потому что ничего иного ему не оставалось. После первого удара он почувствовал, как из

носа пошла кровь.

— М-м-мальчишки! — закричал Мэтью Палмер. — Что тут происходит?

Он протолкался сквозь толпу.

— Д-д-деретесь? В ш-ш-школьное время? — Он увидел съежившегося Саймона и Кита с разбитым носом.

— Что тут такое? — спросил он.

Кит молча вытер нос. Чабб тоже ничего не сказал, так как мальчикам не полагалось иметь кинжалы. Мэтью Палмеру все это напомнило его собственные школьные годы. Он знал, что не добьется ответа.

— В-вам н-не нужно н-на уроки?

Мальчишки начали расходиться, бормоча себе под нос.

— Н-на этот раз я н-не пойду к д-директору, — сказал викарий. — Н-но б-больше не попадайтесь мне.

Все мальчишки разошлись, и остались только Кит, Чабб и Саймон.

— П-пожмите руки, — велел Мэтью Палмер.

Кит и Чабб неохотно пожали друг другу руки, глядя в сторону.

— Хорошо, — одобрил Мэтью Палмер. — А т-теперь ступайте в класс.

Чабб повернулся и сразу же вошел в класс. Саймон не сдвинулся с места. Он робко дотронулся до лица Кита.

— Нос... — начал он. Кит отодвинулся.

— Я знаю, — сказал он, вытирая нос рукавом.

— Идет кровь.

— Все нормально.

— Зажми его — вот так.

Кит отстранил руку Саймона.

— Оставь!

Саймон попятился, потом сказал:

— Здесь кровь? — Он поднял подбородок.

— Нет, — ответил Кит, взглянув на его подбородок.

— Кровь у меня во рту — посмотри.

Саймон высунул язык. У Кита не было никакого желания рассматривать язык Саймона.

В отчаянии он обвел взглядом коридор.

— У меня болит зуб, — сказал Саймон.

— Хватит об этом.

— Я не брал кинжал.

— Я знаю, — вздохнул Кит.

Потом взял Саймона за плечо и повернул кругом.

— Иди на свой урок, — велел он.

— Предатель, — прошипел Чабб, когда Кит вошел в класс.

Он поставил Киту подножку, но тот вовремя заметил и прошел на свое место. Когда они начали писать, Чабб словно случайно облил чернилами тетрадь Кита. А когда Киту велели достать свой перевод с греческого, он обнаружил, что все страницы вырваны. Директор сделал ему строгий выговор.

— Вы останетесь без ужина и придете в мой кабинет, чтобы написать перевод заново, — приказал он.

Кит вернулся на место, игнорируя ухмылявшегося Чабба. Он был не так расстроен, как хотелось бы Чаббу, потому что, по крайней мере, в кабинете директора ему не нужно будет избегать мальчишек. Или спасти Саймона. У него мелькнула мысль о Саймоне, но тут он с облегчением вспомнил, что тому нужно идти в церковь на дополнительные занятия с регентом. Он сам как-нибудь продержится, пока не решит свою проблему. И тогда, надо надеяться, он окажется очень далеко от школы.

Кит сидел в кабинете у директора, Джорджа Стэрсейкера. Всю неделю он переводил отрывок из «Илиады». Мастер Стэрсейкер откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, потому что он только что отменно поужинал. Его дыхание стало громче и ритмичнее. Кит уныло взглянул на директора, размышляя, не опасно ли будет удрать. Потом потер затылок и занялся переводом.

Отрывок был волнующим. Воюющие стороны, греки и троянцы, сошлись в битве, и Агамемнон оказался лицом к лицу с троянским воином.

«Ифидамас всадил нож в пояс Агамемнона... — дальше была фраза, которую Кит не мог перевести, — ухватившись за его копье, но ему не удалось пронзить сверкающий пояс. Агамемнон потянул копье к себе с яростью льва и вырвал из рук мужчины. Затем он ударил его мечом в шею и свалил на землю...»

Кит смотрел на слова, размышляя о том, каково было воинам в настоящем поединке на поле боя. Теперь он часто занимался фехтованием, но ему никогда не приходилось сражаться за свою жизнь. Если бы до этого дошло, хватит ли у него храбрости, чтобы не отступить, или он повернется и обратится в бегство, как Гектор удра от разгневанного Ахиллеса?

Кит сильно опасался, что ему не хватило бы храбрости. Он был хорошим фехтовальщиком, и младший учитель постоянно говорил ему об этом, но любой может впасть в панику перед лицом смерти. Вот в чем заключается разница между воином и героем.

Директор обмяк в кресле, и Кит с отсутствующим видом уставился в окно. Оба они очнулись от резкого стука в дверь.

— Киту нужно на урок фехтования, — услышали они голос Паркера.

Кит взглянул на директора, который выпрямился в своем кресле, делая вид, что и не думал спать.

— Очень хорошо, — сказал он. — На сегодня хватит.

Кит поспешил из его кабинета, пока мастер Стэрсейкер не передумал.

Он не прислушивался к словам Паркера, который что-то ему говорил. Добравшись до главного выхода во двор, Кит отворил ее и вдохнул воздух, влажный от дождя.

И вдруг перед ним вырос Чабб в окружении всей своей компании.

Кит огляделся, но нигде не было видно учителя фехтования. Чабб усмехнулся. Он снял куртку и закатал рукава рубашки.

— Пора решить наши разногласия, — заявил он. — Шпаги или кулаки?

— Что тут такое? — спросил Кит.

— Шанс себя проявить, — ответил Чабб.

Сердце Кита взволнованно забилося.

— Мне нет необходимости показывать себя перед тобой, — ответил он, поворачиваясь, чтобы уйти.

И сразу же Чабб приставил острие шпаги ему к горлу.

— Давай же, Кит, — сказал он. — Нам нужно разрешить ссору.

— Эту ссору начал ты, а не я.

Чабб бросил на него насмешливый взгляд.

— Ты отказываешься драться?

Кит посмотрел в лица мальчиков, еще недавно бывших его друзьями. После того, как разорвали его перевод с греческого, не произошло ничего особенного, и он надеялся, что все уляжется. Но вот они теперь перед ним. Некоторые ухмыляются, другие горят нетерпением. Ни один из них не был на стороне Кита; они его не отпустят.

— Деритесь друг с другом, — посоветовал Кит и снова попытался уйти, но острие клинка уперлось ему в грудь.

— Ты же не трусишь, а, Кит? — спросил Чабб.

Несмотря на все опасения, в Ките вспыхнула ярость. «Вот оно», — подумал он и вяло

удивился тому, что случай проверить себя представился так скоро. Он сглотнул слюну, надеясь, что никто не заметил его страха.

— Пусть будет по-вашему, — согласился он, сбрасывая куртку и обнажая свою шпагу.

Остальные мальчики отступили от противников и образовали вокруг них круг, когда те скрестили шпаги. Чабб ухмылялся своей волчьей усмешкой, которая исчезла, когда Кит сделал выпад. Ему едва удалось парировать удар вовремя, но он отступил, пораженный яростной атакой Кита.

Чабб устремился вперед, и два мальчика начали бой. Их шпаги сверкали. Кит вскочил на низкую стену, но Чабб сбросил его оттуда и отпрыгнул назад. Откинув волосы с глаз, Кит последовал за ним. Это было непохоже на уроки фехтования. Чабб перестал ухмыляться.

Кит был так разъярен, что дошел до белого каления. Он игнорировал дружков Чабба, которые поддерживали последнего криками. Ярость клокотала в нем — ярость, накопившаяся за все эти годы. Последние события подлили масла в огонь: мелкие пакости и насмешки прошедшей недели; взыскания, наложенные на него директором, и его едва прикрытое презрение; дополнительная, ненужная ему ответственность за Саймона и странное, малоприятное поведение настоятеля.

А под этими поверхностными поводами были более давние и ужасные обиды.

Двое мальчиков кружили по двору, перебегая и отпрыгивая, нанося и парируя удары. Кит не отрывал взгляда от глаз Чабба. В них он видел высокомерную гордость, затем ее сменил первый проблеск сомнения. Кит знал, что противник уже не наступает, а обороняется. Он ощущал не волнение, а холодное злорадство. Рука у него была не такой сильной, как у Чабба, зато он был быстрее и искуснее. Наблюдавшие за ними мальчики умолкли.

Но у Чабба слишком многое было поставлено на карту, чтобы он мог позволить себе проиграть. Шанс подвернулся очень скоро. Чабб поскользнулся на мокром булыжнике, Кит встал над ним в ожидании, и с быстротой молнии Чабб нанес удар снизу и повернул шпагу. Кит почувствовал резкую боль в боку и рухнул на землю.

Зрители, наблюдавшие за поединком, разом вскрикнули. Кит скорее почувствовал, нежели увидел, что они быстро отступают, и услышал чей-то вопль: «Бежим!»

Голова Кита стала какой-то удивительно легкой. Под ребрами нестерпимо болело. По пальцам текла кровь. Вот это и значит — умирать?

Он поднял голову и огляделся. В глазах у него потемнело, но он видел дверь, за которой находилась комната настоятеля. Сжав зубы, Кит попытался приподняться.

Движение вызвало невыносимую боль. Кит снова упал. Он закрыл глаза. Разве не этого он всегда желал? В темноте крылся покой. Выход из всех его проблем.

Против его воли тело боролось, стремясь выжить. Рука шевельнулась, и он задохнулся от боли под ребрами. Нога слабо дернулась, и, дюйм за дюймом, Кит пополз по вымощенному плитами двору к дверям настоятеля.

ОПЯТЬ ИГРА СВЕТА

Манчестер, наши дни

Завернув за угол, Кейт ускорила шаг. Она проходила мимо магазинов с опущенными железными жалюзи и мимо пустыря, где детишки прыгали на крыше автомобиля. Она бежала по узкому проходу к Феникс-эстейт. Она могла бы бежать быстрее, если бы не шов на бедре.

Добравшись до своего дома, стоявшего в ряду таких же маленьких домиков, она увидела, что дети швыряют мяч в ее парадную дверь. Кейт разозлилась.

— А ну убирайтесь от моего дома! — закричала она.

Дверь была заперта, и это было хорошим признаком. Кейт не стала стучаться на

случай, если отец спит, а стала доставать ключ, висевший у нее на веревочке на шее. Она чувствовала, как за ней наблюдают, и опасалась, что кто-нибудь из этой банды может прыгнуть ей на спину.

— Папа! — позвала она, войдя в прихожую.

Ей никто не ответил, и Кейт взбежала по лестнице в спальню отца. В комнате царил беспорядок: повсюду разбросаны книги и одежда, бумаги, банки из-под пива, скомканные бумажные носовые платки. Простыни на кровати были откинuty — именно так, по его мнению, полагалось «проветривать ее», как он всегда говорил, дверь платяного шкафа открыта. Кажется, больше ни к чему в доме не притрагивались; правда, в холодильнике стояла миска с кашей, наполовину пустая.

Кейт дважды сбегала на кухню, прежде чем увидела конверт, прислоненный к радиоприемнику. В нем было несколько десятифунтовых банкнот и немного мелочи и записка, написанная каракулями, дрожащей рукой.

Моя дорогая Кейт!

Я уезжаю на несколько дней. Я знаю, ты будешь хорошей девочкой и позаботишься о себе. Будет лучше для тебя, если ты не будешь знать, где я. Может быть, ты сможешь переночевать у друзей. Это все деньги, какие у меня есть, но я постараюсь прислать еще.

Дальше шел какой-то замазанный знак, и записка заканчивалась таким образом:

Я так виноват!

Я люблю тебя.

Твой отец.

Кейт смотрела на листок бумаги. Она слышала какой-то свистящий звук у себя в голове.

«Уезжаю на несколько дней».

Куда?

Ее отец никогда не оставлял ее прежде.

Конечно, порой он приходил поздно, так бывало много раз, и она допоздна не ложилась спать, в волнении дожидаясь его. Но он всегда приходил, порой на рассвете, полуодетый, распевая песни, и она укладывала его в постель.

Она снова взглянула на записку, ничего не понимая. И затем бесцельно пробежалась еще раз по дому.

— Папа! Папа! — звала она.

Во всех комнатах было пусто.

Ей стало не по себе, и она вернулась на кухню. Повсюду стояли жирные кастрюли и сковородки — на столе, в раковине. Она как раз собиралась навести порядок в доме. Скомкав записку, она швырнула ее в стенку, пнула стул и резко захлопнула дверцу буфета.

«Друзья? — подумала она со злостью. — Какие еще друзья?»

Она подобрала записку и уселась за стол.

Будет лучше для тебя, если ты не будешь знать, где я.

«Почему? — подумала Кейт. — Почему лучше?» Она уставилась в стену невидящим взглядом. Папа не впервые попадает в беду. Сердце у нее заколотилось, ладони стали потными. Что же ей делать? Она не может допустить, чтобы кто-нибудь узнал, что она осталась здесь одна, — тогда вмешается Социальная служба. А это значит, что она не может начать расспрашивать, не видел ли отца кто-нибудь.

Неожиданно Кейт ощутила дикую ярость. Ей хотелось орать, визжать и громить все в доме. Но нет, лучше она займется уборкой.

Кейт закрыла глаза. Открыв их снова, она потянулась за конвертом и пересчитала деньги. Почти шестьдесят фунтов, у нее есть еще тридцать, которые она заработала, разнося

газеты. Она заглянула в холодильник и нашла там бекон, половину батона и открытую бутылку молока. В буфете — крупа и печенье. Только потому, что она делала покупки. Во всяком случае, едой она на первое время обеспечена.

Вообще-то она продержится здесь несколько дней, если только не...

Если только не придут люди, разыскивающие отца.

Кейт отвела волосы от лица. Она не может позволить себе сейчас испугаться. Ей нужно пораскинуть мозгами и выработать план.

С чего же ей начать? Ей хотелось кому-нибудь позвонить — правда, она не знала, кому. Их телефон отключили, а у Кейт, в отличие от всех, кого она знала, не было мобильного. Впрочем, и звонить-то было некому.

Кейт резко поднялась, оттолкнув стул. Ей нужно прогуляться на свежем воздухе. Нужно хорошенько все обдумать и решить, что делать.

Кейт вышла из дому, удостоверившись, что замок защелкнулся, и прошла мимо детей, которые теперь катались на скейтбордах. Интересно, известно ли им что-нибудь? Но она ни за что не спросит. Она пересекла площадь и пошла по узкому проулку. Мелкий дождик не прекращался, но на пустыре по-прежнему играли ребяташки. Сунув руки в карманы, Кейт направилась к магазинам, делая вид, что идет по важному делу.

Дети что-то кричали ей, но она не обращала на них внимания. Она шла, засунув руки в карманы и подбрасывая ногой камешек. Теперь, выйдя на улицу, она немного успокоилась. Правда, в душе у нее было пусто. Отец вернется, подумала она. Он и раньше вот так исчезал, правда, ненадолго, и обычно не оставлял никаких записок. Но она была уверена, что он вернется сегодня ночью, совершенно не ведая о тревоге, которую вызвал.

«Ах, Кейт! — скажет он. — Моя красавица дочь!»

Самое лучшее, что она может сделать, — это попытаться жить обычной жизнью, скрывая ото всех, что он уехал, и продолжать участвовать в кафедральном проекте. Ей ни в коем случае нельзя попасть в отчеты о пропусках занятий.

Быстро темнело, под холодным дождем промокла одежда. Погруженная в свои мысли, Кейт направилась обратно к площади. Только когда чирикнула птица, она заметила женщину, которая шла по площади ей навстречу. На ее опущенную голову и плечи было накинуто одеяло. Кейт мгновенно узнала в ней женщину из собора, и сердце ее учащенно забилося — она сама не знала, почему. Что здесь делает эта женщина?

Как только она об этом подумала, женщина исчезла. Кейт моргнула, видение исчезло, и площадь стала прежней. Дети со скейтбордами теперь стояли, перестав кататься. Она огляделась, но женщина бесследно растаяла. «Игра света, — подумала Кейт, добравшись до двери своего дома. — Опять игра света».

НАСТОЯТЕЛЬ

1

3 октября 1604 года

Пламя свечи отражалось в темной поверхности камня. Огонь в камне, бесконечно далекий. Этот камень был обсидианом, отшлифованным так, что его черная поверхность сверкала, как зеркало. Камень обладал свойством заставлять близкое казаться далеким, далекое — близким. Он был привезен из Мексики и стоил целое состояние.

Курильница слегка покачивалась на цепях, от нее исходил горьковатый запах камфары, амбры и мирры. У доктора Ди почти закончилась мирра. Она дорогая, и как же ему пополнить запасы в этой Богом забытой дыре? Он уже и так продал свои драгоценности и почти всю посуду.

Доктор Ди глубоко вздохнул. Он не должен позволять себе отвлекаться. Он поправил камень на шелковой скатерти и, стоя перед ним на коленях, начал бормотать заклинания,

имевшие отношение к Девятой Печати.

Теперь ему осталось только ждать. Однажды он прождал семь часов, бормоча заклинания на латыни, иврите и енохианском языке, языке ангелов, но так ничего и не произошло. Если бы только ему найти искусного «скрайера», умеющего смотреть в магический кристалл, — такого, кто смог бы *увидеть ангелов*. Но и эта мысль лишь отвлекала его. Он снова сосредоточился на камне, прикрыв веки, и дыхание его замедлило свой ритм, что было необходимо для вхождения в транс.

Свеча еле горела. Он говорил членам церковной коллегии, что ему требуется больше света для занятий, и они ответили как обычно нелюбезно, что нужно починить крышу церкви, да тут еще дополнительный налог на окна — в общем, ему повезло, что он вообще получает свечи. Он добавил к тем двум, что ему дали, свои собственные, поменьше, и именно одна из этих свечей начала оплывать и погасла.

Он не шевельнулся, чтобы снова ее зажечь, но размышление о ней беспокоило его. Что же случилось с его способностью сосредоточиться? Он стареет, мысли его отклоняются в сторону. Каждый ритуал требовал все больше усилий, а результат был все слабее. Колени у него теперь плохо гнулись, ноги сводило судорогой на холодном каменном полу. Что же будет с его работой, когда старость одолеет его?

Чувствуя себя обессиленным, доктор Ди с трудом поднялся, держась за кресло, и уселся, так и не отрывая взгляда от камня. Прошел еще час. Издалека доносилось пение причетников. Плечи и бедра болели, он не мог пошевелиться. По крайней мере, это было хорошим признаком. Сначала неподвижной стала шея, потом расслабились мускулы лица, и, наконец, голова его поникла.

В самой сердцевине камня начал мерцать и изменяться свет. По темной поверхности прошла рябь, как по воде; возникли какие-то очертания, напоминавшие глаза и округлившийся рот, затем быстро исчезли. Потом изнутри камня к поверхности прижались пальцы, отчего она вспучилась. Доктор Ди шевельнулся во сне и что-то пробормотал. Он задремал. Ему начал сниться сон. Он стоял перед камнем. Ему показалось, что он видит фигуру в длинном одеянии и сложенные крылья, блестящие тусклым блеском, как олово. Во сне доктор Ди схватился за края камня и наклонился к нему. Там было лицо, которое он почти что видел, но не мог различить черты. Потом оно заговорило, и хлынул синевато-серый свет, от которого закружилась голова. Однако, как он ни старался, ему не удалось разобрать слова.

— Что? — спросил он вслух во сне. — Что?

Пламя еще одной свечи затрепетало и погасло. Темная поверхность камня снова замерцала светом, словно была жидкой, и на этот раз пальцы, прижавшиеся к ней изнутри, стали лучше видны. Затем поверхность камня подалась. Плавным движением из камня высунулась рука, пальцы начали ощупывать дерево стола. Они были толстые, с почерневшими ногтями и шрамом на костяшках. Добравшись до рукава доктора Ди, они замерли. Доктор Ди дернулся во сне и наконец-то услышал слова, которые говорил ангел.

«Сын Тьмы приходит».

Изображение ангела заколыхалось, словно подхваченное сильным ветром. Пальцы легонько потянули доктора Ди за рукав, потом двинулись к бороде, лежавшей у него на руке.

Во сне доктор Ди еще сильнее сжал обсидиан.

— Но что же мы должны сделать? — воскликнул он.

Пальцы игриво подергали его за бороду, потом переместились выше и зажали ему ноздри, так что он не мог дышать. В этот момент кто-то постучал в дверь. Доктор Ди проснулся, всхрапнув, и рука мгновенно вернулась в отшлифованный камень.

2

Не совсем еще очнувшись, доктор Ди огляделся. В дверь продолжали стучать. У него заныло в правом боку, где когда-то воспалилась почка, причинив такие мучения, что он

думал, что это его убьет. Сустав большого пальца на ноге тоже напомнил о себе, а во рту был вкус пепла. «Вкус смерти», — подумал он и сразу же встал и начал ходить по комнате, похлопывая себя, чтобы восстановить кровообращение.

«Всего лишь сон», — сказал он себе, берясь за чернильницу. Он снова заснул, когда пытался впасть в транс.

Тихий, но упорный стук в дверь не прекращался. Он сделал быстрый вдох, сложил вместе свои бумаги и медленно выдохнул воздух. В дверь снова постучали: «тук-тук-тук».

Тихонько ругаясь себе под нос, доктор Ди взял свечу и открыл дверь. На пороге стоял один из мальчиков из школы, тоже со свечой в руках.

— В чем дело? — резко произнес настоятель.

Иногда, если он бывал достаточно грозным, нарушитель его спокойствия просто удалялся. Но этот мальчик только часто заморгал.

— С вашего позволения, сэр, — сказал он, — мистер Картер желал бы знать, не присоединитесь ли вы к нам за завтраком.

— За завтраком? — переспросил настоятель так недоверчиво, как будто ему предложили встать на голову.

Неужели уже столько времени? Неужели он так долго спал? Настоятель воздержался от резкого ответа, неожиданно подумав, что узнает гонца. Подняв свечу, он осветил мальчику в лицо, но тот не отступил, как многие на его месте, и не сдвинулся с места. Он был высокий и светловолосый, черты лица были четкие и чистые. Это один из мальчиков из хора, способный парень, которого он заметил еще до того, как у него появилась мысль о том, что ему нужен помощник. Когда-нибудь, подумал он тогда, он покажет этому мальчику свою комнату, свои книги, побеседует с ним о своей работе и посмотрит, не зажжется ли у него в глазах ответный огонек. Когда-нибудь, но не сегодня.

— Скажи мистеру Картеру, — произнес он раздраженным тоном, — что я буду завтракать здесь, у себя в комнате.

Он хотел было закрыть дверь, но мальчик шагнул вперед.

— Мистер Картер просил передать, что он уверен, что вы не забыли о Корт Лит, который начнется через час.

Вообще-то доктор Ди начисто об этом забыл. Он прикрыл глаза. Корт Лит. Пожалуй, самое скучное из всех мероприятий, на которых он должен присутствовать. Он открыл глаза и сердито взглянул на мальчика, который не отпрянул, как большинство учеников школы, считавших его Антихристом, а ответил не менее суровым взглядом.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил он.

— Кит Морли, сэр.

— Ну что же, Кит, скажи мистеру Картеру, что я скоро спущусь.

Мальчик слегка поклонился — не более чем велела учтивость, и пошел прочь по коридору. Доктор Ди с минуту задумчиво смотрел ему вслед, потом вернулся в свою комнату. Он проверил по календарю дату. Да, действительно; сегодня 3 октября 1604 года. Как же он мог забыть? Корт Лит собирался два раза в год, и на нем обсуждались все мелкие городские жалобы. Обычно заседание продолжалось весь день. Придется убрать магические инструменты.

В дальнем конце комнаты на стене висел гобелен. Он был его собственным; члены церковной коллегии не одобряли украшения в жилище. Он прикрывал деревянную панель, незаметную среди других панелей. Если на нее достаточно сильно нажать, то за ней открывался тайник, в котором можно спрятаться. За тайником была лестница. Настоятель, привыкший к потайным ходам, обнаружил этот после тщательных поисков. Тайный ход на случай бегства. Этот тайник он уже использовал прежде, когда не хотел, чтобы его беспокоили. Ему с трудом верилось, что о нем до сих пор никто не знал. Но члены коллегии, в отличие от настоятеля, были несведущи в режиссуре и магии, которые в большой степени зависят от простой механики, вроде потайной двери.

Доктор Ди спрятал камень, восковую дощечку и резной столик в тайник за гобеленом.

Сложив свои книги, он уже собирался поставить их обратно на полки, как вдруг остановился. Несомненно, в одном из этих томов имелось толкование вещих снов. Забыв о завтраке, он уселся за письменный стол и начал перелистывать тяжелые страницы.

Он не слишком-то продвинулся, когда в дверь снова постучали. Доктор Ди не ответил, как делал всегда, надеясь, что постучат немного и уйдут. Но тот, кто был за дверью, стучал весьма настойчиво.

Доктор Ди вздохнул, сильно раздосадованный. Однако он овладел собой и открыл дверь. Там стоял этот дурак, заика Мэтью Палмер, один из викариев. Не решаясь встретиться с настоятелем взглядом, он нервно озирался, словно пытаясь заглянуть в комнату.

— Итак? — спокойно произнес настоятель.

— М-мистер К-картер с-сказал, — начал викарий и умолк.

— Да? — сказал настоятель, и викарий совсем растерялся.

— М-м-м, — мучительно заикался он, потом начал снова: — К-к-корт Лит, — наконец удалось ему выговорить.

— Я знаю о Корт Лит, — ответил все тем же тихим голосом, от которого мороз продирает по коже.

Мэтью Паркер, шаркая, отступил к стене. Он с трудом мог заставить себя передать сообщение. Он несколько раз моргнул, но слова не шли у него с языка.

— М-мистер К-картер говорит, что если вы — если вы н-н-не придете, вас оштрафуют — и — и штраф в-в-выч-тут из вашего жалованья.

Ну, вот он и сказал это. Мэтью Палмер тяжело дышал и моргал, как сова.

Доктора Ди раздрали противоречивые чувства. С одной стороны, его бесило, что Картер прислал этого дурака с оскорбительным сообщением, с другой стороны, он не мог позволить себе больше никаких штрафов.

— Передайте мистеру Картеру, — наконец сказал он, — что если он хочет мне угрожать, пусть явится сюда сам.

Мэтью Палмер пришел в совершеннейший ужас.

— О, я н-н-не д-д-думаю, что...

— Это же очевидно, — отрезал настоятель и закрыл дверь.

Наступила долгая пауза, однако звука шагов не последовало. Мэтью Палмер явно не знал, что делать, но в конце концов настоятель услышал, как он удаляется по коридору. Доктор Ди надел свой плащ и шляпу и в ожидании встал у окна. Уже совсем рассвело. Мелкий дождик падал на каменные плитки двора. Из окна он видел розовый камень зданий школы, желтый камень церкви и черно-белые здания, мимо которых пролегал путь к шумной и грязной Лонг Миллгейт.

Сегодня ему придется сидеть и выслушивать все эти утомительные городские дела, все эти мелкие дразги и жалобы на то, что в чей-то огород забрели чужие свиньи или кого-то оскорбили соседи, вылив из окна ночной горшок в улученный момент.

— Свиньи и ночные горшки! — рявкнул он на Оливера Картера, когда они беседовали в последний раз. — Вы тащите меня, ученого из Кембриджа, на это сборище, где я должен разбираться со свиньями и ночными горшками!

Кстати, а где же Оливер Картер?

Доктор Ди порылся в бумагах на своем столе — это были просьбы от горожан, которые умоляли его помочь в их бедах с помощью магии. «Мои овцы заблудились», «Кто-то изранил мой скот», «Я выйду замуж?», «Мои дети выживут?» Каждую неделю он получал дюжины таких посланий. Бедняки обещали ему все свои сбережения, не обескураженные тем, что он им не отвечал. А он не осмеливался открыто заниматься магией. Он не мог зарабатывать деньги, практикуя единственное ремесло, которое знал.

Около года тому назад, до того, как умерла королева Елизавета, у него еще оставалась надежда. Она подобрала для него дом, когда он вернулся из-за границы, обедневший после всех дел с этим варваром Келли. А потом она подыскала для него должность. Конечно, не идеальный вариант, но все-таки лучше, чем работный дом, и ведь это лишь временная мера,

заверила его королева. Он помнил дословно эти слова, сказанные ею, когда видел королеву в последний раз. Она, как обычно, была в роскошном наряде, глаза сверкали на белой маске лица. Но зубы были гнилые, так что она не улыбалась, и ему показалось, когда он склонился над ее рукой, что от королевы пахнет чем-то нездоровым и затхлым. Возможно, это был запах одиночества. Когда он впервые увидел ее и начал обучать, это была молодая девушка с огненно-рыжими волосами и бледной прозрачной кожей. Она походила на пламя в высоком прохладном бокале. С тех пор она приобрела величие, собрав воедино свое разделенное государство и восстановив мир. Но когда он стоял перед королевой в последний раз, то видел, какой ужасной ценой оно далось ей. Она встретилась с ним взглядом и тотчас же отвела глаза.

— Никто из нас не становится моложе, — сказала она. Затем добавила: — Это лишь временная мера.

Потом она умерла, и ее сменил этот шотландец. И при нем снова вспыхнули религиозные распри. И ему был ни к чему маг его предшественницы, который когда-то считался самым ученым человеком в Европе. Он даже не ответил на письма настоятеля. Так что вместе с королевой умерла последняя из его надежд.

Настоятель прижал пальцы к глазам. Нужно снова промыть их, подумал он. Если он утратит зрение, то не сможет читать.

Наконец он услышал неровную поступь Картера, подволакивающего больную ногу, бросил взгляд в сторону потайной двери и, когда шаги приблизились, подумал: а не скрыться ли ему в тайнике?

Но настоятелю не хотелось рисковать: ведь потайную дверь могут запечатать. Он подождал, пока шаги не замерли, и распахнул дверь, не дожидаясь, пока Картер постучит.

— Значит, мы готовы? — осведомился он.

И, не дав ответить Картеру, который стоял, тяжело дыша и злобно косясь на настоятеля, он прошел мимо него по коридору и спустился по лестнице.

А в это время у него в комнате отодвинулся в сторону гобелен. Человек в черном, с бледным овальным лицом, короткой острой бородкой и очень темными глазами с довольным видом оглядел комнату, обшитую панелями. Он сделал шаг вперед, словно опробуя пол, повернулся и посмотрел на окно, затем на дверь. Взглянув на приборы на столе, взял в руки каждый поочередно и понюхал. Полистал страницы дневника доктора Ди и улыбнулся. Приподняв ковер, изучил пентаграмму, которую настоятель рисовал на полу, встал в центре нее и исчез.

3

Доктор Ди наконец-то добрался до своей комнаты. Сначала весь этот вздор в Корт Лит, где шумная толпа вынудила его уйти, потом женщина на улице, умолявшая вылечить ее детей, которые, по ее словам, были одержимы демонами.

— Все так думают о своих детях, — ответил он женщине, но она все не отставала, и в конце концов ее увели констебли.

А потом вечерняя трапеза. Она была именно таким тягостным испытанием, как он и думал, потому что на ней присутствовали радикальные пуритане из Сэлфордской Сотни, которые действовали на нервы, рыдая во время еды. Их предводитель, Роберт Даун, был особенно несносен. Он хотел, чтобы отменили зауспокойные молитвы, чтобы всю службу читали, а не пели, и чтобы в воскресенье запретили есть мясо и пить эль. Он хотел, чтобы проводились службы прямо в открытом поле для тех, кто не желает ходить в церковь, и призывал закрыть таверны на Лонг Миллгейт.

Лицо Оливера Картера темнело до тех пор, пока не стало того же цвета, что вино у него в кубке.

— Это все? — спросил он, и впервые доктор Ди проникся к нему симпатией.

Роберт Даун говорил с уверенностью человека, у которого ни разу в жизни не возникло

и малейшего сомнения в своей правоте. Он не пил вино — только немного воды — и ел хлеб и капусту. Лишь очень молодой человек, думал доктор Ди, забираясь по лестнице к себе в комнату, может демонстрировать такую стойкую уверенность в себе. Лишь тот, кто не жил при правлении шести монархов, у каждого из которых были свои взгляды.

Подойдя к своей двери, он остановился. Там, на дубовом дереве, кто-то нацарапал число «666».

Доктор Ди долго стоял, не отрывая от него взгляда. Наверно, кто-то из мальчишек из школы, предположил он. Правда, с членов церковной коллегии и даже викария тоже станется. Он протянул руку и потрогал число пальцем. Оно было не написано, а вырезано — не смоешь. А если он раздует из этого целое дело, то лишь усилит враждебное отношение к себе, которое с каждым днем становилось все более открытым.

Настоятель отпер дверь, чувствуя, как сильно устал. О Господи, до чего же надоедливы эти идиоты, сказал он себе и, взяв гусиное перо, написал на листке бумаги: «Не беспокоить» и прикрепил его к двери, прикрыв оскорбительные цифры. Потом зажег свечи и приготовился к работе. Но он так устал и расстроился, что утратил вкус к своим занятиям. Глаза у него закрывались, и приходилось прижимать к ним пальцы, так как буквы на странице расплывались, и поверх них появлялась надпись на его двери. 666 — число Зверя.

Вот в чем беда с этими людьми, которые считают себя избранниками Божьими, — от них ужасно устаешь. Все эти дразги и раздоры отняли целый день, а теперь его одолевал сон. А поспать ему нужно, хотя бы часок. Голова стала такой тяжелой, что он уронил ее на кожаную подушечку на письменном столе.

Спустя несколько часов он резко проснулся, в полумраке — свечи почти догорели. Он сразу же ощутил перемену в комнате. Он мало что мог разглядеть в тусклом свете, но почувствовал, что изменилась температура: внезапно стало холодно. Та часть комнаты, которую он мог видеть, была такой же, как до сна. Дрожащими пальцами он зажег свечу у окна. Она медленно разгоралась, маленький язычок пламени завивался на фитиле. Доктор Ди не мог оторвать от него глаз. Он боялся, очень боялся какой-то сверхъестественной тишины в комнате.

Сначала он увидел складки одеяния, неподвижные, словно высеченные из камня, затем пальцы ног, как у классических скульптур. Второй палец был длиннее первого, голый и мускулистый. «Статуя», — подумал он, как в тумане, но тут длинные пальцы ног зашевелились.

Доктор Ди не мог заставить себя поднять глаза. Свеча у него в руках тряслась, и воск капнул на одежду.

— К-кто вы? — с трудом выговорил он.

— Разве ты меня не знаешь, Джон? — спросил голос — несомненно, ангельский.

В нем слышались музыка и трепетанье крыльев. Однако ангел говорил с ним на родном языке доктора Ди, а не на енохианском — языке, который с таким трудом освоил настоятель.

Наконец настоятель заставил себя взглянуть вверх. Его взгляд перемещался все выше, с каменных складок ангельского одеяния — на каменный свиток в гладких каменных руках. Лицо ангела было повернуто в профиль, и доктору Ди были видны каменные завитки волос на высеченной из камня шее.

Настоятель увидел, что ангел гораздо выше его — а ведь он считался высоким человеком. Фигура ангела заполнила всю комнату, и казалось, что комната исчезла и они с ангелом стоят на какой-то темной плоскости, где-то за пределами знакомой вселенной — там, где замерло само время.

Доктор Ди не слышал своего затрудненного дыхания и биения собственного сердца, хотя знал, что оно сильно бьется.

«Это Ангел Смерти», — подумал он, и несмотря на страх почувствовал облегчение от того, что смерть оказалась такой безболезненной. Но уже в следующую минуту его заинтересовало, что написано в свитке и правда ли все то, что ему говорили о Судном дне.

Все это время ангел просто стоял перед ним, казалось, даже ничего не выжидая. Доктор

Ди чувствовал, что его молчание было каким-то насмешливым. Уж если он обречен, то хотелось бы, чтобы ангел хотя бы взглянул на него.

— Значит, ты пришел за мной, — с трудом выговорил доктор Ди.

— Пришел, — подтвердил ангел, но доктору Ди не было видно, шевелятся ли его губы.

Потом ангел поднял большую каменную голову, и оказалось, что у него совершенно пустой взгляд. Когда он повернулся к доктору Ди, тот с трудом подавил желание закрыть глаза.

— Так лучше? — спросил он, и доктору Ди очень захотелось сказать: «Нет», но он лишился дара речи.

Из всего прочитанного ему вспомнилась одна строчка: «Спокойны и ужасны лица ангелов», и вдруг ему захотелось вспомнить имя автора. Но какой ему сейчас прок от всего, что он прочитал за свою жизнь?

Ангел стоял с бесстрастным видом, сложив крылья. Доктор Ди почувствовал облегчение: ведь если крылья вдруг расправятся, они заслонят всю вселенную. Впервые он пожалел о том, что потратил большую часть своей жизни на попытки общения с ангелами. Ведь теперь, когда один из них стоял перед ним, доктору Ди нечего было сказать.

— Тебе нечего сказать? — спросил ангел, как будто прочитав его мысли, и доктор Ди прикрыл глаза.

Куда же делись все его вопросы? А может быть, ангел ждет, что он даст ему отчет в своей жизни, если это Судный день? Но с чего же начать?

— Итак? — сказал ангел, но доктор Ди никак не мог собраться с мыслями.

— П-почему вы здесь? — пролепетал он.

— Уже лучше, — одобрил ангел. — Ну же, открой глаза.

— Я н-не могу, — запинаясь, ответил настоятель, который действительно обнаружил, что не может это сделать.

— Почему не можешь?

— Вы — вас — на вас так ужасно глядеть.

Это было не слишком вежливо, но больше он не был ни на что способен. Послышалось какое-то тихое урчание — неясно было, развеселился ангел или разгневался.

— Открой их.

С большим трудом, словно стараясь очнуться от глубокого сна, доктор Ди открыл глаза. Ангел все еще был здесь. Он наблюдал за доктором Ди пустыми глазами, и тот вдруг почувствовал себя голым, словно обнажилась его душа. Он отпрянул и уже подумывал упасть на пол, но тело не повиновалось ему.

— Тебе не нравится на меня смотреть? — осведомился ангел, и доктор Ди с безнадежным видом покачал головой. Что он мог ответить?

— А так лучше? — спросил ангел, и внезапно налетел сильный вихрь и стал трепать его волосы, крылья и одеяние — и на глазах у изумленного доктора Ди превратился, к его ужасу, в льва, тельца и орла.

Теперь настоятель уже не хотел падать ниц, так как опасался, что сошел с ума. Ветер подхватил его мантию, а пламя опалило лицо. Но он не в силах был что-либо сделать и только смотрел, как в конце концов из этого призрачного зверинца возникает человеческое лицо. Вихрь и пламя исчезли, и комната вернулась на место, и в ней теперь находился человек. Это был моложавый мужчина в темном одеянии, с маленькой остроконечной бородкой, начинавший лысеть, — правда, длинные прямые волосы прикрывали то место, где должны быть уши. Но что больше всего порадовало доктора Ди — у него были человеческие глаза, большие, с тяжелыми веками. Правда, отражалась в них лишь бездонная темнота.

Доктор Ди пристально смотрел на фигуру, стоявшую по другую сторону его стола, и размышлял о том, действительно ли он сошел с ума. Он поднял дрожащий палец.

— К-келли? — в конце концов выговорил он.

Обойдя вокруг стола, фигура направилась к нему. Она подходила все ближе и ближе, пока взгляд доктора Ди не утонул в глубинах его глаз, которые были темными и

непроницаемыми, как камень обсидиан.

— Наконец-то узнал, — сказал человек.

4

— Давненько мы не виделись, Джон, — заметил ангел. — Тебе нечего сказать старому приятелю?

К доктору Ди медленно возвращалась способность шевелить губами.

— К-кто ты?

Ангел рассмеялся. Доктор Ди увидел остатки почерневших зубов. Физическое присутствие его старого партнера было таким реальным, что на него нахлынули воспоминания, и очень немногие из них были приятными. Эдвард Келли был подлецом, каких мало, но при этом умел как никто видеть в магическом кристалле. Он умер много лет тому назад смертью негодяя, где-то в Европе. Но сейчас он был здесь, вполне реальный, и до него можно было дотронуться. Доктор Ди даже ощущал запах, исходивший от него. Он поднял палец, и фигура слегка отодвинулась.

— Не дотрагивайся, Джон.

Доктор Ди прижал пальцы к своему лбу, покрытому испариной.

— Я — что ты здесь делаешь? Что тебе от меня нужно?

Ангел издал смешок.

— По одному вопросу за один раз, Джон.

Доктор Ди посмотрел прямо в обсидиановые глаза.

— Откуда — откуда ты явился?

Глаза сверкнули.

— А как ты думаешь — откуда?

Доктор Ди прикрыл глаза.

— Не проделывай со мной твои фокусы.

— Вот так-то лучше, Джон. Узнаю твой характер.

Доктор Ди открыл глаза. Ангел, или Келли, все еще был в его комнате. Если это галлюцинация, то самая сильная из всех, что у него бывали.

— Отвечай мне, — потребовал он.

— Все в свое время, Джон, все в свое время.

Призрак уселся на краешек стола доктора Ди и принялся в точности, как когда-то Келли, — это всегда раздражало доктора Ди. Прямые волосы скрывали отсутствие ушей. Он вспомнил, что их отрезали Келли за подлог.

— Неплохая комната, — одобрил призрак, окидывая взглядом кабинет доктора Ди.

— Ты прошел весь этот путь, чтобы поговорить о моей комнате?

Призрак взглянул на него.

— Я пришел, Джон, чтобы сказать, что все это правда.

Сердце доктора Ди затрепетало. Он облизнул губы, но во рту у него пересохло.

— Правда? — повторил он шепотом.

— Все правда, Джон. Все, ради чего мы работали.

— Ты имеешь в виду...

— Я имею в виду все это — жизнь после смерти, вечность, бессмертие — в общем, все.

Сотни вопросов возникли в голове доктора Ди. Он пытался сосредоточиться.

— Небеса? — сказал он наконец. — И — ад?

Дух отмахнулся от этих вопросов.

— Старые представления, Джон, старые идеи.

Поднявшись со стола, он прошелся по комнате, рассматривая гобелен и портрет леди Маргариты Бофор на стене.

— Что ты хочешь этим сказать — «старые представления»? — слабым голосом произнес доктор Ди.

У него было такое чувство, будто вся вселенная внезапно сделала кульбит. Дух постучал по своему лбу.

— Все это здесь, Джон. Ты не должен ограничивать свое мышление. Ограниченное мышление — вот в чем беда современного мира.

— Послушай, — сказал доктор Ди, снова вытирая пальцами лоб. — В чем дело? Чего ты от меня хочешь?

— А разве дело не в том, чего ты хочешь от меня? — возразил призрак, внезапно снова оказавшийся совсем рядом. — Помнишь старые времена, Джон?

— Нет, — ответил доктор Ди, хотя помнил, и даже слишком отчетливо.

— Ты помнишь королеву, Джон? — продолжал дух, хотя доктор Ди ничего ему не ответил на предыдущий вопрос.

Образ королевы Елизаветы возник перед мысленным взором доктора Ди. Он очень ясно увидел ее юной девушкой — трепетной, но с характером, жаждущей знаний; а затем — такой, какой она была в конце жизни, с постаревшим лицом, отмеченным печатью одиночества, но по-прежнему с огромным уважением к его учености.

— Она называла тебя своим чародеем, своим собственным Магом. Да, хорошие были денечки, Джон. Ты бы мог иметь все — красивых женщин, богатство...

Доктор Ди собрался наконец с мыслями.

— Это были твои желания, а не мои.

— Как будто я этого не знаю, — произнес Дух с легким раздражением. — Тебе не нужно ничего из того, что мог бы пожелать нормальный человек, Джон. Но я знаю, чего хотел ты.

Темные, темные глаза теперь буравили его.

— Знание, Джон — оно было для тебя всем. Знание, которое вознесет человека над ангелами. И ты все еще этого хочешь.

Доктор Ди ощутил такую острую тоску и желание, что ему показалось, будто у него сейчас подкосятся ноги. Ухватившись за свое кресло, он опустился в него.

— Да, Джон, — прошептал призрак. — Нам постоянно твердят, что мы не можем приобрести это знание — ведь по этой причине человек был изгнан из рая. Ты отдал свою жизнь за него, и посмотри, куда это тебя привело.

Настоятель пробормотал что-то нечленораздельное, но Дух не обратил внимания и продолжал:

— Комната, которая не принадлежит тебе, в городе, где ты не хочешь жить, и горожане, не приветствующие твоего присутствия, не так ли?

Настоятель медленно покачал головой.

— А все потому, Джон, что ты цеплялся за правила, вот и все. Ты стареешь, Джон, и что же будет дальше? Что случится, когда к власти придут эти проклятые пуритане, а?

И доктор Ди увидел так ясно, словно это происходило на самом деле, себя в образе старого изгоя — нищий, у которого нет даже комнаты, где бы он мог жить и хранить свое драгоценное имущество. Он и так уже был беден, ему и так уже пришлось продать кое-какие из своих бесценных книг.

— Я говорю о Надежде, Джон, — мягко произнес дух, и сердце доктора Ди забилось гулко, как молот, но он ничего не сказал.

— Вот одна из сторон старости, Джон, — беспечно сказал Дух. — Старость означает, что тебе больше нечего терять.

Настоятель прижал руки к вискам.

— Не искушай меня, Дух, — ответил он. — Ты говоришь о правилах — сколько правил я должен нарушить по твоему желанию? Ты нарушил их все — а я не хочу уподобиться тебе — не могу.

Судя по всему, эти слова очень развеселили Духа.

— Все такой же зануда, — сказал он. — Ну что же, быть может, тебе это не дано.

Настоятель ничего не сказал в ответ, и призрак продолжил:

— О, с тобой все было в порядке, когда дело доходило до книг — о да! Это-то ты умел: сунуть нос в книгу и надеяться, что весь мир оставит тебя в покое. Но когда начали происходить реальные события, тебе это не понравилось, не так ли? Вещи стали слишком реальными на твой вкус, о да!

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, — сказал настоятель, но Дух проигнорировал его слова.

— И сейчас ты точно такой же, как всегда: остановился на пороге чего-то, слишком грандиозного для тебя. Ты бы мог протянуть руку и схватить — но ты не хочешь замочить пальцы ног в воде, ведь так?

Как ни смешно, доктору Ди захотелось сказать Духу, чтобы он не путался в метафорах.

— Называй себя магом, — продолжил Дух, закатывая свои обсидиановые глаза. — Великий доктор Ди, которого чествовали при дворе королей и королев по всему миру — ты же всего-навсего книжный червь, ярмарочный фокусник...

— Довольно! — отрезал доктор Ди. — Я не знаю, откуда ты явился и зачем ты здесь, но тебе пора. Убейся!

Дух снова засмеялся неприятным смехом.

— Ты забываешь об одном, Джон, — сказал он. — Ты не вызывал меня сюда, не правда ли? И ты не можешь заставить меня уйти.

Доктор Ди смотрел на Духа, и лицо его выражало полную растерянность. Дух обвел взглядом комнату.

— Может быть, я и уйду, — проговорил он, словно обращаясь к самому себе. — Здесь скучновато. Но я еще не закончил, Джон. Отнюдь. — И он обратил на доктора Ди взгляд своих светящихся глаз. — Я вернусь, Джон, чтобы еще немного поболтать, когда ты меньше всего будешь этого ждать. Но не сейчас... — Неожиданно Дух оказался рядом с доктором Ди, хотя тот не заметил, чтобы он передвигался. — Я уйду — до свидания!

И Дух взял лицо доктора Ди в свои руки и, прежде чем тот вскрикнул от этого ледящего и одновременно обжигающего прикосновения, запечатлел долгий поцелуй у него на устах.

Все вокруг погрузилось в такую абсолютную темноту, как будто свет никогда не существовал. Доктор Ди, утративший сразу все чувства, боролся изо всех сил, как утопающий борется за то, чтобы вынырнуть на поверхность. А когда наконец он снова увидел свою комнату, письменный стол и окно, Дух уже исчез.

Доктор Ди сидел в кресле, не в силах ни шевелиться, ни мыслить. Он был весь в холодном поту. Наконец ему удалось дотянуться до платка и вытереть лицо и шею, а также расстегнуть воротник. Он снова услышал свое хриплое, прерывистое дыхание. «Это все еда, — сказал он себе, — и вино». Но за всеми этими беспорядочными мыслями стояло воспоминание о сне.

«Сын Тьмы приходит», — подумал он.

5

Когда призрак явился снова, доктор Ди даже не удивился, хотя был сильно потрясен, проснувшись посреди ночи и увидев его на краю своей кровати.

— Откуда ты пришел? — спросил доктор Ди, закутываясь в простыню.

Дух улыбнулся.

— Ты уже спрашивал меня об этом раньше, Джон, — сказал он.

— И ты не ответил.

Дух закатил свои черные глаза.

— Разве не достаточно, что я явился в ответ на твои самые неистовые сны?

Доктор Ди встал и потянулся за своей одеждой. Защитный магический круг ему не помог. Все свечи горели, но он предпочитал не спрашивать, как Духу это удалось.

— Когда же ты давал что-нибудь просто так, ни за что? — осведомился он.

Призрак поднял руки, и стали видны его ладони — гладкие, без всяких линий.

— Ну, ну, Джон, разве это справедливо? Я проделываю весь этот путь, чтобы тебя увидеть, и все, что тебе приходит в голову, — это что мне что-то нужно. Я месяцами работал ради тебя, Джон, без всякой платы. Месяцами, — повторил он раздраженно. — Вся эта возня с магическим кристаллом, вся эта алхимия — и в основном впустую. С таким же успехом мы могли бы искать золото в сточных канавах. Но разве же я жаловался? Никогда! Этот человек — джентльмен, Нед, говорил я себе. Он настоящий. В конце концов он тебя обогатит.

У доктора Ди от страха мурашки побежали по спине. Он не знал, что это такое, ангел или привидение, и как оно сюда попало, когда единственные заклинания, которые он использовал, соответствовали Семи Сферам небес. Он тщательно избегал употреблять слова или символы, имеющие отношение к темным силам; и тем не менее вот оно перед ним, это существо, излучающее зло — или так ему кажется. И оно определенно чего-то от него хочет. Настоятель с трудом решился задать вопрос. Он облизнул губы.

— Чего ты хочешь?

— Вот так-то лучше, Джон. Не совсем друзья, но и не враги. Всего-то и нужно: «Как поживаешь?» — «Чудесно, а как ты?» Никогда не пренебрегай светской болтовней, Джон — она заставляет мир вертеться.

Доктору Ди хотелось сказать Духу, чтобы он переходил к делу или убирался, но молча ждал, наблюдая, как тот закинул руки за голову и оперся о них затылком, очевидно, прислонившись к пустому пространству. Однако когда Дух начал что-то мурлыкать себе под нос, он не выдержал:

— Итак?

Дух перестал напевать.

— Что «итак»?

— Чего ты хочешь?

Дух посмотрел на него.

— Я хочу того же, что и ты, Джон, — мягко произнес он.

Доктор Ди повернулся к своему письменному столу и весьма энергично начал шуршать бумагами, складывая их.

— Я хочу, чтобы ты ушел! — заявил он.

Дух рассмеялся.

— А вот это уже не совсем правда, Джон, не так ли? По крайней мере, не вся правда. Ты не должен вот так обманывать своего старого друга.

Доктор Ди отложил бумаги. Он закрыл глаза. Это была одна из тех минут, когда он особенно остро ощущал свой возраст. Он словно издали услышал собственный голос:

— Чем я могу тебе помочь?

— Гораздо лучше, Джон, гораздо. Дело пошло на лад. — Доктор Ди ничего не ответил, и Дух продолжил: — Мне нужно то же, что и тебе, Джон — жизнь.

Не открывая глаза, доктор Ди рассмеялся резким, безрадостным смехом.

— Жизнь? — переспросил он. — Жизнь? Но для чего же — ведь ты уже мертв.

И вдруг призрак очутился совсем рядом. Доктор Ди чувствовал его леденящее присутствие — у него онемели плечо и лицо. Он так и не открыл глаза, и ему больше не хотелось смеяться.

— Очень хорошо, Джон, — прошептал Дух, — *очень хорошо*.

Доктору Ди пришла в голову столь ужасная мысль, что он не смог сформулировать ее до конца.

— Ты говоришь загадками, — заметил он, отворачиваясь от призрака.

— Тогда я выскажусь яснее, ладно? Помнишь ту работу, которой мы занимались в Праге?

— Ты имеешь в виду некромантию, — ответил доктор Ди. — Но это же игра для дураков.

— Золото для дураков, — быстро вставил призрак. — Вот единственное, зачем гонятся

алхимики. Но какова истинная цель алхимии?

Доктору Ди был известен ответ на этот вопрос.

— Философский камень, — произнес он устало. — Секрет вечной жизни.

— Вот именно, мой старый друг, — согласился Дух и снова оказался лицом к лицу с доктором Ди. — Конечная цель всей нашей тяжелой работы и напряженных усилий. Вечная жизнь.

Сердце доктора Ди начало неровно биться.

— Ты имеешь в виду — ты знаешь — как?

— Знаю.

Доктор Ди снова отвернулся. Его пальцы теребили ткань одежды. Он пытался собраться с мыслями.

— Что? — спросил он. — Как?

— Ну, конечно, не с помощью всей этой ерунды, которой ты занимался, — ответил Дух. — Вся эта фильтрация и дистилляция — сущий вздор. Что это тебе дало, кроме головной боли и отравления ртутью? Нет, мой способ несколько более прямой.

Доктора Ди мороз подрал по коже.

— Прямой — это как? — спросил тихо.

— Ну, знаешь, старина — это как сказано в Библии, — ответил призрак, изучая книги на полке. — Око за око, и все такое. Жизнь за жизнь.

Доктор Ди резко повернулся и поднял дрожащий палец.

— Отыди, Сатана!

Дух не двинулся с места.

— Давай-ка не переходить на личности, Джон, — укорил он доктора Ди, подняв руки. — Не горячись. А то можно подумать, будто мне нужна твоя жизнь.

Доктор Ди изменился в лице.

— Ты же так и подумал, не так ли? — продолжил призрак. — Да ну тебя совсем, Джон! Что я буду делать с твоей жизнью? Я имею в виду — сколько тебе лет? Тебе же скоро будет восемьдесят! Твой час не за горами. Я пока в своем уме.

Рот доктора Ди судорожно скривился.

— Ты приходишь сюда, чтобы мучить меня, — сказал он, — напоминать обо всех тех вещах, которых у меня нет...

— Я пришел сюда, — перебил его Дух, — чтобы предложить нам обоим золотую возможность. Это то, Джон, чего безуспешно пытаются добиться все алхимики и маги всего мира. То самое, на поиски чего ты потратил всю свою жизнь. Решение.

Доктор Ди тяжело опустился в кресло. Он чувствовал себя слабым и измученным. Во рту появился знакомый вкус пепла.

— Конечно, не исключено, что я ошибся, — продолжал Дух. — Возможно, несмотря на все напыщенные разговоры и представления, единственное, чего ты действительно хотел, — это твои книги. Жизнь, потраченная на их изучение, — и долгая тьма. Это так, Джон? Это то, чего ты действительно хочешь?

Доктор Ди не ответил. Дух вздохнул. Потом снял что-то с книжных полок.

— Вот, взгляни, — сказал он. — Эту книгу ты еще не читал.

Он положил том на стол перед доктором Ди. Это была странная книга. Переплет, по-видимому, был вырезан из дерева, а на обложке начертаны буквы, которые доктор Ди не узнавал. Но под его взглядом буквы замерцали и превратились в слова, которые он разобрал.

«Книга необыкновенного знания», а внизу: «Книга знания жизни и смерти».

Доктор Ди пристально смотрел на нее.

— Это не моя, — сказал он.

— Только не говори мне, что ты знаешь все книги на своих полках, — возразил Дух. — Даже ты не смог бы прочесть их все. А если и прочел, значит, ты вел еще более печальную жизнь, нежели я думал.

Он провел пальцем по надписи на обложке, и буквы начали тлеть.

— Это особая книга, Джон, — сказал Дух, — вырезанная из того самого дерева в саду Эдема. Не из того дерева, о котором мы так много слышали, — дерева познания добра и зла, — а из другого. Бог и его ангелы очень волновались, как бы человек ничего о нем не узнал. Жизнь и Смерть, Джон, Жизнь и Смерть. Ну давай же — открой ее.

Но не успел доктор Ди дотронуться до книги, как она раскрылась сама, и на первой странице тлеющие буквы перестроились. «О некромантии», — гласили они, и взгляд доктора Ди неохотно, но жадно следовал за ними по странице.

— Я неправильно понял, Джон? — выдохнул Дух ему в ухо.

— Нет, — прошептал доктор Ди. Потом оторвался от книги. — Не искушай меня. Забери ее! — Он закрыл глаза руками.

— О, Джон, — с упреком произнес Дух. — Не говори мне, что ты точно такой же, как все остальные жалкие чародеи, у которых нет ключа к настоящей игре. Не говори мне это! Тогда ты можешь с таким же успехом показывать фокусы с картами на ярмарке. Это настоящая вещь, Джон. Настоящая Вещь. На этих страницах есть все — все, что тебе когда-либо хотелось узнать. Не отворачивайся от этой книги — прочти ее! Тут содержится знание об ангелах и о том, как их зависть держала человека в том положении, в котором он находится, — прикованным к смертной оболочке. Но ты можешь разорвать эти цепи, Джон — ты можешь освободиться!

В голове у доктора Ди как будто бы зазвучали громкие голоса.

— Нет, — вымолвил он наконец. — Нет, нет, нет, нет, нет! Ты не можешь вот так приходить сюда! — сказал он, подняв лицо к Духу. — Когда тебя не ищут — не вызывают! Что дало тебе такую власть? Ты меня не проведешь. — При этих словах он поднялся, голос его зазвучал громче. — Ты меня слышишь? Меня — не — проведешь!

Ему показалось, что в пустых глазах Духа вспыхнула ответная ярость, но огонек тотчас же исчез.

— Ну что же, тебе решать, Джон, — мягко сказал он. — Мне бы не хотелось втягивать тебя в это против твоей воли. Вот что я тебе скажу, — продолжил он, не дав доктору Ди вставить слово. — Я на время оставлю тебе эту книгу, ладно? Ты же не можешь упустить шанс просто прочесть ее. Ведь от этого вреда не будет, не так ли? Если ты откажешься от всего, что я предлагаю, Джон, — а я искренне надеюсь, что этого не произойдет, — ты, по крайней мере, должен знать, от чего отказываешься. Ну, вот и все, что я могу сказать.

Настоятель ничего не ответил. Прикрыв глаза, он прислушивался к своему дыханию.

— Ну что же, — сказал Дух, и впервые голос его звучал не так уверенно, — тогда я ухожу. Но скоро я вернусь, просто чтобы посмотреть, как у тебя дела. До скорого, Джон.

Доктор Ди оставался в своем кресле, но даже с закрытыми глазами он почувствовал, что энергетика в комнате изменилась. Когда он наконец открыл глаза, все в комнате выглядело, как обычно: гобелен висел на стене, скрывая потайную дверь, бумаги сложены на письменном столе, красная ткань покрывала камень обсидиан.

А перед ним лежала книга.

6

Спустя несколько часов настоятель сидел в своем кабинете, перечитывая то, что когда-то написал в своем дневнике.

«Все время пребывать в готовности покинуть этот мир, чтобы дух мой мог насладиться бездонным фонтаном всей мудрости...»

— Это было давно, Джон, — услышал он голос Духа. — Когда ты сам не был так близко к могиле. Говорить слова легко — а вот заглядывать в яму будет труднее.

И изображение его собственной могилы предстало перед настоятелем. Ему показалось, что он вот-вот туда упадет, и у него закружилась голова.

— Помогает увидеть вещи в истинном свете, не так ли? — прошептал голос.

Настоятель встал, но призрака нигде не было видно. Он слышал, как в ушах стучит

кровь.

— Как же это так? — спросил он. — Ты, который бессмертен, жаждешь стать смертным?

Молчание.

— Отвечай мне! — закричал настоятель. — Ты теперь Дух — так зачем же тебе плоть?

Ему показалось, что он уловил слабый вздох, но он по-прежнему ничего не видел.

— Каково это — быть мертвым? — спросил он другим тоном.

— Тебе бы хотелось узнать? — осведомился голос.

— Где ты? — воскликнул настоятель.

— В аду, Джон, где же мне еще быть?

Сердце у настоятеля заколотилось и, казалось, замерло.

— Если — если ты в аду, — выговорил он с трудом, — как же я могу видеть и слышать тебя в этой комнате? — Обернувшись, он увидел дух Эдварда Келли, который сидел в его кресле, положив ноги на письменный стол.

— Но это же ад, — ответил призрак, озираясь.

Как раз в эту минуту кто-то постучал в потайную дверь. Дух исчез, а доктор Ди в тревоге огляделся. Выругавшись себе под нос, он взял себя в руки.

— Кто там? — спросил он, хотя кроме него только один человек знал о потайной двери.

— Кит, сэр, — ответили ему. — Вы сказали, чтобы я пришел на урок.

Настоятель в замешательстве смотрел на гобелен. Разве уже пора давать урок? Он потерял чувство времени и забросил свои занятия. Он искал в своих старых бумагах ключ, который подсказал бы ему, какой сделать выбор. Сейчас он быстро сложил их вместе и поискал особую книгу, которую дал ему Келли, но, не найдя ее, откинул гобелен, водворил на место коврик, чтобы спрятать пентаграмму, и открыл потайную дверь.

Настороженно озираясь, Кит вошел в комнату.

— Все в порядке? — спросил он. — Вам — вам нехорошо?

Доктор Ди задумался. На последнем уроке они добились некоторых успехов в астрономии, но не в енохианском языке, которым мальчик, по-видимому, занимался с неохотой. Может быть, им нужно продолжить заниматься оптикой, но на этот раз без телескопа?

— Сэр? — спросил Кит.

Одновременно с ним заговорил и настоятель.

— Сегодня мы будем смотреть в зеркала. — И он достал их из тайника, поставив самое высокое перед Китом.

— А теперь, мальчик, — выдохнул он, — посмотрим, что ты там увидишь.

— Я вижу себя, — скучным голосом ответил Кит.

— Продолжай смотреть, — приказал настоятель. — Постарайся, чтобы твой разум прояснился, а глаза расслабились. Пусть зеркало откроет тебе свои секреты.

Кит сердито взглянул на него, отведя волосы от лица.

— Я ничего не вижу, — сказал он.

Настоятель встал у Кита за спиной, положив руки ему на плечи.

— Хорошенько взглядишь в зеркало, — сказал он и остановился.

Голос у него замер. Потому что он увидел за спиной у Кита не себя, а Келли. Он стоял точно так же, как настоятель, положив руки на плечи мальчику, отражавшемуся в зеркале.

Доктор Ди попытался заговорить, но в горле у него что-то заклокотало.

— Мило, — сказал призрак, сжимая плечи Кита. — Красивый мальчик. Упругое, розовое тело. — И зеркало отразило, как он ущипнул Кита за щеку.

Кит потер лицо.

— Я по-прежнему ничего не могу увидеть, — признался он, но доктор Ди не смог ему ответить.

— Ах, молодость! — вздохнул Дух. — Блестящие глаза, большие надежды, пустые

мечты — и вся эта энергия! И все это впустую растрачивается на молодых — впустую! — В зеркале он провел по рукам Кита и сжал его пальцы, затем помахал его руками в воздухе. Отражение Кита мирилось со всем этим, как безжизненная марионетка. Реальный же Кит поднял руки и тут же уронил.

— Я не знаю, чего ищу, — заявил он.

— Это же можно сказать об очень многих людях, — заметил Келли.

Наконец настоятель обрел дар речи.

— Ты ничего не можешь увидеть в зеркале? — дрожащим голосом спросил он.

Кит пожал плечами, когда Келли стиснул их у его отражения в зеркале.

— Совсем ничего, — ответил он.

— Посмотри, как он дышит, — сказал Дух чуть ли не с благоговением. — Вдох и выдох, — мечтательно произнес он, словно в трансе. — Вдох и выдох.

— Убирайся, — выговорил настоятель сдавленным голосом.

— Простите? — пролепетал Кит.

— Подумай об этом, — продолжал Дух. — Каково бы это было — обладать всей этой юношеской энергией сейчас, в твою пору жизни? Мудрость, молодость и красота — как тебе такое сочетание? Чего бы мы только ни совершили вместе! Чего бы только ни добились! Умудренный ум, отточенный годами занятий, обширные познания, прекрасное зрение и острый слух...

Произнося эти слова, призрак провел руками по лицу и волосам Кита. Тот потряс головой, словно пытаясь что-то стряхнуть.

— Мы уже закончили? — спросил он.

— Еще нет, — ответил Дух и добавил: — В этом мальчике есть что-то необычное.

— Я сказал: уходи, — приказал настоятель хриплым голосом.

Кит отступил, попятился, настороженно глядя на настоятеля.

— Ты не хочешь узнать, что это такое? — осведомился Дух.

— Что такое? — воскликнул Кит, потому что настоятель побелел как полотно.

— Я могу это для тебя выяснить, если хочешь, — предложил Дух и шагнул из зеркала в комнату.

Настоятель сразу же схватил со стола пузырек со святой водой, открыл его и выплеснул на дух Эдварда Келли. Лицо Духа исказилось, и он метнулся обратно в зеркало. Вода растеклась по поверхности.

— Что такое? — воскликнул Кит. — Вы — вы что-то увидели?

Настоятель опустил в кресло, сильно дрожа.

— С вами все в порядке? — спросил Кит приглушенным голосом.

Настоятель прикрыл лицо руками.

— Ничего, — вымолвил он наконец. — Тебе лучше уйти.

— Уходи, — повторил он, а когда Кит не двинулся с места, сердито закричал: — Я же сказал: УХОДИ!

7

Роберт Ли, регент, занимался с хором псалмами.

— Нет, нет, нет! — сказал он, постучав по кафедре. — Ми бемоль, потом до. Начните сначала.

Настоятель сидел в церкви, незаметный в тени. Ему захотелось уйти из своей комнаты, спокойно посидеть и подумать. А еще он надеялся, что этот демон, или кем он там был, не сможет атаковать его здесь. Дьявольская книга все еще лежала закрытой на его письменном столе. Он не мог себя заставить прочесть ее.

— Дышите, помня о диафрагме! — закричал Роберт Ли.

«*Spiritus*», — подумал настоятель. По латыни «дух» и «дыхание» звучат одинаково. Но как же может нечто столь материальное, как дух Келли, состоять из воздуха? Он вздрогнул,

вспомнив, в какой восторг пришел Дух от дыхания Кита. Зачем же духу, состоящему из воздуха, человеческое дыхание? Эту загадку он не мог решить.

— Гласные, пожалуйста — помните о гласных, — посетовал регент.

Он угрюмо посмотрел на хористов, когда все они закончили в разное время.

— Ваше пение похоже на рев ослов, — сказал он. — Что на вас нашло?

Настоятель понимал причину: мальчики знали, что, быть может, им не придется больше петь. Если пуритане одержат победу, не будет никакого хора. Его роль в церковной службе становилась все менее заметной, и молитвы все больше читались, а не пелись. А сейчас ребята еще и устали после долгих занятий в школе, и никто бы из них не возражал против того, чтобы вообще никогда больше не петь.

А вот он возражал. И Роберт Ли, маленький аккуратный человечек, тоже возражал. Они оба тосковали по прежним временам, когда всю службу пели на латыни и исполнялись виртуозные соло, вдохновлявшие душу.

— Чарльз! — рявкнул Роберт Ли, и его брат открыл глаза. — Ты бы мог хотя бы храпеть в такт!

Двое хористов хихикнули, а Чарльз лишь пожал плечами в ответ.

— «*Agnus Dei*», — сказал Роберт Ли. — Кит будет вести.

Настоятель наблюдал со своей скамьи за Китом. У мальчика был необычный голос, тихий и чистый, отличавшийся от обычных резких дискантов. «О агнец Божий», — запел он, и остальные неуклюже вступили.

Откинувшись на спинку скамьи, настоятель задумался о ритуале экзорцизма. Можно ли совершить его одному? Где-то в его книгах, конечно, описан ритуал изгнания бесов, который избавит его от демона Келли.

— Ис-ку-па-ет гре-хи ми-ра, — читал регент, отбивая ритм. — Помните о гласных и не делайте вдох после «искупает»!

Кит снова запел.

Доктор Ди услышал, как тихонько отворилась дверь церкви. Он обернулся, но с того места, где он сидел, не было ничего видно.

— Бездельники! — отрезал регент, когда хор закончил.

Казалось, сейчас он заставит их спеть все с самого начала, но потом передумал.

— На сегодня хватит, — сказал он и махнул рукой. — Ступайте.

Мальчишки чуть ли не бегом кинулись из церкви. Регент тяжело оперся на кафедру, а доктор Ди прикрыл глаза и соединил кончики пальцев. После последнего визита Келли он чувствовал такое нервное истощение, что ему было трудно сосредоточиться. Но он точно где-то читал о ритуале, который может сработать.

Когда он снова открыл глаза, перед регентом стояла какая-то женщина с большим мальчиком, одетая, казалось, в какие-то яркие тряпки. Она ничего не говорила и стояла в нерешительности, пока регент не поднял глаза.

— Итак? — произнес регент.

Женщина заговорила тихим голосом, с каким-то странным акцентом.

— С вашего позволения, сэр, — сказала она. — Я привела своего сына, чтобы он спел для вас.

Регент приподнял брови.

— Спеть для меня? — переспросил он. — Зачем?

Женщина не дала прямого ответа. Она нервно озиралась. Сын неотрывно смотрел вверх, на потолок, с открытым ртом. «Дурачок», — подумал настоятель.

— Вы послушаете, как он поет? — спросила женщина.

— Это не театр, миссис, — объяснил регент, захлопывая псалтирь.

Он сошел с кафедры. У женщины был такой вид, словно она не знала, что сказать.

— Вы только послушайте, как он поет, — умоляла она тихим голосом, но регент отвернулся.

— На сегодня занятия с хором закончены, — отрезал он.

Доктор Ди снял шляпу.

— Пусть мальчик споет, — вмешался он, и регент и женщина оба с недоумением оглянулись.

Они не знали, что он здесь. Регент с недовольным видом взглянул на настоятеля.

— Мы здесь не прослушиваем, — возразил он.

— Ведь вы регент, не так ли? — спросил настоятель. Роберт Ли проигнорировал вопрос.

— Я не знаю, зачем вы здесь, миссис, — обратился он к женщине. — Не знаю, что вы слышали, но в хоре нет вакансий, и мы больше никого не прослушиваем.

— Вы думаете, что достигли совершенства? — спросил настоятель и поднялся со скамьи. — Я только что слышал самое скверное пение в своей жизни. Может быть, вам следует начать все с начала с новыми хористами.

Он подумал, что сейчас регент посоветует ему заниматься своими собственными делами. Но у доктора Ди в качестве настоятеля еще была в руках власть. Он мог, если вздумается, уволить в школе кого угодно. Роберт Ли открыл и снова закрыл рот. Он вздохнул.

— Что будет петь мальчик? — спросил он.

Мальчик притоптывал, словно музыка уже заиграла.

— Саймон, — одернула его мать. — Он споет «*Agnus Dei*».

Регент перевел взгляд с Саймона на его мать, затем на регента. Пожав плечами, тот направился к органу. Это был новый орган, который заказал настоятель, бросая вызов новым правилам. Но не успел он взять ноту, как мальчик запел:

Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темно-красный шиповник.

Регент обменялся взглядом с настоятелем, а мальчик продолжал петь:

Кусты разрослись и ветвями сплелись...

«Какой у него удивительный голос, тихий и чистый», — подумал настоятель.

— Саймон, — умоляла мать, и в голосе ее слышалось отчаяние.

Она дотронулась до лица мальчика, чтобы заставить его взглянуть на нее, но тут настоятель поднял руку.

— Довольно, — сказал он.

Регент даже не начинал играть. Он сидел за органом, прерывисто дыша. Потом встал и зашел в неф.

— Где он научился так петь? — осведомился он.

Мать мальчика покачала головой:

— Он не учился.

Регент был поражен.

— Но — как же он следует за музыкой?

— Он всегда умеет следовать за ней.

— Погодите минутку, — сказал регент.

Он вернулся к органу, нажал на педаль и сыграл ноту.

— Спой ее, — велел он мальчику, и тот в точности воспроизвел резкий звук органа.

— Саймон! — сказала мать и пропела ему эту ноту, и тогда он ей спел.

Регент начал наигрывать сначала простенькие фразы, затем более сложные, и каждый раз мальчик их повторял, и ноты, которые он брал, попадали точно, как стрелы, в ноты, сыгранные Робертом Ли. Звуки забирались все выше и выше, и когда прозвучала заключительная, задрожавшая нота, она, казалось, осветила всю церковь. Это было поразительно. Настоятель только раз в жизни слышал нечто подобное — когда в большом

соборе Рима пел кастрат. Регент перестал играть и откинулся на спинку стула, лицо его выражало томление. Мать мальчика стояла, прижав руку ко рту, и слезы выступили у нее на глазах. Никто не произнес ни звука.

— Ну что же, я думаю, мы определили, что мальчик умеет петь, — констатировал настоятель.

Никто ему не ответил. Регент отошел от органа и смотрел на мальчика, который все еще шевелил пальцами, словно играл на невидимой свирели. Да, мальчик, несомненно, дурачок. А его мать — потаскушка. Но какой дар! Настоятель не впервые подивился таинственным путям Господним. Покачивая головой, он обратился к женщине:

— Может быть, вам бы лучше представить его директору.

Мать мальчика, все еще не отнимавшая руку ото рта, кивнула; глаза ее были влажными от непролившихся слез.

— Погодите-ка минутку, — вмешался регент. — То, что мальчик умеет петь, не означает, что его смогут принять в школу.

— А почему бы и нет? — возразил настоятель, хотя он не хуже регента знал, что директора школы не интересует музыка.

Регент слегка запинаясь, подыскивая слова.

— Это бесплатная школа, не так ли? — сказал настоятель.

— Да, но...

— Ну и все. Ступайте за директором.

Роберт Ли открыл было рот, чтобы возразить, но потом передумал и поспешил из церкви. Настоятель смотрел на женщину с сыном. Мать поймала мальчика за руки и усадила рядом с собой. Они смотрели друг на друга, словно безмолвно беседуя. «Интересно, что подсказало ей привести сюда мальчика?» — подумал настоятель. Он откашлялся.

— Вы служите в одном из трактиров на Лонг Миллгейт, не так ли?

Женщина кивнула, не глядя на него.

— Там вы и живете?

— Да, сэр, — ответила женщина. — Но трактир закрыли пуритане.

Настоятелю показалось, что он понял. У этой женщины нет больше средств, чтобы содержать сына. Он слышал о том, что закрыли этот трактир, — еще один незаконный поступок этого пуританского проповедника, который так яростно возражает против музыки в церкви. Настоятель слегка скривил губы. Он сам был пламенным приверженцем музыки. Музыка — та точка, в которой пересекаются сферы Небес и земли, единственное из всего созданного человеком, что благодаря своей математической точности и красоте возвышает его до Небес. Но настоятель понимал, что, порекомендовав этого мальчика в школу, он спровоцирует и членов церковной коллегии, и пуритан. Он наклонился к женщине.

— Сколько лет вашему сыну, миссис?

— Почти тринадцать, — ответила женщина тихим голосом, который тоже звучал по-своему мелодично.

Настоятель хотел спросить, что у нее за акцент, но в эту минуту послышался голос директора школы.

— Я уже говорил, что школе не нужны новые ученики!

На лице Джорджа Стэрсейкера в оспинах было весьма воинственное выражение. При виде настоятеля он сдержался и только сердито нахмурился.

— Что тут происходит? — осведомился он.

— У нас есть для вас новый ученик, — ответил настоятель. — Который умеет петь, — добавил он.

Директор перевел злобный взгляд на открытое, ничего не выражавшее лицо Саймона и на одежду его матери.

— У нас нет мест, — возразил он.

Настоятель приподнял бровь.

— С каких это пор? — спросил он с сомнением в голосе.

— С тех пор, как стало туго с финансами, — вот с каких, — отрезал директор.

— Каждый учитель, — процитировал настоятель устав школы, — должен бесплатно, не делая различий, обучать каждого ребенка, поступившего в эту школу — без денег или прочего вознаграждения.

Директор метнул на настоятеля такой взгляд, что, казалось, ему хочется ударить последнего.

— Ни один ученик не платит за то, чтобы поступить в нашу школу, — сказал он. — С другой стороны, школа зависит от богатых благодетелей. Мы не можем принимать бедняков.

— Ангелы сыграют еще? — спросил мальчик шепотом, и настоятель пристально на него взглянул, но тут мать прижала к его губам палец.

— Директор может выбрать двух самых бедных учеников, чтобы они вели журнал и убирали школу, — заметил настоятель.

Директор проигнорировал его слова.

— Сколько лет мальчику? — осведомился он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ему будет тринадцать после Рождества, — ответила женщина.

— Тринадцать, — повторил директор. — А он умеет читать или писать? Может быть, он знает латынь? Нет? Превосходно. Мальчик тринадцати лет, который и так уже слишком большой, чтобы поступать в школу, не умеет ни читать, ни писать. И, по-видимому, без всяких средств к существованию. Великолепно!

— Если — если бы вы только услышали, как этот мальчик поет, — вмешался регент, но директор перебил его.

— От мальчика не требуется, чтобы он пел, — возразил он. — Вы не хуже меня знаете, что здесь не место для виртуозного пения.

— Вы хотите сказать, что собираетесь игнорировать школьную Хартию? — спросил настоятель.

Директор заговорил тихим голосом, обращаясь к настоятелю.

— Я хочу сказать, что мы ничего не приобретаем, принимая такого мальчика в школу, — независимо от того, умеет он петь или нет. Совсем ничего.

Настоятель ласково произнес:

— В этом вопросе последнее слово не за вами.

Директор побагровел от ярости.

— Как, теперь этим занимаетесь вы? — закричал он. — Может быть, вы возьмете на себя и остальные мои обязанности? Почему бы вам не отобрать у меня мантию — и мое жалованье? Почему бы не собрать всех сирот с улицы и не притащить их в школу? Для чего нам нужны работные дома, когда у нас есть грамматическая школа, да?

Настоятеля позабавила эта вспышка.

— Успокойтесь, — сказал он.

— Успокоиться? Когда мой авторитет подрывают вот таким образом? Члены церковной коллегии об этом узнают, — брызгая слюной, пообещал он.

— Члены коллегии не хуже вас умеют читать Хартию, — невозмутимо произнес настоятель. — Они знают круг ваших полномочий, если вам он неизвестен. И моих, — добавил он тоном, в котором прозвучала скрытая угроза: директору было известно, что настоятель может его уволить, если ему вздумается.

Директор кивнул, тяжело дыша. Он знал, что потерпел поражение. Он поднял руки, затем уронил их.

— Поступайте, как знаете, — сказал он и добавил: — Посмотрим, что на это скажут члены коллегии.

И директор вышел из церкви, а Роберт Ли поспешно последовал за ним.

Все это время мать мальчика просидела, обняв сына, как будто защищала его. Настоятель повернулся к ним.

— Как тебя зовут?

Мальчик смотрел на него широко открытыми глазами.

— Саймон, — ответила за него мать. — Саймон Пеплоу.
— Ну что же, Саймон Пеплоу, — сказал настоятель. — Как насчет того, чтобы начать ходить сюда в школу с утра понедельника?
Саймон потряс головой, не отрывая взгляда от настоятеля.
— Он придет сюда, — поспешно завершила мать. — Спасибо вам, сэр.
И, поймав руку настоятеля, она поцеловала кольцо на его пальце.
— Ну что же, тогда все, — сказал настоятель, слегка смутившись. — Вы можете идти.
И мать Саймона, быстро поднявшись со скамьи, повела сына из церкви.

8

Доктор Ди плохо спал, а когда проснулся, увидел на соседней подушке голову Келли.
— Ку-ку, — сказала голова.
Настоятель прыгнул с кровати со сдавленным криком.
— Какой-то ты нервный, Джон, да? — заметил Дух.
— Уйди от меня! — закричал настоятель. — Убирайся из моей комнаты!
Под одеялом обозначилась фигура Келли, потом он вылез из постели полностью одетый.
— Почему ты меня преследуешь? — спросил настоятель.
— Я просто охраняю тебя, — ответил Дух. — Как говорится в молитве: «Да охраняют меня ангелы, когда я сплю».
«Не такие ангелы, как ты», — подумал настоятель.
— Ты прочел книгу, Джон? — поинтересовался Дух, приблизившись к письменному столу.
Настоятель поджал губы.
— Прочел, — ответил он и взорвался: — Она мерзкая — отвратительная!
— Она тебе не понравилась? — шутливо удивился Дух. — Я же принес ее специально для тебя.
Дух потянулся к книге, и она раскрылась сама.
— Это мерзость, — уже спокойнее повторил настоятель. — Самая неестественная, жестокая и кровавая книга.
— Сильно сказано, Джон!
Дух прижал грязный палец к странице и начал читать.
— Алоэ, серую амбру и стиракс смешать с кровью козы, крота и летучей мыши. Четыре ногтя из гроба казненного преступника... — Дух поднял глаза от книги. — Что тут тебе не нравится?
Настоятель сжал губы в тонкую линию, а потом сказал:
— Мне тут все не нравится, и я больше не буду ее читать.
— Рога козы, измельченные в порошок, — продолжал Дух, словно и не слышал слов Доктора Ди. — Голова черной кошки, пять дней питавшейся человеческим мясом...
— *Я не буду это читать!* — отчетливо повторил доктор Ди.
— Тогда мне придется читать ее тебе, — и Дух продолжил чтение: — Череп отцеубийцы...
Доктор Ди заткнул уши.
— Вон, вон, проклятый дух! — закричал он и к своему ужасу обнаружил, что голос Келли звучит у него в голове.
— Ну, не очень-то это вежливо, — заметил Дух.
Дыхание доктора Ди стало прерывистым. Он отнял руки от ушей.
— Послушай, — сказал он, — в этой книге говорится об убийстве — грязном, кровавом убийстве. Я не могу это сделать.
Черные глаза духа блеснули.
— Нет, можешь, Джон, — возразил он.

— Я не стану это делать, — заявил доктор Ди. — И ты не сможешь меня заставить. Это не для меня, — продолжал он уже мягче, и в голосе послышались умоляющие нотки. — Ты же это знаешь, Нед.

— Нет, вот как? — повторил призрак. — Вот так-то лучше. Да, ты не делал этого до сих пор.

— Нет, — сказал настоятель, поворачиваясь спиной.

Дух вздохнул.

— Послушай меня, Джон. Мы же говорим о сироте, по которому никто не будет скучать. Поверь мне, так будет лучше для некоторых бездомных мальчишек, которые спят под изгородью, посиневшие от холода, покрытые язвами и одетые в лохмотья, и никогда не знают, когда удастся поесть в следующий раз — да и вообще удастся ли. Разве это жизнь, а?

— Давай без экивоков, Нед, — сказал настоятель.

Дух рассмеялся.

— Узнаю тебя — опять эти твои хитрые слова. «Экивоки» — что это такое? Вот в чем ты был всегда силен, так это в словах. Но есть время для слов и время для дел, Джон. Я хочу получить обратно мою жизнь.

Доктору Ди показалось, что глаза Духа прожгли его насквозь. Повернувшись к нему, он тяжело вздохнул и безнадежным жестом поднял и опустил руки.

— Тогда возьми меня, — сказал он, кивая. — Возьми меня.

Призрак внезапно невероятно раздулся, казалось, заполнив всю комнату, и одежду его начал трепать сильный ветер, неизвестно откуда взявшийся.

— Ты мне не нужен! — загремел он. — Зачем мне нужен немощный дряхлый старик, которому почти восемьдесят лет? Разве ты не слышал, что я тебе говорил?

Доктор Ди упал на пол и приник к нему, весь дрожа. В конце концов все стихло.

— Вставай, Джон, — обратился к нему Дух своим обычным голосом. — Пока тут не образовалась целая лужа из твоих слюней.

Доктор Ди медленно поднялся, ухватившись за стол. Он вытер глаза, из которых обильно лились слезы. К великому его облегчению Дух уменьшился до своих обычных размеров. Он печально смотрел на доктора Ди.

— Нет никаких причин ссориться, — сказал он. — Надеюсь, я ясно выразился. Мне нужно молодое тело, взамен того, которое у меня преждевременно отобрали. К тому же здоровое. И забудь то, что я сказал о сиротах под изгородью. Мне не нужна шкура, покрытая язвами и оспинами. Нет. Этот сиротка должен быть хорошо упитанным и сильным, и с хорошими мозгами.

Доктор Ди сразу же вспомнил про Кита.

— Вот чего я хочу, — мечтательно произнес Дух. — Чтобы вернулось мое время. Я хочу дышать, Джон. Я хочу дышать.

Настоятель не ответил, и Дух продолжил:

— Как знать? Если все пройдет хорошо, мы можем попытаться сделать это и для тебя. Вдвоем мы понаделали бы таких дел — только ты и я, Джон. Ты только подумай, что бы мы могли познать — подумай, что бы мы могли сделать! Мы бы стали мудрыми, как Соломон — нет, мудрее! По сравнению с нами Соломон выглядел бы как деревенский дурачок!

— И утратили бы наши бессмертные души, — добавил настоятель.

Он ощутил безмерное изнеможение. Ему захотелось спать.

— Да они не были бы нам нужны, — ответил Дух. — Зачем нам души, если у нас будут тела? Много красивых тел — пухленьких и юных.

Доктор Ди так отчаянно устал, что голова у него клонилась. Казалось, каждый раз, как он встречается с духом Келли, у него понемногу убывают силы.

Дух искоса на него взглянул.

— Ты загнанный старый мул, не так ли? — сказал он, но доктору Ди не хватило сил даже для того, чтобы оскорбиться. — Я вижу, что выматываю тебя. А я этого не хочу — пока. Я тебя покину, ладно? Продолжай читать эту книгу. Да, — тут он внезапно оказался

совсем рядом, — обязательно читай ее, Джон. Каждое слово, хорошо?

Доктор Ди с трудом кивнул.

— Вот и славно. Умница. — Доктору Ди показалось, что Дух ущипнул его за щеку. — Я вернусь, Джон, — пообещал он, и голос его становился все тише. — Не забудь это сделать, — и на последнем слове дух Неда Келли исчез.

Доктор Ди рухнул на постель. Ему нужно было выполнять свои обязанности, писать письма; сегодня был день, когда ему полагалось инспектировать школу. А еще он должен читать эту адскую книгу. Но единственное, чего ему хотелось, — это спать. Он даже не желал думать о том, что с ним происходит и что ему с этим делать. Он вытянулся на постели, прикрыл уголком одеяла дрожащее тело и закрыл глаза.

9

Настоятель подвинул мебель в комнате, освободив пространство в центре, и отогнул плетеный коврик, скрывавший большую пентаграмму, которую он сам нарисовал на полу. Она вся была исписана кабалистическими буквами, складывавшимися в имена сорока девяти ангелов — по семь на каждый из семи цветов спектра. По окружности располагался енохианский алфавит, написанный справа налево, а в самом центре были семь скрытых Имен Бога.

— Занимаемся весенней уборкой, не так ли? — прямо в ухо ему сказал Дух.

Не обращая на него внимания, доктор Ди трясущимися руками закрепил кадильницу так, чтобы она висела над самым центром пятиугольника, и наполнил ее ладаном.

— Понемногу приводишь все в порядок, Джон? Приятно такое видеть.

Доктор Ди остановился, потом взял пузырек со святой водой. У него слегка кружилась голова. Он весь день постился, исполненный решимости довести дело до конца.

— Что это ты задумал? — насторожился Дух.

Он появился в комнате за спиной доктора Ди, но тот был исполнен решимости не смотреть на него. Он собирался совершить ритуал очищения, экзорцизма, согласно всем тайным догмам, которые были ему ведомы, — христианским, египетским, иудейским, енохианским. Он избавится от этого духа, или демона, или кем он там был — даже если это будет последнее, что он сделает в своей жизни.

— Знаешь, это не сработает, — сказал Дух.

Доктор Ди повернулся на восток и брызнул святой водой. Он начал называть имена ангелов.

— Альмалиель, Альдариа, Белхазиель...

— Знаю, знаю, — вместе с ним произносил Дух — правда, он держался подальше от святой воды.

Доктор Ди повернулся на север, продолжая декламацию.

Дух вздохнул.

— Ну, и сколько это будет продолжаться? — спросил он. — Ты прочел книгу?

Доктор Ди закрыл глаза, стараясь сохранить под веками ощущение яркого света. Ему нужно держать в голове весь ритуал и работать не отвлекаясь, иначе ничего не выйдет. Он повернулся на запад, держа пузырек в руке. Дух подтолкнул его, и пузырек выскочил из рук, упал на пол и покатился, роняя капли драгоценной воды, но не разбился.

— Опля, — сказал Дух.

Доктор Ди пополз по полу к пузырьку, поднял его и снова встал.

— Джоблади, Джубладас, — читал он нараспев.

— Разве так поступают со старым другом? — укоризненно произнес Дух, оказавшись прямо перед ним.

Доктор Ди отвернулся. В комнате было невыносимо душно. Он чувствовал, что на лбу, под шапочкой, выступил пот, и над верхней губой тоже. Но, быть может, это признак того, что ритуал действует. Он вылил несколько капель святой воды на ладонь и перекрестился.

— Во имя Отца, — дрожащим голосом выговорил он, — и Сына и...

— Дяди Тома Кобли и всех, — перебил его Дух и обхватил своими руками руки доктора Ди, сжимавшие пузырек.

— Ну же, Джон, отдай его мне.

Доктор Ди боролся с ним, по лицу его струился пот. Он забыл следующий этап ритуала.

— Убирайся! — закричал он, изо всех сил вцепившись в пузырек.

— Джон, Джон, — сказал Дух, которому эта борьба, по-видимому, не стоила ни малейших усилий. — Я не могу это сделать.

— Отпусти! — пронзительно завопил доктор Ди. — Отстань от меня! — и он из последних сил дернул пузырек.

В это время Дух его отпустил. Доктор Ди покачнулся, наступив на край своей мантии. Стекланный пузырек пролетел через всю комнату и разбился. Доктор Ди с усилием встал на колени. Он не на шутку разгневался.

— Убирайся! — закричал он ужасным голосом, обретшим былую силу. — Я не желаю тебя видеть!

— Какой ты вспыльчивый! — укорил его Дух.

— Убирайся обратно в ад, откуда ты явился! Не докучай мне больше! Оставайся в могиле, и пусть тебя едят черви! Да будут вечными твои муки, и пусть все демоны ада вгрызаются в твои внутренности!

Стоя на коленях, настоятель почувствовал, как ему на плечи опустилась огромная тяжесть. Дух взобрался на него верхом и бешено раскачивался взад и вперед.

— Вот это да, Джон! — воскликнул он. — Наконец-то ты заговорил по-настоящему!

Доктор Ди издал громкий крик и повернулся кругом. Он нашарил на полу осколки стекла от разбитого пузырька. Из последних сил он швырнул осколки прямо в лицо Духу.

Раздался ужасный звук, словно пронзительно взвизгнуло множество демонов. Лицо Духа стало какого-то жуткого, непотребного желтого цвета, и запахло чем-то мерзким и вонючим. Доктор Ди упал на пол, задыхаясь. В ушах у него зажужжало, и на несколько благодословенных минут он отключился.

Когда он открыл глаза, в комнате было пусто.

Настоятель медленно поднялся. Руки у него были в крови, а когда он вытер лицо, то обнаружил, что оно тоже окровавлено. Где же он поранился?

Дотащившись до кресла, доктор Ди прислонился лбом к прохладному дереву письменного стола. Ритуал сработал не полностью. Он оказался недостаточно сильным. Настоятель опасался, что Дух вернется.

В конце концов он осмелился обвести взглядом комнату. В ней царил беспорядок. Казалось, по ней пронесся смерч — но, по крайней мере, не было и следа страшного призрака. На какое-то время его удалось изгнать, правда, дорогой ценой — но это внушало надежду. Доктор потер лоб костяшками пальцев и попытался сосредоточиться. «Мирра!» — прошептал он. Он знал, что для ладана нужно больше мирры. Тогда он мог бы повторить ритуал и попытаться навсегда изгнать Духа. Ему нужно раздобыть еще мирры и свечей.

Доктор Ди нечасто выбирался из дому. Он хорошо знал, что люди в городе смотрят на него со страхом, подозрением или отвращением. Но аптекарь Джосая Фенвик сказал, что можно раздобыть мирру у тайного поставщика в Лондоне. Так что прямо сейчас ему необходимо покинуть свою комнату.

Когда он почувствовал, что силы вернулись к нему, доктор Ди поднялся и плеснул себе в лицо водой из таза, затем вытерся полотенцем. На лице еще осталось немного крови. Он надел плащ, потом большую шляпу поверх своей шапочки, чтобы тень от нее закрывала лицо, и открыл дверь, страстно надеясь, что никого не встретит на пути.

Он шел по коридору, и вслед ему доносились слова катехизиса, который нараспев читали мальчики:

— Справедливость требует, чтобы грех наказывался самым суровым наказанием...

Он отворил тяжелую входную дверь школы и шагнул в мир, наполненный крутящейся желтой дымкой, подступавшей прямо к стенам и окнам школы. Доктор Ди не заметил, что собирается туман: утро было ясным и влажным. Но теперь он, казалось, становился плотнее с каждой минутой — доктор Ди с трудом мог разглядеть церковь. Туман кружился вокруг него, забираясь в складки его плаща. И пахло как-то странно — похоже на серу.

Чепуха, сказал себе доктор Ди. Его просто потрясло случившееся. Он поплотнее запахнул плащ, и ему почудились шаги за спиной. Но когда он резко обернулся, никого не было.

На Маркет-Стед-лейн было как-то неестественно тихо. Куда все подевались? Был рабочий день, но улицы опустели, и из мастерских не доносились привычные звуки. Даже в кузнице было тихо.

Когда доктор Ди приблизился к свечной лавке, ему опять послышались тихие шаги за спиной. Оглянувшись через плечо, он на какое-то мгновение поверил, что увидел тень, похожую на большую собаку. Но когда он снова обернулся, то ничего не заметил.

Но вот она снова, эта тень, он видит ее краешком глаза: это большая черная собака. Ее глаза сверкнули, когда доктор Ди поспешил к дверям лавки. Наверно, это пес кузнеца, сказал он себе, толкнув дверь.

Каким облегчением было очутиться в теплой лавке, где пахло воском и салом! На прилавке горели две свечи, а за прилавком стоял продавец, старик с заячьей губой, который, кажется, задремал. Он не поднял глаза, когда доктор Ди приблизился к прилавку. Настоятель нервно огляделся и снова увидел тень собаки. Он откашлялся.

— Мне нужно шесть длинных свечей, — сказал он.

Старик, так и не взглянув на покупателя, зашаркал в заднюю комнату, громко кашляя, и принес свечи. Он завернул их в коричневую бумагу, и доктор Ди заметил бородавки и мозоли у него на руках.

— Сегодня очень тихо, — сказал настоятель, отсчитывая деньги, но старик ничего не ответил.

— Вы видите большую черную собаку? — спросил он, и старик кашлянул и сплюнул.

— Тут всегда собаки, — ответил он.

Это правда, подумал доктор Ди. На улицах города и в церковном дворе всегда бродили собаки. И сейчас одна из них просто следовала за ним, вот и все. Он взял свечи и сунул под плащ.

— Сегодня тихо, — сказал продавец свечей.

— Что? — переспросил доктор Ди.

— Тихо — на улицах.

— О, — выговорил доктор Ди. — Да.

Он замешкался, запахивая плащ, и повернулся к дверям. Ему было как-то боязно уходить из лавки.

— Он придет, — сказал продавец свечей.

Доктор Ди быстро повернулся.

— Что вы сказали? — переспросил он.

Продавец впервые за все время поднял глаза. Они были черные, как обсидиан.

— *Сын Тьмы приходит*, — сказал он.

У доктора Ди перехватило горло, а во рту пересохло, так что он не мог произнести ни слова. Он выскочил на улицу.

Аптека была в верхнем конце Маркет-Стед-лейн. Доктор Ди старался идти быстро и уже запыхался. Облачка пара из его рта исчезали в сгущавшемся тумане, и он слышал еще чье-то затрудненное дыхание, не совсем совпадавшее с его собственным. Большие лапы топали у него за спиной, но он не осмеливался оглянуться.

Окно лавки аптекаря было освещено лампами. Их свет играл в пузырьках с разноцветными жидкостями, в бутылках, наполненных таблетками, и в декоративных горшочках с целебными травами. Когда доктор Ди был маленьким мальчиком, он любил

заглядывать в витрины аптеки. Толкнув дверь, он вошел в лавку.

Тут пахло сандаловым деревом и алоэ. Аптекарь, круглолицый, веселый человек, стирал пыль со своих полок. Он довольно жизнерадостно приветствовал доктора Ди.

— Единственная вещь в мире, в которой вы можете быть уверены, — это пыль, — пошутил он.

Учащенное биение сердца доктора Ди замедлилось.

— Да, действительно, — согласился он.

Аптекарь вытер руки о передник.

— Чем могу служить? — спросил он.

Доктор Ди почувствовал такое облегчение от нормальной беседы, что даже забыл на минуту, зачем пришел. Он оттаял от тепла и света и успокаивающих запахов.

— Мирра, — сказал он наконец. — Я пришел спросить, как обстоят дела с моим заказом. Вы ее получили?

— Да, действительно получил, — ответил аптекарь и наклонился, роясь под прилавком. — Я положил ее где-то здесь, — сказал он. — Сейчас на нее большой спрос, — продолжал он, не прекращая поиски. — Вы не возражаете, если я спрошу, для чего вы ее используете?

Обычно доктор Ди не отвечал на подобные вопросы, но сегодня был необычный день.

— Это... для церкви, — нашелся он.

— Ах, для церкви. — Теперь аптекарь опустился на колени. — Пепел к пеплу, прах к праху и так далее. Печаль, кровь, смерть. Ну, поскольку это не для нечестивой цели, — заключил он, поднимаясь с пакетом в руках.

Доктор Ди смотрел прямо в кромешную тьму глаз Эдварда Келли.

— Ты не торгуешься с демонами, не так ли, Джон? — сказал Келли.

Доктор Ди издал громкий вопль и выбежал из магазина с такой прытью, словно сбросил половину своих лет. Он бежал всю дорогу по Маркет-Стед-лейн, мимо ворот церкви и через рыночную площадь. Он слышал, как за ним мчится большой черный зверь. Он распахнул тяжелые двери школы, и они захлопнулись за ним с грохотом. Спотыкаясь, он поднялся по лестнице, открыл дверь своей комнаты и прислонился к ней, тяжело дыша. Ему не нужно было даже открывать глаза, чтобы узнать, что Келли здесь. Он облизнул губы раз, другой.

— Хорошо, — вымолвил он, когда снова обрел дар речи. — Хорошо, я это сделаю — все, что ты хочешь.

Он услышал тихий смехок.

— Давно бы так, Джон.

10

«Пошли за мальчиком», — сказал ему Дух, и теперь Кит был здесь. Он моргал, как сова: в комнате стоял дым от трав, которые настоятель жег накануне, чтобы скрыть ужасный запах. После этого он лег спать, плохо себя чувствуя, и только что встал, так и не уснув. Ему никак не удавалось собраться с мыслями. Казалось, он смотрит на Кита сквозь длинный туннель, а когда он заговорил, то сам не узнал свой голос.

— Подойди, — сказал он. — Дай мне на тебя посмотреть.

Когда мальчик неохотно приблизился, настоятель приподнял ему подбородок и заглянул в ясные серые глаза, в которых увидел не страх, а неуверенность. Через минуту Кит отодвинулся.

— У меня было мало времени... — начал он.

— Теперь это неважно, — ответил настоятель все таким же сиплым голосом. — Расскажи мне о себе.

— Что?

Настоятель уселся и указал Киту на стул, но тот остался стоять. Настоятель

почувствовал, как у него перехватило горло.

— О твоих родителях, — сказал он.

— Мои родители умерли, — натянуто ответил Кит.

Настоятель чувствовал, что как бы со стороны наблюдает за происходящим.

Он задавал вопросы о происхождении мальчика, установив, что у того действительно нет семьи, которая могла бы о нем справиться, что его родители католики и собственность, прежде принадлежавшая его семье, теперь вверена попечению школы. Кит кратко отвечал на вопросы со все более возрастающим удивлением.

— Это все, сэр? — спросил он.

Настоятель поднялся и обошел вокруг Кита — сначала в одну сторону, потом в другую. Непроизвольно он взял локон мальчика в руку и понюхал.

— Ты знаешь, что такое Великий Ритуал, Кит? — пробормотал он.

Кит отпрянул от него.

— Мне нужно идти, — заявил он.

— О нет! — произнес голос настоятеля.

Кит сделал резкое движение, но настоятель снова стоял прямо перед ним.

— Мы еще не закончили, Кит, — сказал он.

Пот выступил на лбу мальчика, когда настоятель с улыбкой подошел ближе.

— Это ритуал, который нужно совершать в определенное время, — пояснил он. — Предпочтительно в новолуние. Ты знаешь, Кит, когда это?

Внезапно мальчик обрел дар речи.

— Я не хочу знать о ритуалах! С меня довольно! Я больше не хочу сюда приходить!

Настоятеля не рассердила эта вспышка. Он ощутил какую-то странную безмятежность, как будто теперь от него ничего не зависело. И вдруг он понял то, что знал Келли: этот мальчик какой-то другой, и он носит в себе какую-то тайну.

— Ты мне что-то недоговариваешь, Кит?

Кит молча смотрел на него.

— Может быть, какая-то тайная печаль, — прошептал настоятель. — Бремя, которое тебе не с кем разделить.

Рука Кита стремительно дернулась к лицу, как бы защищая его.

— Я могу помочь тебе раскрыть эту тайну, Кит, — предложил настоятель и увидел, как Кит переменился в лице. — Мы можем работать вместе, Кит. Разделенная печаль — это печаль, уменьшенная вдвое. Но ты должен работать вместе со мной, Кит. Я не могу работать один.

— Да, — ответил Кит, и настоятель понял, что победил. Он отвернулся.

— Новолуние будет на следующей неделе, — сказал он. — Я пошлю за тобой, и ты придешь в церковь в полночь. Ты понимаешь?

— Да, — повторил Кит, и настоятель расслабился.

— Это все, — сказал он, полуобернувшись. — Можешь идти.

И мальчик поспешил к дверям. Настоятель сразу обмяк. Его охватила сильная слабость. Он едва добрал до кровати и повалился на нее. Завернувшись в одеяло, он лежал, глядя в потолок. Потом погрузился в глубокий сон без сновидений.

11

Кто-то звал его. Открыв глаза, он в недоумении обвел взглядом комнату. В ней никого не было. До него снова донесся слабый голос.

— Доктор!

Это был голос Кита.

Настоятель встал, застегнул свое одеяние и открыл дверь.

— Доктор! — снова позвал Кит, на этот раз еще тише, и настоятель понял, что мальчик находится у подножия лестницы. Он поспешно спустился и увидел Кита, лежавшего на

нижних ступеньках.

Сердце настоятеля тревожно забилося. «Что...?» — хотел спросить он, но споткнулся, запутавшись в своей мантии. Кит попытался поднять голову, но она снова упала, стукнувшись о каменную ступеньку. Еще больше встревожившись, настоятель поспешил к нему.

— Что случилось? — спросил он и задохнулся при виде крови.

Кит открыл глаза и застонал, когда настоятель склонился над ним. Доктор Ди колебался не более минуты. Он был теперь стар, но когда-то был сильным. Он взял Кита на руки, слегка пошатнувшись, и начал подниматься по лестнице. Он навалился на дверь, чтобы открыть ее, потом опустил Кита на пол и сам присел, прислонившись к двери, с трудом переводя дыхание. Затем он открыл сундук под окном, вытащил простыню и расстелил на кровати. С огромным усилием он положил на нее Кита, после чего тот потерял сознание.

Его ранили шпагой — это настоятель понял сразу. Прислонившись к столбику кровати, он постоял минуту, потом подошел к мальчику и начал расстегивать ему рубашку.

Под рубашкой у Кита уже имелись бинты, завязанные небрежным узлом, а сквозь них просочилась кровь. Настоятель начал развязывать узел. Кит сделал слабый жест, протестуя.

— Лежи спокойно, — велел настоятель, и Кит закрыл глаза.

Настоятель разматывал бинты, переворачивая тело Кита то на один бок, то на другой. Некоторые слои бинта склеились, и они отходили большим комом. Обнажились тугие мускулы на спине Кита, а когда настоятель наконец опустил Кита на спину, его рубашка приоткрылась и обнажились две маленькие, но несомненно девичьи груди.

ТЕНИ

Манчестер, наши дни

Кейт вошла в пустой дом, гулкая пустота окружила ее, как пыль. Она стояла в прихожей, и тишина действовала ей на нервы.

Нехорошо, что она одна. Что-то странное происходит в голове. Постояв еще несколько секунд, она вошла в кухню и взяла со стола телефонную книжку отца.

Усевшись за стол, она проверила все телефоны в книжке, но фамилии и цифры ни о чем ей не говорили. Ей некому было звонить — разве что полиции. Но что они сделают, обнаружив, что Кейт в доме одна? Да и вообще отец может вернуться в любую минуту.

А если он не вернется?

Эту мысль она все время гнала от себя. Но сейчас она снова думала об этом, медленно разжимая пальцы. Все ногти были обгрызаны.

Кейт резко поднялась, оттолкнув стул. Это просто безумие — вызывать полицию! Ни в коем случае. И нечего терять время. Ей нужно собраться с мыслями и составить план действий. Нужно обыскать дом, чтобы найти какие-то ключи к разгадке — куда он мог уйти. А если повезет, то она не успеет даже закончить поиски, как он вернется и окажется, что все это — какая-то ужасная шутка.

Его спальня — да, она начнет со спальни. Нужно проверить, что он взял с собой, это может ей подсказать, надолго ли он планировал уехать.

Кейт зашла в комнату, где царил полный развал. Насколько она могла судить, большая часть его одежды была в платяном шкафу, и это ее немного утешило. Она начала просматривать его книги и бумаги, ища хоть какую-нибудь зацепку.

На кровати лежала раскрытая папка. Кейт внимательно взглянула на нее. Это была его книга, диссертация о тайнах старения, которую он начал писать, еще когда занимался медицинскими исследованиями. Ее так никогда и не опубликовали. Она называлась «Возвращенный рай».

Отец написал ее много лет тому назад, но, очевидно, недавно снова просматривал. Кейт

уселась на кровать и начала читать.

«Структурные изменения и функциональное ухудшение систем тела с последующим нарушением гомеостаза...»

Кейт понятия не имела, о чем идет речь. Она сделала еще одну попытку.

«Признаки старения — это сочетание генетически программируемых процессов и генетических изменений, вызванных экзогенными и эндогенными факторами».

Следующий отрывок она поняла:

«Старение может рассматриваться как широко распространенное, поздно начинающееся заболевание. Но оно не является неизбежным».

Это было исследование отца на тему о возможности бессмертия.

Тема эта никогда ее особенно не интересовала, но отец говорил, что это из-за того, что она еще юная.

Воспоминания, впечатления, образы мелькали у нее в голове. Она увидела женщину в синем одеяле, пересекавшую площадь, и вспомнила, что ее тогда как будто пронзило током. Или это было похоже на то, как переключаешься на другой канал телевизора. Или на другое время, подумала она. Кейт вспомнила, как отец пытался объяснить ей про время.

«Мы четырехмерные существа, Кейт, — сказал он, — проходящие через вселенную, в которой много измерений».

Он всегда так с ней говорил — как будто она его студентка. Только в тот раз она не хотела слушать.

— Ну, ты даешь! — сказала она, с успехом отвлекая отца от темы.

Когда она небрежно выражала свои мысли, он сразу же начинал читать лекцию о нормах речи. Кейт это знала и делала нарочно, чтобы позлить его.

Но это сработало ненадолго. Вскоре он уже пытался заставить ее вообразить трехмерный конус в двухмерном круге.

— Если бы ты была двухмерным существом, живущим на этом круге, то как бы выглядел такой конус? — спросил он. — Что бы ты увидела?

Кейт бросила на него взгляд, который годами доводила до совершенства, — намеренно тупой. От отца разило перегаром: накануне вечером он выпил. Сейчас он выговаривался, избавляясь таким образом от похмелья, как уже делал много раз прежде. Она знала, чего он от нее хочет, — какого-то знака, что она настроена на одну с ним волну, что они могут общаться. Но она не подала ему этот знак. Она лишь смотрела ему в глаза. Наконец отец вздохнул и взял лист бумаги и штопальную иглу. Затем сложил бумагу несколько раз, так что получилось что-то вроде веера.

— А теперь смотри сюда, — сказал он. — Предположим, время представляет собой не прямую линию, а волны или складки — вот такие. — Он проткнул одну бумажную складку иглой. — Если точка А — настоящий момент, а точка Б — какой-то момент четыреста лет тому назад, то точка А фактически ближе к точке Б. — И он проткнул иглой следующую складку. — Нежели к любому моменту раньше или позже. Ты понимаешь?

— Нет, — ответила Кейт.

Отец взглянул на нее.

— Что ты видишь?

— А что я должна видеть? — осведомилась Кейт. — Лист бумаги и иглу, не так ли?

Отец вздохнул, потом продолжил говорить, словно обращаясь к самому себе.

— Но что же соединяет эти точки? — пробормотал он, медленно пронзая иглой все бумажные складки. — Какая-то сила, энергия или мощь, способная сгибать свет и время.

Кейт охватила сонливость. Она подавила зевок.

— Теперь я могу идти? — спросила она.

Но отец уже забыл о ее присутствии.

Это был ее отец. Гений. Только много ли проку ему от этого? Но впервые Кейт пожалела о том, что тогда не слушала. Это могло бы как-то объяснить то, что сейчас происходит.

Так ничего и не добившись и устав, она прилегла на кровать отца. Все еще держа в руках записку, которую он ей написал, она закрыла глаза и наконец впала в забытие. А спустя несколько часов ей приснился сон.

Кейт снилось, что она лежит на кровати в какой-то странной комнате. Горит свеча, тускло, отбрасывая тени. Опустив глаза, она увидела на одеяле свою руку, и рука была не загорелая, а бледная. Кто-то с ней говорил.

— Ты бы могла жить вместе со мной как моя дочь, — говорил он. — Мы никому не расскажем. Я научу тебя всему, что знаю.

ОТКРОВЕНИЯ

1

Октябрь 1604

Настоятель глубоко вздохнул.

— Ничего себе! — сказал Дух, внезапно появившийся рядом с ним.

Настоятель прикрыл глаза. Он машинально снова надел на Кита его рубашку. *Ее*, поправился он.

— Так не пойдет. Не пойдет, — заявил Дух.

И настоятель сразу же взял себя в руки. Одновременно с магией они обучались и медицине — для большинства людей это было одно и то же. Он подошел к письменному столу и достал из ящика пакетик с травами.

— Это меняет дело, в корне меняет.

Доктор Ди игнорировал Духа. Внезапно он подошел к окну и распахнул его. Хотя было уже темно, он разглядел фигуру нового мальчика, торопливой походкой шедшего по двору. Настоятель высунулся в окно и позвал его:

— Эй, ты!

Саймон вздрогнул и застыл на месте, как сделал бы в лесу, если бы ему грозила опасность.

— Поднимайся сюда, — велел настоятель, и Саймон вгляделся, но не мог понять, откуда доносится голос.

Настоятель выругался себе под нос.

— Посмотри наверх, черт тебя побери, — закричал он, и глаза у мальчика округлились, когда он понял, кто его зовет.

— Поднимайся сюда, — повторил настоятель, но у Саймона был такой вид, будто он сейчас повернется и убежит.

— Здесь твой друг, — сказал настоятель, начиная впадать в отчаяние. — Он сильно ранен.

Через минуту Саймон уже мчался по лестнице в комнату настоятеля. Он остановился, пораженный тем, что увидел, потом протиснулся мимо настоятеля к кровати, глядя на бледного окровавленного Кита.

— Он дрался, — объяснил ему настоятель. — Несомненно, какая-то глупая драка между школьниками.

Саймон отступил от кровати, не спуская глаз с Кита.

— Нам нужна вода с кухни, — сказал настоятель, и когда Саймон повернулся, чтобы идти, доктору Ди внезапно пришла одна мысль. — Погоди, — велел он.

И, подавив вздох, отодвинул гобелен, скрывавший потайную дверь. Интересно, сколько еще народу придется посвятить в эту тайну?

— Никто не должен знать, — наставлял он Саймона, и мальчик молча кивнул. Доктор Ди открыл дверь. — Спустись по лестнице. Она приведет тебя к решетке. Вылези наружу, и окажешься рядом с дверью судомойни при кухне. Принеси теплой воды в тазу и чистое

полотенце. Поторопись.

Саймон исчез.

— И что же теперь? — напомнил о себе Дух.

Настоятель начал измельчать травы пестиком в ступке. Дух принялся расхаживать по комнате.

— Я знал, что с этим мальчиком что-то не так, — заметил он. — Он девочка!

Доктор Ди энергичнее заработал пестиком, измельчая крошечные листья.

— Я не собираюсь возвращаться в виде девчонки, — заявил Дух. — Ни в коем случае.

Не ответив ему, доктор Ди вынул склянку с каким-то жирным веществом и начал пальцем смешивать небольшое количество этого вещества с листьями.

— Итак? — сказал Дух.

— Итак что?

Дух стоял совсем рядом.

— Мы же не можем совершить Великий Ритуал с девочкой, — сказал он. — Это должен быть мальчик. Юный мальчик.

Доктор Ди облизнул губы. Смесь была почти готова. Дух подтолкнул его локтем.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

— Слышу.

— Ну так что же?

— Значит, мы не будем его совершать, — ответил настоятель.

Лицо Духа помрачнело, но в эту минуту снова появился Саймон, бледный и испуганный. В руках у него были таз и полотенце, и настоятель взял их у него.

— Кит поправится? — спросил мальчик, но доктор Ди только промокнул рану полотенцем.

Она была чистая и не слишком глубокая. Кровотечение уже замедлилось. Настоятель нанес на рану изготовленную им мазь, потом разорвал на полосы край простыни. Вновь забинтовывая грудь Кита, он отрывисто говорил с Саймоном.

— Завтра суббота, — сказал он. — Ты сегодня вечером выгородишь Кита перед директором — например, скажешь, что он хворает и лежит у себя в комнате. Утром ты ему скажешь, что Кит на занятиях хора, а регенту — что у него дополнительные занятия по фехтованию с младшим учителем. Ты все понял?

Саймон кивнул.

— Кит останется здесь, в моей комнате, — продолжил настоятель. — Не думаю, что остальные мальчики его выдадут. Посмотрим, как он будет себя чувствовать к воскресенью.

Он вернул Саймону таз и окровавленное полотенце.

— На лестнице кровь — постарайся замыть ее, — сказал настоятель, открывая дверь в коридор. — А потом отнеси таз обратно на кухню, а полотенце выброси.

Саймон не сдвинулся с места.

— Ну же, ступай, — велел настоятель.

Но Саймон стоял как вкопанный.

— Что такое? — спросил настоятель.

Саймон указал пальцем на пространство рядом с настоятелем.

— Кто этот человек? — спросил он.

2

Настоятель пристально смотрел на Саймона.

— Какой человек? — спросил он еле слышным шепотом.

Саймон не отрывал испуганных глаз от Келли.

— Так, так, так, — вымолвил Дух, и дверь захлопнулась.

Настоятель пришел в себя.

— Он — он целитель, — медленно произнес настоятель. — Я — я привел его —

осмотреть твоего друга.

Выражение лица Саймона не изменилось, а на лице Духа читалось неистовое ликование.

— Он может меня видеть! — воскликнул он.

— Тише! — прикрикнул на него настоятель. Он поднес трясущуюся руку ко лбу. Это уж слишком, подумал он, да, слишком! — Ты должен идти, — обратился он к Саймону.

— Зачем? — спросил Дух.

Саймон не сдвинулся с места. Он медленно перевел взгляд на Кита.

— С твоим другом все будет хорошо, — заверил его настоятель.

— Ступай, пока директор не начал задавать неприятные вопросы.

— Погоди минутку, — вмешался Дух. — К чему такая спешка? Где пожар? Я не вижу дыма.

Он переместился к двери, оказавшись между нею и Саймоном. Мальчика начало сильно трясти.

— Прочь с дороги, — велел настоятель.

— Не забывай о хороших манерах, — укорил его Дух. — Может быть, наш маленький друг сможет помочь нам в нашем предприятии.

— Нет, — отрезал настоятель.

— Нет? — повторил Дух. — Что нет?

— Нет, он не поможет. И нет никакого предприятия.

— Погоди-ка минутку.

— Оставь нас, — приказал Саймону настоятель.

Саймон взглянул на дверь. Дух улыбнулся.

Окончательно потеряв терпение, доктор Ди подошел к двери. Поколебавшись секунду, он протянул руку к дверной ручке, и рука прошла сквозь Духа. Тот зашипел и выгнулся, и комната тоже выгнулась. Лицо настоятеля скривилось от муки, но он открыл дверь.

— Уходи! — крикнул он Саймону.

Саймон остался стоять на месте, на его лице тоже изобразилась мука.

— Кит, — прошептал он.

На лбу у настоятеля выступили капельки пота.

— Я позабочусь о Ките! — закричал он. — Иди и уладь дело с директором. Сделай это для Кита!

Саймон вылетел за дверь, и она захлопнулась за ним.

— Не очень-то это было любезно, Джон, — упрекнул его Дух, придя в себя. Его корчило от шока. — В какую игру ты со мной играешь?

— Ни в какую, — ровно произнес настоятель, поглаживая руку, которой открыл дверь. — Я больше не играю в твою игру.

— Не играешь? — переспросил Дух, и в чертах его теперь читалась угроза. — Ну, это мы еще посмотрим.

— Ты должен уйти, — сказал настоятель. Ему вдруг стало спокойно, как будто рассеялся густой туман в голове.

— Никуда я не уйду, — заявил Дух, кружа вокруг настоятеля. — Мы же заключили договор, помнишь?

— Нет, — возразил настоятель и поднял руку. — *Vade*, — приказал он.

— Мы так не договаривались...

— *Procul este*...

— Ты не можешь так поступить...

— *Procul este*, — повторил настоятель.

Он медленно повернулся кругом, вытянув руку в сторону Духа. Лицо Духа исказилось.

— Джон, Джон, — протестовал он. — Ты же не можешь так поступить со мной — с нами.

В его голосе впервые прозвучал страх. Настоятель на минуту замешкался, и Дух

засмеялся.

— Ты не сможешь это сделать. Ведь ты мечтал об этом всю жизнь!

Настоятель сделал глубокий вдох и завопил изо всей мочи:

— Убирайся! *Изыди!*

И сразу же комната завертелась, и вместе с ней — Дух. Он все кружился и кружился, ужасно искажившись, а потом стал превращаться в животных, которых настоятель уже видел раньше: льва, тельца и орла, и при этом слышались кошмарные вопли и вой, словно это стенали все души в аду.

— Ты — не — можешь — это — сделать! — вскричал Дух, и комнату затопил зеленоватый, мертвенный свет.

Доктор Ди почувствовал резкую боль в руке, и Дух исчез. Комната сделалась удивительно пустой и тихой, в ней воцарился покой.

У доктора Ди дрожали колени. Добредя до деревянного стула у кровати, он сел. Порывшись в поисках носового платка, он приложил его к лицу. Келли ушел. В конечном счете оказалось, что от него можно освободиться. Единственное, что хотел знать настоятель, — это чего хочет он сам. Но сейчас он был изможден и окончательно лишился сил. Он вытер лицо платком, и понемногу дыхание восстановилось.

До него донесся стон с кровати. Кит проснулась и пыталась сесть в постели. Она держалась за бок, пальцы ее ощупывали незнакомые полосы разорванной простыни, которые настоятель использовал в качестве бинтов. На лице ее выразился страх, когда она поняла, где находится. Потом она встретила взглядом с настоятелем и задохнулась, упав на подушки. Он наблюдал за ней, лицо его было серьезно.

— Я полагаю, — сказал он, — что тебе бы надо кое-что объяснить.

3

Саймон выбежал во двор и огляделся с безумным видом, жадно глотая холодный, чистый воздух. Было темно, тихо падали снежинки. Саймон забыл, что ему нужно сделать. Он опрометью бросился к церкви, потом остановился. Развернулся и побежал к школе. И со всего размаху врезался в мастера Грингольда, младшего учителя.

Учитель схватил его за плечо.

— Смотри, куда идешь, — сказал он. — Что такое?

Саймон смотрел на него, как будто ничего не понимая.

— Что с тобой такое? — спросил учитель. — Где Кит?

— Кит? — с глупым видом повторил мальчик.

Учитель потряс его за плечо.

— Да, Кит. Он на ужине?

Саймон медленно припоминал, что должен сказать.

— Боль в боку, — запинаясь, вымолвил он, дотрагиваясь до своего собственного. — Он... лежит.

— В лазарете?

Саймон кивнул.

На лице учителя появилось испуганное выражение. Как только в школе кто-нибудь заболел, болезнь распространялась, как лесной пожар.

— Ты был с ним? — спросил мастер Грингольд, попятившись, и Саймон снова кивнул.

У него зубы выбивали дробь.

— Тогда ты должен оставаться в своей постели. Я сам скажу директору. Ступай немедленно! — Резко повернувшись, он направился к Большому залу.

Мысли Саймона кружились, как снежинки. «Кит», — подумал он. Кит его друг, а Саймон его покинул. Он подумал о присутствии зла — этот человек и не человек в комнате, и задрожал. Он не знал, что делать. Он подумал о матери. Но это будет завтра, а не сегодня. Завтра он увидит маму и все ей расскажет, а она всегда знает, что делать.

Кит давно уже замолчала, окончив свой рассказ, а настоятель не говорил ни слова. Он слушал, прикрыв глаза и соединив кончики пальцев.

— Так, — произнес он наконец, испустив протяжный вздох. — Когда твоего отца казнили, еще до твоего рождения, мать верила, что единственный способ сохранить его земли и титул — это представить наследника.

— Да, — подтвердила Кит несчастным, тихим голосом.

— Им необходим был сын, а когда родилась ты, мать назвала тебя Кэтрин, но вскоре стала называть Кит. Это уменьшительное от имени Кристофер.

— Да, — повторила Кит.

— Так, — пробормотал настоятель.

Кит была бы последней из рода Морли. Женщины не могли унаследовать землю и прочую собственность. А если и становились наследницами, то их быстро выдавали замуж за кого-нибудь, кто забирал у них все. Королева Елизавета позаботилась бы о том, чтобы девушку обвенчали с каким-нибудь протестантом, и он бы получил земли Морли. Эндрю Морли и его жена были пламенными католиками. Они, как и многие, жили в надежде, что королева выйдет замуж за католика и Англия вернется в истинную веру. Или что она умрет, и тогда на престол взойдет католический монарх.

— А потом умерла твоя мать...

— Да, сэр, до того, как на меня надели штаны.

Пока на мальчика не надевали штаны, детей обоего пола одевали одинаково.

Помещичий дом, принадлежавший Морли, стоял обособленно среди вересковых пустошей Ланкашира, а мать Кита после смерти Эндрю Морли никогда не выезжала из дому. Уже лишившись всего, кроме дома и земель, она полагалась на преданность нескольких слуг. Когда явились члены церковной коллегии, у них на руках имелось королевское разрешение воспитывать наследника Морли в протестантской вере.

Поразительная история, просто поразительная! Настоятель подумал о том, чтобы рассказать ее Оливеру Картеру, и чуть не засмеялся. Кит — самый блестящий ученик в школе, на которого они возлагают самые большие надежды.

«Жены ваши в церквах да молчат» — припомнил он. — Первое послание к коринфянам, глава 14, 34.

— И никто никогда не узнал, — произнес он вслух.

Кит пожала плечами, устраиваясь поудобнее на подушках, чтобы уменьшилась боль. До сих пор она никогда не болела и не была ранена. Мальчики никогда не купались и не одевались при всех. Киту удавалось скрывать свое изменяющееся тело, туго перебинтовывая маленькие груди. От занятий фехтованием и от стрельбы из лука мускулы у нее стали как у мальчика. Она научилась подражать мальчишескому голосу, когда говорила или пела. Ни у кого не возникло и тени сомнения. Да и с какой стати? Она бы могла сколько угодно хранить свою тайну, поступить в Оксфорд, стать законником...

Правда, теперь она достигла того возраста, когда у мальчиков ломается голос. Она постоянно пыталась говорить низким голосом, но выходило непохоже. И каждый месяц она сталкивалась еще с одной проблемой. Она справлялась, разрывая на тряпки старую рубашку. Однако ей уже претила эта бесконечная ложь. Она хотела поделиться с кем-нибудь своей тайной, и вот этим человеком оказался настоятель. Кит откинулась на подушку и провела рукой по волосам, удивляясь, почему ей не стало легче. У нее было ужасное чувство, будто она выставила себя напоказ, будто превратилась во что-то неестественное на глазах у настоятеля. Но больше она ничего не могла поделать. Она прикрыла глаза.

Настоятель взглянул на Кита. В ней не было ничего женственного. Она даже лежала в постели как мальчик и поправляла волосы мальчишеским жестом, а не как молодая женщина. Он вообще не представлял себе будущее Кита в качестве женщины. Что сделают

члены церковной коллегии, если узнают? Они ее исключат. Ее могут судить за богохульство. Или вообще заставить навеки замолчать, чтобы избежать скандала. А вот чего они уж точно никогда не сделают — так это не вернут ее собственность и богатство. На что же может надеяться Кит в качестве молодой женщины без единого пенни?

— Ты могла бы на меня работать, — предложил настоятель, и Кит открыла глаза. — Ты могла бы жить вместе со мной как моя дочь. Мы никому не расскажем. Я научу тебя всему, что знаю о магии, медицине, математике, астрономии. Таким образом после моей смерти ты смогла бы жить и работать одна.

При этих словах настоятель ощутил волнение. Именно этого он всегда хотел — передать свои знания, чтобы кто-то продолжил его работу, когда его не станет. Кит смотрела на него в ужасе. *Жить вместе с настоятелем?*

Не этого она от него ожидала — впрочем, она и сама не знала, чего именно хотела. Это безумие, сумасшедший план, и члены церковной коллегии никогда это не одобряют.

— Разумеется, мы уедем, — продолжал настоятель. Он смотрел не на Кита, а куда-то вдаль, словно видя их будущее. — У меня есть дом в Мортлейке, где мы сможем работать. Я обучу тебя магии.

Однако Кит не хотела обучаться магии. Она беспокойно заворочалась в кровати, но настоятель не обратил на нее внимания.

— Ты сможешь помочь мне в великой работе, — прошептал он.

Кит разнервничалась.

— Но что скажут члены церковной коллегии? — спросила она. — Что вы им скажете?

— Пока не знаю, — ответил настоятель, наконец взглянув на нее. — Разве тебе не любопытно, что это за Великая Работа?

Кит снова заерзала. В боку все сильнее тянуло.

— А что это такое? — спросила она.

Настоятель поднялся и принялся расхаживать по комнате.

— Великая работа, — сказал он, — это поиски бессмертия. Это конечная цель всей науки, алхимии и религии. Жить вечно.

Кит вспомнила об отце, который отдал жизнь за свою веру. Потом вспомнила о героях, о которых читала каждый день: Ахиллес и Гектор, Артур и его рыцари Круглого стола.

— Что такое? — спросил настоятель, уловив выражение ее лица.

Кит попыталась четко сформулировать свои мысли.

— Это не благородная цель, — наконец сказала она. — Герой должен быть готов пожертвовать своей жизнью.

«Вот они все и умерли, — подумал настоятель. — Многие ли герои прожили больше тридцати лет?»

— Мы живем не в героическое время, — возразил он.

Кит не знала, что на это сказать. Она все еще размышляла о своем будущем. Но настоятель подался вперед, глядя на нее очень серьезно.

— Ты не хочешь жить вместе со мной? — спросил он.

— Я не знаю, — сказала Кит, осторожно за ним наблюдая. Но он, по-видимому, не рассердился.

— Я буду с тобой хорошо обращаться, — пообещал он.

— Я знаю — но...

— Чего ты хочешь?

Этого Кит тоже не знала. Она смирилась с тем, что не может иметь то, что ей хочется, — узнать своего отца и продолжать жить вместе с матерью. Ей хотелось бы, чтобы ее мать не умирала, хотелось вести нормальную семейную жизнь. Но что такое нормальная жизнь для девушки? Жить дома, а в подходящем возрасте выйти замуж и породниться с другой знатной семьей. Кит так долго была мальчиком, что уже не могла вообразить жизнь девочки.

Настоятель ждал ответа. Кит отвернулась, расстроенная обреченностью всех своих

желаний.

— Я хочу... — выговорила она и остановилась.

Настоятель придвинулся еще ближе.

— Да?

Кит вздохнула.

— Я хотела бы родиться заново, — сказала она, — и чтобы у меня была другая жизнь.

Настоятель кивнул, отведя от нее взгляд.

— Мы все этого хотим, — сказал он.

5

Саймон ужасно боялся, что больше не увидит маму. Но завтра же суббота, а в этот день она должна с ним встретиться у церковных ворот. Он замучил всех расспросами, какой завтра день, чтобы знать наверняка, что не ошибся. Ему отвечали более или менее терпеливо, что завтра действительно суббота, и в этот день занятия действительно заканчиваются раньше, и полдня школьники свободны. Он лежал на узкой кровати и ждал наступления ночи.

Где-то там сейчас спит мама. Если он закроет глаза, то почувствует, что связан с ней невидимыми нитями. Он даже мог дышать с ней в такт. Пришли младшие мальчики, но Саймон не шевелился. Джозеф Прайор захныкал во сне, но Саймон не пошел к нему. Он наконец-то усвоил урок. Он лежал на узкой кровати в дортуаре, пропахшем мочой, где со всех сторон доносилось сонное дыхание мальчиков, и вспоминал запах матери, запах леса и поля.

Мальчики что-то бормотали во сне, а Саймон слышал еще и шепот города, лай собаки и плеск реки. Он видел, как маленькие рыбки выпрыгивают на поверхность, спасаясь от больших, которые гнались за ними. А в полях, за рекой, в траве сновали мыши, кроты рыли землю, а ночные ястребы безмолвно за ними охотились.

Ему приснилось, что мать манит его в лес.

— Саймон, проснись, — сказала она, и кто-то потряс его за плечо.

— Проснись — ну же — проснись!

В темноте над ним склонилось лицо Чабба.

— Где Кит? — спросил Чабб. Саймон отпрянул от него.

— Где он? — повторил Чабб.

«Кит!» — подумал Саймон, и все события предыдущего дня нахлынули на него.

Сердце бешено забилося и ушло в пятки. Он смотрел на Чабба. У того было не насмешливое, а огорченное выражение лица.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, — сказал он, — только скажи мне, где он. С ним все в порядке?

Саймон молча кивнул. Чабб облегченно вздохнул.

— Где он?

— Настоятель...

— Настоятель? — удивленно переспросил Чабб. — Но он же не у этого Черного Колдуна?

Саймон снова кивнул. Он не осмеливался сказать Чаббу о том, что видел — о присутствии зла, которое тоже было там, с Китом. Он потерял лоб, словно пытаясь стереть из памяти это воспоминание.

— Но он вернется сегодня? — продолжал расспросы Чабб.

Саймон отрицательно покачал головой:

— Завтра.

— Но ему же нужно сегодня в церковь — его будут там ждать.

Саймон пытался припомнить, что сказал настоятель. Сегодня суббота — занятия идут полдня. Они будут читать в церкви молитвы и готовиться к воскресной службе. Он должен

сказать, что Кит с младшим учителем.

Он сказал это Чаббу, запинаясь на каждом слове. Старший мальчик о чем-то задумался.

— Все будет в порядке, — сказал он наконец. — Скоро придет медсестра. Мы скажем, что Киту лучше, и он уже пошел на занятия.

Чабб выработал план. Иногда Кит уходил рано и занимался фехтованием один. Он скажет остальным мальчикам, чтобы они подтвердили его слова. Они будут весь день прикрывать Кита. Скажут, что он занимается фехтованием, а потом греческим.

— Но завтра ему нужно вернуться, — сказал Чабб.

Саймон утвердительно кивнул.

Чабб тербил свою манжету.

— А настоятель... не причинит ему вреда?

Саймон покачал головой, широко раскрыв глаза.

— Ты увидишь Кита? — спросил Чабб.

— Не знаю.

— Сходи к нему. Скажи ему — скажи, что я сожалею.

Саймон понурился. Он не доверял Чаббу. Когда он поднял глаза, тот уже выходил из дортуара.

Остаток утра прошел как в тумане. Саймон съел завтрак, не ощущая вкуса еды и слушая, как Чабб объясняет директору, что Кит уже ушел в церковь. Он лгал гораздо лучше, чем Саймон, и директор, по-видимому, поверил ему. Потом все пошли в церковь на утреннюю молитву, и мальчики замолчали один за другим, когда голос Саймона воспарил ввысь. Затем регент задержал Саймона, чтобы прорепетировать его соло. Он был очень рассеянным и допустил несколько ошибок, так что регент заставил его пропеть соло несколько раз.

— *Ave, ave, verum corpus...*

— Да что с тобой сегодня такое? — спросил регент, потеряв терпение. — Хорошо, достаточно. Будем надеяться, что завтра ты споешь лучше.

Саймон мог думать только о матери. Когда он ее увидит, то скажет, что никогда не вернется в школу. Он больше никогда не расстанется с ней. Как только регент его отпустил, он выбежал из церкви. Мимо прошло несколько женщин, направляясь на рынок, но среди них матери не было. Саймон стоял у церковных ворот, сжавшись, как пружина, и высматривал мамино лицо.

6

Мари приснился странный, яркий сон. Роза, Королева Цыган, протягивала ей шарф, который когда-то дала Мари. Он был украшен множеством ярких монет.

«Мариза, — сказала Роза, которая всегда так ее называла. — Это монеты твоего сердца. Одна — для Тобиана — это был сын Розы, — одна для твоего отца, одна для твоей сестры...» С этими словами она бросала каждую монету в стакан с водой, и, прежде чем коснуться воды, монетка превращалась в слезу и потом растворялась. «Одна для меня, — добавила она, улынувшись. — Одна — для каждого из мужчин, которых ты знала...» Несколько монет упали в стакан, превратившись в слезы. «А вот эта, — сказала Роза, поднимая монету, тусклую, как олово, — цвета мужчины, с которым ты сейчас. Эта последняя монета, которую ты истратишь. Найди ей хорошее применение».

Голова у Мари тупо ныла, когда она проснулась и попыталась стряхнуть этот сон. Ее придавило чувство страха. Рука Черного Джека лежала на ней, и Мари отодвинула ее. Они лежали на сеновале в одном из новых амбаров на Динзгейт. Поднявшись на ноги, она отряхнула солому с юбки — той же самой, которую дала ей Роза столько лет тому назад. Она поднесла руку к волосам, но шарф со множеством монеток давным-давно пропал.

Ей нужны деньги для Саймона — вот о чем сказал ей сон. Но она не могла не помнить о том, что все люди, которых называла Роза во сне, были мертвы. Она любила их всех, и все

они умерли.

«Но не Саймон», — сказала она себе, стараясь не поддаваться панике. Саймон в безопасности, ему хорошо в школе. Он получает образование, за которое ей надо платить.

Ей прислали письмо из школы. Сьюзен принесла ее к жене торговца шелком и бархатом, которая умела читать. В письме говорилось, что Саймону нужны деньги на книги, школьную форму, гусиные перья и простыни. И он должен каждое утро платить пенни за то, чтобы его имя записывали в журнал.

Мари рассматривала спящего Черного Джека. Его куртка и штаны были черного цвета, но это был вылинявший черный, перешедший в тусклый серый, цвета олова. В черных волосах виднелись серебристые пряди. На поясе, рядом с коротким кинжалом, с которым он никогда не расставался, был кожаный мешочек, полный денег. Мари зажмурилась. Почти непроизвольно ее рука потянулась к этому мешочку.

А когда она раскрыла глаза, Черный Джек пристально смотрел на нее. Он улыбался.

— Что это ты задумала? — спросил он.

— Ничего, — ответила Мари, отдергивая руку. — Я собираюсь на работу.

— Так рано?

— Не так уж и рано, — возразила она, стараясь говорить непринужденным тоном. — Я опаздываю.

Черный Джек сел, отряхивая одежду.

— Как знаешь, — сказал он.

Мари повернулась, собираясь уходить. Она поклялась, что никогда не попросит помощи у этого мужчины, но под влиянием какого-то порыва тихо произнесла:

— Мне нужны деньги.

— О да, — сказал Черный Джек. — Нам всем они нужны.

— Нет, — тут Мари снова повернулась к нему, — мне нужны деньги для Саймона.

Он встал, поправляя на себе куртку.

— Тогда лучше иди работать, — посоветовал он.

— Джек, — мягко вымолвила она, — если бы ты мог одолжить мне немного...

Взгляд Черного Джека сделался лукавым.

— А ради чего я стану это делать? — осведомился он и шлепнул Мари по задку. — Такая хорошенькая женщина, как ты, всегда может заработать денег, — сказал он, подмигивая.

— Но Саймону нужны деньги сейчас, для школы, — настаивала Мари. — На книги и одежду...

Черный Джек встал у нее за спиной и обнял одной рукой.

— Почему бы тебе не уйти вместе со мной? — предложил он. — Мы бы могли путешествовать — всюду, где захочешь. И ты больше никогда бы не нуждалась в деньгах.

Мари покачала головой.

— Саймон, — начала она.

— Забудь об этом парне, — отрезал Черный Джек. — Он достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе.

Он поцеловал ее в затылок, но Мари вывернулась.

— Я не могу его бросить, — возразила она. — Все, что мне нужно, — это немножко денег, пока я не получу свое жалованье.

— Если бы я давал деньги каждой хорошенькой девчонке, которая у меня попросит, то сейчас у меня бы ничего не было, не так ли?

Лицо Мари застыло. И вдруг она обернулась и поцеловала Черного Джека. Тот ответил на поцелуй, и она укусила его губу. Он засмеялся и снова жадно ее поцеловал. Они постояли, прижавшись друг к другу, потом Мари отстранилась.

— Мне пора идти, — сказала она и начала быстро спускаться по лесенке с сеновала.

Черный Джек с улыбкой наблюдал за ней. Потом повернулся, чтобы подобрать свою шпагу. И только когда он засунул ее в ножны, висевшие на поясе, то заметил, что кожаный

мешочек пропал. Лицо его помрачнело, и он выругался себе под нос. Скотившись с лесенки, он ринулся к дверям амбара и бросил взгляд на улицу. Но Мари и след простыл.

7

Мари зашла в таверну «Возница», чтобы сообщить, что увольняется. С большой неохотой трактирщик отсчитал ей в руку монеты. Мари вопросительно взглянула на него.

— Это все, — сказал он. — И считай, что тебе повезло. Я не плачу своим служанкам за то, что они меня подводят.

Мари закусила губу. На языке у нее вертелось ругательство, которому она много лет назад научилась у Розы.

— Ну что же, тогда прощай, — сказал трактирщик.

Он отвернулся от Мари, и она неохотно удалилась. Перед тем, как выйти на улицу, она окинула ее настороженным взглядом, и ей стало страшно. Не следовало ей брать мешочек с деньгами у Черного Джека, он, несомненно, будет ее преследовать. Ей бы нужно исчезнуть из города. Но она обещала Саймону, что никогда не бросит его. И ей нужно было за него заплатить школе.

Она запахнула на себе синее одеяло: шел мелкий дождь, понемногу переходивший в мокрый снег. Была суббота, а она обещала встретиться с Саймоном у церковных ворот. Придется объяснить ему, что ей необходимо ненадолго уехать. У нее болела душа: никогда он этого не поймет!

Мари прошла мимо возчиков, выгружавших бочки на Лонг Миллгейт, мимо мальчишек, игравших на улице в бабки. В это время дня в городе было особенно шумно: люди шли на рынок и возвращались с покупками; лаяли собаки, ревели ослы, и уже брели домой подвыпившие мужчины, горлая песни. Мари лавировала в толпе, погруженная в свои мысли; она направлялась на рынок, чтобы купить еды себе и Саймону.

Ей вообще не следовало связываться с Черным Джеком, но он был очень упорным и не привык к отказам. И что-то в нем напоминало ей Тобина. У него были другие черты лица и другой цвет глаз и волос, но взгляд порой становился таким, как у Тобина, и еще он был таким же бесшабашным. Тобину было всего пятнадцать, когда он умер. Иногда она размышляла о том, стал бы он таким, как Черный Джек, когда вырос.

Но это всего лишь случайное сходство. Что-то в Черном Джеке подгнило, как в испорченном яблоке. Он хвалился ей, что ранил скот одного человека за деньги, которые платил ему другой, а потом увечил скот у последнего за плату, полученную у первого. Она сказала ему тогда, что это плохой способ зарабатывать на жизнь.

— Не хуже других, — возразил он.

Теперь она украла у него деньги, и ей нельзя возвращаться в таверну. Она все испортила. У нее мелькнула мысль: а что, если она отдаст ему деньги? Она поплотнее запахнула одеяло, дрожа на ветру. Было не по сезону холодно.

На рыночной площади Мари резко остановилась. Кто-то прикрепил объявление к позорному столбу. Она не умела читать, но разобрала изображение десяти гиней. Она остановила возчика, который проезжал мимо.

— Что тут сказано? — спросила она.

— Вот тут? — переспросил он. — Это всего лишь объявление об одном преступнике. «ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ: десять золотых гиней за сведения, которые помогут поймать отъявленного преступника, Черного Джека из Энкоутса», — прочитал он, потом пристально взглянул на Мари. — Ты что — его знаешь?

Мари облизнула губы, вдруг ставшие очень сухими.

— Нет, — ответила она.

— Потому что если ты знаешь и не скажешь церковному сторожу, тебя саму высекут. И отрежут уши.

Он взмахнул рукой возле ее уха, словно в руке у него был нож, и, стегнув лошадь,

медленно поехал дальше, подняв воротник, чтобы хоть как-то защититься от мокрого снега. Мари немного постояла, не отрывая глаз от объявления. Она знала, где будет Черный Джек сегодня вечером. Он снова нанесет визит на скотный двор Ральфа Хальма. Ей не нравилось то, чем он занимался, но и выдать его было очень нехорошо. И тем не менее это решило бы все ее проблемы. Во-первых, он перестал бы ее преследовать, и, значит, она могла бы остаться с Саймоном. Во-вторых, десяти гиней хватит, чтобы уплатить долги Саймона в школе — на весь срок его пребывания там.

Она не может это сделать, решила Мари, и повернулась, чтобы идти. Но, сделав несколько шагов по площади, вернулась и, сорвав объявление со столба, поспешила к дому церковного сторожа на Лонг Миллгейт.

Она уже почти дошла до него, как вдруг ее схватили сзади. Чья-то рука зажала ей рот, и ее утащили в переулок.

— Мои деньги, милочка, — сказал Черный Джек.

Он вывернул ей запястье, и из руки Мари выпало объявление.

— Что это такое? — спросил он.

Мари лишилась дара речи. Черный Джек подобрал листок и прочитал его. Острие его шпаги укололо ее, и она отступила к стене.

— Так, так, так, — вымолвил он и взглянул на дом церковного сторожа, находившийся всего в нескольких ярдах.

— Ты бы меня выдала, ведьма? — тихо произнес он.

— Нет! — воскликнула Мари. — Я просто сорвала его.

Черный Джек посмотрел на нее, прищурившись, потом схватил за волосы и поволок по переулку, который заканчивался маленьким двориком, окруженным со всех сторон полуразрушенными зданиями.

— У меня нет твоих денег, — закричала она, — но я тебе их возьмущу!

— Леди говорит, что отдаст деньги, — сказал Черный Джек. Он закинул ей голову назад. — Последнему мужчине, который украл у меня деньги, — прошептал он, — я перерезал горло. Но ты женщина, — продолжал он, накручивая на палец прядь ее волос. — Что же мне с тобой сделать?

Мари смотрела прямо ему в глаза.

— Отпусти меня, — прошептала она.

— Я не могу, — ответил Черный Джек.

Он потащил ее на другую сторону дворика, к кустам. Мари чувствовала, как в висках пульсирует кровь.

— Джек, — сказала она, пытаюсь улыбнуться, — я бы тебя не предала. Нам же хорошо вместе — ты и я...

Взгляд Черного Джека стал жестче, но в его глазах читалось что-то еще. Мари обратилась к этой искре в его глазах.

— Саймон, — сказала она, но тут лицо его исказилось от ярости.

— Ты украла мои деньги, чтобы содержать своего полоумного сына в школе! — завопил он ей в лицо. — Разве не так?

Он был вне себя и орал, брызгая слюной. Мари смотрела на этого человека, едва узнавая его, и вдруг увидела лицо Розы, которая беззвучно ей что-то говорила. «Вот и все», — подумала Мари.

— На что ты смотришь, ведьма? — спросил Черный Джек и отвел назад руку.

В следующую секунду Мари ощутила ужасную боль в боку.

— Джек, — произнесла она слабым голосом.

— Ни один мужчина меня не обманет, миссис, — сказал он уже спокойно. — И ни одна женщина.

Он выдернул свою шпагу, и Мари рухнула на колени. Черный Джек шагнул к ней и еще два раза вонзил шпагу. Мари протянула к нему руку, но слышала лишь удалявшиеся шаги.

В глазах у нее потемнело, и становилось все темнее, пока не осталась лишь точка света в конце длинного тоннеля. В самом конце тоннеля был Саймон — малыш, еще учившийся ходить.

— Иди ко мне, Саймон, — позвала она, и он заковылял к ней, и беспокойство у него во взгляде сменилось гордостью, когда он упал в ее объятия.

Мари чувствовала его запах, влажный и теплый под летним дождем, видела его мягкие младенческие волосики. В эту минуту она точно знала, что самым прекрасным в ее жизни была любовь к нему, а самым большим даром — возможность хотя бы на секунду увидеть мир его удивленными глазами.

ГОЛОСА

Манчестер, наши дни

Кейт проснулась в темноте, не понимая, где находится, и стала медленно вспоминать. Она уснула в спальне отца и замерзла, хотя и была полностью одета. Который час? И тут ее осенило: «Папа!» Она взглянула на часы — семь утра. Неужели она спала так долго?

Кейт чихнула, слезая с кровати, и у нее начали слезиться глаза. Она стала включать повсюду свет: в ванной, на лестнице.

— Папа! — позвала она. — Папа!

Ответа не было. Сердце ее гулко забилося, когда она переходила из комнаты в комнату. Где же он?

Она зашла на кухню и удрученно взглянула на беспорядок. Скоро ей нужно в собор.

Кейт издала громкий стон. Ей совсем не хотелось идти туда. Но она не может себе позволить пропустить занятия — тогда о ней доложат. Ей нужно притворяться, что все у нее нормально.

В животе стало как-то беспокойно, может быть, дойти до телефонной будки и позвонить Бэбс? Сказать, что неважно себя чувствует. Нет, тогда Бэбс может заглянуть, чтобы ее провести.

В корзине рядом со стиральной машиной была груда грязного белья. Нужно бы включить машину: у нее совсем не осталось чистой одежды. Но прежде она налила себе чашку чая и уселась за стол, перечитывая записку отца.

Что же делать?

Бэбс не раздумывала бы ни минуты. Она уже давно позвонила бы в полицию. Если он не вернется, Кейт придется рано или поздно им сообщить. А в полиции захотят узнать, когда именно он пропал. Ей бы следовало сообщить им сейчас. Она обвела взглядом неопрятную кухню. Может быть, сначала ей прибраться? Тогда не создается впечатления, что ей не справиться одной.

Кейт начала вынимать одежду из корзины для грязного белья. Стиральная машина барахлит — ужасно шумит, и приходится все время стоять рядом, чтобы ее не заело на цикле выполаскивания. Кейт начала загружать машину, машинально проверяя карманы одежды. Она вытащила несколько монет, бумажные носовые платки, старый автобусный билет и ручку из брючных карманов отца. И тут никакой подсказки, куда он пропал. Кейт запустила стиральную машину и сунула в тостер два кусочка хлеба.

Пока она ждала, взошло солнце, огромное и ослепительное, и в его лучах стали видны пятна на окне. Кейт выглянула в окно. Все автомобили были покрыты инеем. Али из магазина напротив сметал иней с ветрового стекла своего автомобиля. Кейт побрела в гостиную. Несмотря на солнце, здесь был лютый холод, так как отключили газ. Его включают, когда отец оплатит счет. Однако пока что он этого не сделал, а если будет пить по-прежнему, отключат и электричество.

Гостиную тоже неплохо бы убрать. Именно это она и собиралась сделать на каникулах

— навести порядок в доме. Но теперь она должна тратить все свое время на этот дурацкий проект.

На бюро стояла фотография отца — на ней он получал награду от спонсоров за свои исследования. «Куда ушли все эти деньги, а, папа?» — с горечью подумала Кейт. У отца на фотографии был такой довольный и гордый вид. С минуту она рассматривала снимок, потом подошла к бюро и открыла его.

Оттуда выпал обычный хлам: старые счета, газетные вырезки, квитанции. Они ничего ей не говорили. Но сзади в бюро было запертое отделение, где отец хранил то, что не хотел показывать Кейт. Она открыла все ящики в поисках ключа, и ее оторвал от этого занятия запах сгоревших тостов.

Кейт все равно съела тосты, а потом пнула стиральную машину, чтобы та снова завелась. Она принялась за грязные кастрюли в раковине и так увлеклась домашней работой, что потеряла счет времени и тихонько выругалась, когда колокола на церкви Святого Георгия пробили девять. Теперь она снова опоздает. Кейт сунула ноги в кроссовки, застегнула молнию куртки и, открыв дверь, вышла на холод.

В соборе былолюдно. Некоторые волонтеры показывали посетителям храм. Кейт направилась к Карен, но ей загрозила путь группа посетителей, стоявших слева от перегородки хора.

— Никто не знает, сколько ему лет, — рассказывал волонтер. — Некоторые датируют его восьмым веком, когда на этом месте стояла гораздо более маленькая церковь. Надпись сделана англо-саксонскими буквами. Эти слова означают: «В твои руки, о Господи, передаю душу свою».

Кейт взглянула через плечи женщин, стоявших впереди нее. Она увидела продолговатый камень под стеклянным футляром.

— Он всегда был известен как Камень ангела, — продолжал рассказывать мужчина, и Кейт увидела, что на камне грубо высечено изображение ангела. — Первоначально он находился над входом в церковь, а когда ее перестроили, поместили сюда, над склепом. Он пережил утрату старой церкви и бомбардировку более позднего здания. Некоторые говорят, что пока Камень ангела здесь, церковь всегда будет под защитой. Даже во время Второй мировой войны здание было разрушено лишь частично.

Группа двинулась дальше, и Кейт медленно подошла к камню. Его нижний край раскрошился, и высеченное изображение стерлось от времени, так что невозможно было различить черты лица. Но фигура, по-видимому, стояла на коленях, а крылья были развернуты под каким-то странным углом. В руках у ангела был свиток почти такого же размера, как он сам, и буквы на этом свитке походили на руны.

Кейт прижала руку к стеклянному футляру. Фигурка ангела была такой маленькой, что она могла бы прикрыть ее своей ладонью.

— Что ты тут делаешь? — прозвучал у нее за спиной голос Бэбс.

Кейт отдернула руку от стекла.

— Ничего, — ответила она.

— Ну что же, ты опоздала, и тебе следует чем-нибудь заняться, — сказала Бэбс. — Нам всем раздали роли. Я буду петь соло!

Кейт последовала за Бэбс в неф, к Карен.

— Ах, это опоздавшая мисс Морли! — приветствовала ее Карен. — Очень мило с вашей стороны, что вы к нам присоединились.

Кейт ничего не ответила и попыталась спрятаться за спинами Бэбс и Нолли, что было нелегко, учитывая, что она была выше их на целых шесть дюймов.

— Боюсь, что тебе придется наверстывать, — сказала Карен. — На самом деле ты многое пропустила.

Она сделала паузу, и Кейт поняла, что Карен ждет извинений.

— Ну да, — промямлила она.

— Прости? — Карен приложила руку к уху. — Что-что?

— Я сказала, что я уже здесь, не так ли?

Выражение милого лица Карен мгновенно изменилось, и Кейт подумала, что сейчас ей мало не покажется. Но Карен лишь вздохнула и прочитала лекцию о том, как важно беречь время.

— И я не вижу тут ничего смешного, Ли Кеньон, — урезонила она мальчика, который ухмыльнулся. — Ты тоже опоздал.

— Ли всегда опаздывает, мисс, — вклинился один из его друзей. — Как всегда, описался ночью в постели.

Последовал общий взрыв веселья, и Карен подняла руку.

— Ладно, все. Пожалуйста, разойдитесь по своим группам.

— Кейт! — обратился к ней Денни, когда она отстала. — Ты с нами?

Она ответила на его взгляд.

— Мы уже почти готовы снимать, — сказал он. — Я только хочу показать вам, как работает освещение.

Кейт последовала за своей группой в заднюю часть церкви, где Денни показал им пульт управления и зажег весь свет в церкви.

— Мы установили и студийный свет таким образом, что им тоже можно управлять отсюда, — пояснил он.

Они последовали за Денни обратно по проходу, туда, где на полу, перед Камнем ангела, была каменная плита с кольцом в центре.

— Вот здесь-то мы и будем снимать наш фильм, — сказал он.

Опустившись на колени, он взялся за кольцо, и каменная плита сдвинулась. Все сгрудились вокруг Денни.

— В Манчестере больше нет настоящего склепа, — рассказывал он. — Первые были построены римлянами, но их либо затопило, либо заложили кирпичами. Когда-то здесь имелся обширный склеп, где хоронили все богатые семьи. Но сейчас у нас имеется доступ лишь к его части. Вы видите ступеньки, ведущие вниз, и остаток надгробия. Остальное скрыто от нас стеной, которую здесь построили.

Он посветил фонариком в открытый склеп. Все увидели что-то вроде строительных лесов, на которых были установлены прожектора.

— Просто мороз по коже, — пробормотал Нолли.

— Тебе непременно надо шутить, — укорила его Даниелла.

— Значит, это ужасик? — спросил Стефан.

— В некотором роде, — согласился Денни. — Думаю, мы можем назвать наш фильм «Голоса из склепа».

Все засмеялись, кроме Кейт. Она чувствовала какое-то странное нежелание спускаться в эту маленькую каменную комнату.

— Ну же, пошли, — потащила ее вниз Бэбс.

— Главное заключается в том, — сказал Денни, — что в склепе нет естественного освещения, поэтому он идеален для студии. Я хочу добиться такого впечатления, будто люди обращаются к нам из своего времени, сидя при свечах, а фоном будут служить только каменные стены.

Два прожектора были установлены на треножниках, и их можно было передвигать по полу. Один был синий, второй — белый, и оба горели ослепляющим светом. Денни сказал, что в каждом около десяти тысяч ватт.

— Очевидно, мы не будем использовать их в полную силу, — добавил он, — иначе мы все ослепнем.

И он показал им кабель, соединивший прожекторы с компьютерным пультом в одном конце церкви. Они поднялись из склепа и начали учиться включать прожекторы и приглушать их свет. Имелся ключевой свет, который фокусировался на лице объекта, и задний свет для фона. Ими можно было управлять прямо из склепа.

— А теперь звук, — сказал Денни.

В склепе уже разместили цифровой и звукозаписывающий аппараты и пару микрофонов. Они подключались к преобразователю частоты размером с большой радиоприемник, у которого спереди имелось пять бороздок с переключателями, которые можно было передвигать назад и вперед. Денни показал им, как размещать микрофоны, чтобы свести до минимума шумы, и как передвигать переключатели, чтобы ни один звук не доминировал над другими. Он вручил Кейт пару наушников. Кейт надела их и услышала какой-то звенящий звук.

— Слышишь? — спросил Денни. — Это называется звуком окружающей среды.

Он нажал на кнопку, и из звукозаписывающего аппарата донесся его голос, который произнес: «Звуком окружающей среды».

— Позже я вам покажу, как от него избавиться, — пообещал Денни. — Даниелла и Нолли займутся звуком. Кейт, а почему бы тебе не попытаться снимать?

Он протянул Кейт камеру и показал, куда смотреть.

— А теперь наклони ее — вот так, — показал он. — Держи палец вот здесь.

Бэбс смотрела в камеру в руках у Кейт, расплывшись в улыбке. Потом она накинула на себя шаль, покрывшую ее голову и плечи. Денни отрегулировал линзы для Кейт и микрофон, стоявший перед Бэбс.

— Бэбс сейчас будет читать сценарий, основанный на дневнике человека по имени Мартин Ригби, — сказал он всем. — Мартин был по профессии дубильщиком, и ему удалось покинуть город в самый разгар чумы. Спустя годы он вернулся, чтобы унаследовать дело своего хозяина, а еще позднее описал в дневнике события этого рокового года. Он рассказывает, что научился писать только на сороковом году своей жизни, когда один из его сыновей пошел в школу. Это не столько его личная история, сколько драматичный рассказ о том, что случилось с человеком, которого он знал.

Денни снова поправил микрофон, потом поднялся по ступенькам, чтобы дать сигнал Стефану включить освещение.

Это был звездный час Бэбс. Она грациозно уселась на табуретку, а Кейт встала перед ней с камерой в руках.

— Готовы? — спросил Денни с верхней ступеньки. — Начали.

Прожектор высветил лицо Бэбс, и она начала рассказывать:

— «Меня зовут Сьюзен Барлоу. Я работаю в одном из трактиров на Лонг Миллгейт...»

Денни показал Кейт, чтобы она снимала сначала с одной точки, а потом с другой. Бэбс рассказывала о том, как на Сьюзен обещал жениться человек, который был подмастерьем. Его хозяин был слишком скуп, чтобы позволить ему жениться. Потом, когда в начале 1605 года появились первые заболевшие чумой, закрыли все таверны и магазины, а вскоре и рынок.

— «Богатые быстро сбежали из города, как крысы с тонущего корабля, — продолжала свое повествование Бэбс. — Потом пришел приказ короля, что никто не должен покидать город, и возле всех городских ворот выставили стражу. Купить еды было негде. Не было солода для эля и соли для консервирования. А пекарню лорда закрыли, чтобы никто не мог печь хлеб. Люди голодали, сидя у себя дома. На улицах вспыхивали бунты, грабили лавки. Банды захватывали скот тех, кто уехал, убивали его, раздавали мясо тем, у которых ничего не было, и сжигали тела умерших на больших кострах, которые разводили в брошенных садах. Они поселялись в домах богачей, спали в их кроватях и пили вино из золотых кубков».

— «Все обвиняли настоятеля, — продолжала Бэбс, глядя в камеру. — Потому что настоятель этого прихода был известным Черным Колдуном, которого звали доктор Ди. Он заранее покинул город, и люди говорили, что он знал о том, что надвигается на Манчестер. Некоторые даже говорили, что чуму в городе он вызвал своей магией. И они ворвались в его комнату в школе и сожгли все, что нашли там: все его книги, прекрасное постельное белье и его гобелен — все это стоило тысячи фунтов, как говорили. Но к чему нам были теперь деньги?

Всю ту весну шли дожди, река разлилась и хлынула на городские улицы, и смыла недостроенные дома на берегу. На полях гнила рожь, на кладбище текли потоки коричневой воды. Мертвых опускали в общую могилу на Лугу Ангела, но дождь все лил и лил, подмывая землю, и черные раздувшиеся тела поднимались на поверхность и плавали в грязи. И тогда Оливер Картер приказал вырыть новую яму на более высоком месте, и лить на трупы негашеную известь, чтобы их растворить. Всех, кто заразился, оставляли умирать в хижинах на Коллихерст Коммон.

Однажды ко мне пришел Мартин и сказал, что его хозяин сбежал, и он больше с ним не связан. Мы тоже могли бы сбежать через старые туннели, сказал Мартин, так как он нашел путь, который затопило не до конца. Он придет за мной ночью, сказал Мартин. Мы обвенчаемся в церкви в деревне его матери.

Наконец-то, подумала я. Но в тот же день, несколько позже, я плохо себя почувствовала, меня начало лихорадить. „Это просто простуда“, — сказала я себе. И вдруг заметила опухоль под мышкой.

Я сидела на кровати у себя в комнате, глядя на стену. За окном было голубое небо, на деревьях чирикали птицы. „Вот и вся наша жизнь, — подумала я, — но другой у нас не осталось“.

Когда пришел Мартин, я не открыла дверь.

„Мартин, — сказала я через дверь, — я не могу с тобой пойти. Я останусь здесь“.

Конечно, Мартин начал со мной спорить. Он сказал, что я уже три года ною, что он никак на мне не женится. В конце концов мне пришлось приоткрыть дверь, чтобы он меня увидел, и он переменялся в лице.

„Не дотрагивайся до меня, — сказала я, думая, что он попытается меня обнять. — Не сейчас, ладно? Лучше не надо“.

Я с трудом улыбнулась, но он в ужасе отступил назад. „Сьюзен“, — сказал он, а потом повернулся и убежал, а я смотрела ему вслед».

— Синий свет, Стефан, — подсказал Денни, и воцарилась полная тишина, когда лицо Бэбс осветил жутковатый синий свет.

Кейт опустила камеру, и Денни сказал:

— Ну что же, я думаю, получилось очень эффектно.

Бэбс соскочила с табурета.

— Мы можем это посмотреть? — спросила она.

Все столпились вокруг монитора, чтобы посмотреть, какой получился фильм. Денни был мастером своего дела. Задний свет создал тени вокруг головы Бэбс, как будто она рассказывала, сидя со свечой, а синий свет изменил ее черты и цвет лица.

— Я тут выгляжу мертвой, — заметила Бэбс, и Денни объяснил, что такой и была идея.

— Не забывайте, что все эти люди умерли от чумы, — напомнил он. — А теперь мы запишем песню для саунд-трека, и я покажу, как избавиться от сопутствующих шумов.

Он придвинул микрофон еще ближе к Бэбс, и она начала петь:

Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темно-красный шиповник.

У Бэбс был хороший, немного хриловатый голос, а акустика в церкви была превосходная. Печальная мелодия звучала, трогая сердце.

Щемящее, жутковатое чувство исчезло, когда Кейт сосредоточилась на съемке фильма, но когда запела Бэбс, оно вернулось с новой силой.

Когда она допела, Денни показал им, каким образом дополнительный микрофон помогает избавиться от лишних шумов в ходе процесса, который он назвал «изменением фазы», и они снова прослушали песню — уже без «фона».

— Ну, как я тебе? — шепотом спросила Бэбс, и Кейт показала большой палец.

— Теперь нам надо кое-что отредактировать, — сказал Денни, обращаясь к Бэбс. — И

добавить саундтрек. Завтра будем продолжать съемку. Пожалуй, на сегодня все. Хорошо поработали.

Наконец-то освободившись, Кейт поспешила вниз по лестнице.

— Это будет просто потрясно! — сказала Бэбс, догнав ее. — Не могу дождаться!

— Это будет просто потрясно, — передразнила ее Лорна, проходившая мимо с Даниеллой. — Она не может дождаться.

— Эй, Лорна! Как это тебе удастся наложить такой толстый слой косметики на свою физиономию? — спросила Бэбс.

Кейт улыбнулась про себя, когда они вышли из собора.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала Бэбс.

— Спасибо.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Кейт чихнула. По-видимому, она простудилась.

— Я плохо спала, — ответила она.

Бэбс взяла ее под руку, и в кои-то веки Кейт не выдернула руку.

— Тебе бы надо собой заняться, дорогуша, — посоветовала Бэбс. — Почему бы не зайти ко мне?

Кейт заколебалась.

— Не знаю, — сказала она. — Мне нужно кое-что сделать дома.

— Что именно?

«Ждать, когда отец вернется домой», — подумала Кейт.

— Ты теперь никогда ко мне не заходишь, — посетовала Бэбс.

Это правда, подумала Кейт. И она также не приглашала Бэбс к себе. Похоже, ее жизнь стала слишком сложной.

— Ты не пойдешь по магазинам? — спросила Бэбс.

Они слились с потоком людей. Кейт покачала головой. У нее не было денег на покупки. Они направились к лужайке, поросшей травой, перед станцией метро «Виктория».

Карен сказала, что в 1605 году весь Манчестер был чуть больше, чем этот пятачок. Тогда тут была рыночная площадь, здание суда, а на улице Лонг Миллгейт, проходившей возле школы, было полно таверн. Теперь этот район благоустроили, здесь разбили парк, поставили каменные скамьи, устроили фонтан. На одной скамье обнималась парочка, на другой группа студентов распивала пиво, на третьей мать кормила сына сэндвичем. Солнце, стоявшее низко над горизонтом, слепило. Свет был какой-то хрустальный, и предметы казались от этого нереальными. Кейт прищурилась и увидела женщину в синем одеяле, торопливой походкой проходившую мимо таблички с надписью «Лонг Миллгейт».

— Ой! — вскрикнула Кейт и бросилась вслед за женщиной, перепрыгнув через каменную скамью, — к изумлению парочки, обнимавшейся на ней.

— Подожди меня! — закричала ей вслед Бэбс, но Кейт не остановилась.

Как раз в тот момент, когда она поравнялась с табличкой, — женщина по-прежнему была впереди нее, — вся эта сцена как будто внезапно исчезла...

Кейт окинула взглядом ситценабивную фабрику, Урбис и станцию метро «Виктория», но женщины нигде не было.

— Что случилось? — спросила запыхавшаяся Бэбс, которая наконец догнала ее.

— Ты видела ту женщину? — спросила Кейт, снова щурясь от ослепительного солнечного света.

— Вообще-то здесь около тысячи женщин, — сердито ответила Бэбс. — Ты не могла бы поконкретнее?

— Она закутана в синее одеяло, — сказала Кейт. — Длинные рыжие волосы...

Ее голос замер, когда она поняла, что Бэбс понятия не имеет, о чем идет речь. «Может быть, я схожу с ума», — подумала она, и на горле у нее начала пульсировать жилка.

— Похоже, это какая-то бродяжка, — сказала Бэбс. — Какое тебе до нее дело?

Кейт, ничего не ответив, откинула волосы с лица. Она вспомнила, что вокруг женщины

было не солнечно, а темно. Она бы могла поклясться, что видела снежинки.

— Ты подтверждаешь правило, подруга, — заявила Бэбс, беря ее под руку. — Люди всегда считают, что брюнетки хорошо бегают.

Это было больное место Бэбс, которая не понимала, с какой стати кому-то хочется побегать.

— А как насчет тебя, Джей-Ло?⁸ — машинально осведомилась Кейт.

Бэбс вела ее обратно, к магазинам Треугольника. Они шутливо пикировались, как обычно, всю дорогу до автобусной остановки Кейт, и той показалось, что Бэбс хочет поехать к ней в гости. Но Кейт отделалась от нее, пообещав завтра вместе походить по магазинам. Потом подошел автобус, и Кейт села в него, и как только подруга скрылась из виду, ею вновь овладела тревога.

Почему она продолжает видеть эту женщину, и кто она вообще такая?

Новолуние

1

Октябрь 1604 года

Саймону было очень холодно. Холод проникал сквозь шерстяную одежду, и болело в груди, когда он делал вдох. Из носа потекло. Он не знал, что делать. Единственное, куда еще могла отправиться его мать, — это на рынок за припасами. Немного поколебавшись и от беспокойства перепрыгивая с ноги на ногу, он в конце концов поспешил по Смити-дор к рыночной площади. Там было полно женщин, но среди них не было его матери. Ветер развеивал их длинные юбки. Саймон в ожидании стоял у водокачки.

Пришли менестрели и исполнили песню, которую часто пела в трактире Мари:

Над ней белоснежная роза цветет,
Над ним — темно-красный шиповник.

Песня так остро напомнила ему о матери, что глаза защипало от слез. Между двумя людьми, торговавшими из-за куска полотна, завязалась потасовка, и Саймон еле успел отскочить. Он приблизился к тем, кто пришел за водой.

— Вы не видели мою мать? — спрашивал он, но большинство людей смотрели на него с недоумением, будто он был не в своем уме.

Когда начало темнеть, стражник у водокачки велел ему убираться. Мимо прошел церковный сторож, звеня в колокольчик, и Саймон отступил. Он пустился бегом, сам не зная, куда направляется. Он снова оказался возле церковных ворот, но там его никто не ждал. И тогда, несмотря на запрет матери, он побежал в таверну, где она теперь работала. Но трактирщик грубо ответил ему, что она ушла от них.

— И скатертью дорога! — добавил он.

Не произнеся ни слова, Саймон повернулся и понесся в прачечную. Всю дорогу он бежал. Сначала из-за пара он не увидел Сьюзен. Потом разглядел ее, с голыми розовыми руками, по локоть погруженными в большое корыто. Заметив Саймона, она шагнула к нему, вытирая руки о передник.

— Саймон! — воскликнула она, хватая его за руки. — Как ты вырос! И ты совсем замерз!

Саймон так клацал зубами, что едва смог выговорить, заикаясь:

⁸ Эта аббревиатура — начальные буквы имени и фамилии популярной американской киноактрисы Дженнифер Лопес — так ее часто называют.

— М-м-мама.

— Ее здесь нет, — ответила Сьюзен. Потом, заметив выражение его лица, добавила: — Но я думаю, она скоро придет. Входи, согрейся.

Саймон последовал за Сьюзен к очагу.

— Вот и хорошо, — сказала Сьюзен, усаживая его на скамейку. — Тебе нравится в школе?

— Нет, — ответил Саймон. — Там ужасно!

— Как, ты же там всего неделю? — удивилась Сьюзен.

Саймон попытался вспомнить все школьные неприятности, но уже забыл их. Он мог думать лишь о том, что ему сейчас тепло в этой людной комнате, наполненной паром, с горами чистого белья, и о том, что скоро придет его мама. Сьюзен хлопотала вокруг Саймона, снимая с него промокшую куртку, и принесла ему одеяло из еще не стиранного белья.

Мимо прошла миссис Лоутер, бросив на них неодобрительный взгляд.

— Он через минутку уходит, хорошо? — сказала Сьюзен.

Миссис Лоутер, женщина с острыми чертами лица, в огромном переднике, явно считала, что тут нет ничего хорошего, но Сьюзен не стала обращать на это внимания. Она болтала с Саймоном жизнерадостным тоном, как когда-то, а когда миссис Лоутер вышла из комнаты, принесла ему миску супа.

— Миссис Баттеруорт прислала весточку, что у нее все хорошо. Собирается вернуться к Рождеству и снова открыть трактир — наконец-то все опять будет нормально. Твоя мама сможет прекратить работу в этой грязной забегаловке — говорят, трактирщик там устроил настоящий воровской притон.

— Ее там нет, — сказал Саймон и передал Сьюзен слова трактирщика.

Сьюзен очень удивилась, но вскоре собралась с мыслями.

— Ну вот, наверно, в этом все и дело, — бодро произнесла она. — Если мама потеряла там работу, ей пришлось устроиться на другую — а там ее не отпустили к тебе.

Саймона это не убедило.

— Она же сказала, что встретится со мной, — возразил он.

— Да, но ты же знаешь, какие бывают люди. Ужасные скупердяи, у которых зимой снега не выпросишь. Если она устроилась на новую работу, то ей не разрешили пойти повидаться с тобой. Ей нужно работать.

— Она мне не говорила, — упорствовал Саймон.

Несчастье полностью овладело им. Он не чувствовал вкус супа и вскоре оттолкнул миску.

— Скорее всего, у нее совсем не было возможности уйти с работы, — сказала Сьюзен, снова придвигая к нему миску.

— Но она придет сюда? — спросил Саймон, озираясь, как будто ожидал, что мать внезапно возникнет из клубов пара.

— Только если сможет, — нашла Сьюзен и сделала паузу. Ей не хотелось говорить Саймону, что последнее время его мать проводила время с Черным Джеком. — Но скорее всего она заглянет сегодня — я знаю, непременно заглянет. А когда она придет, я скажу: «Где же вы пропадали, мадам?» Так и скажу. «Оставили вашего большого красивого парня ждать вас на холоде. А он теперь такой хорошенький в своей школьной форме, и дела у него идут отлично. Настоящий джентльмен!»

Сьюзен болтала без умолку, и постепенно Саймону становилось лучше. Тепло от очага и от супа впитывалось в его плоть. Наверно, мама быстро нашла какую-то другую работу и не смогла дать ему знать. Но завтра она придет в церковь. Всем нужно ходить в церковь. Он взглянул на Сьюзен.

— Завтра я буду петь соло, — сообщил он.

— Ну вот видишь! — обрадовалась Сьюзен. — Уж это она не пропустит — ни за какие коврижки. Как не прийти, когда будет петь ее мальчик! Да никогда в жизни! — воскликнула

Сьюзен. — Она будет так тобой гордиться!

Саймон обрадовался словам Сьюзен. Завтра он увидит маму. Она придет, чтобы послушать, как он поет.

Сьюзен продолжала трещать, складывая простыни.

— Племянница миссис Баттеруорт родила недавно тройню — и все мальчики. Тройняшки! — воскликнула она. — Сразу три младенца! Ты только подумай!

Он помог ей развесить белье на длинной перекладине над очагом, потом зевнул во весь рот.

— Ты, должно быть, устал, — сказала Сьюзен. — А тут еще я все болтаю. Тебе нужно хорошенько отдохнуть ночью, непременно. Завтра у тебя важный день.

Саймон не сдвинулся с места, и она подала ему куртку.

— Сейчас возвращайся в школу. Ты увидишь маму утром.

Саймон взглянул на нее с большим сомнением.

— Она там будет?

— А как же! — ответила Сьюзен, помогая ему застегнуться. — А если там не будет, я сама с тобой пойду и найду ее. Обещаю.

Саймон пошел к дверям.

— На, возьми с собой, — сказала Сьюзен и вложила ему в руку пряник. — И уж постарайся, спой для нее завтра от всей души.

— Да, — ответил Саймон и застыл, заглядывая ей в лицо.

— Ну и куда ты сейчас пойдешь?

— В школу.

— Вот и умница. Ступай прямо туда, ладно?

Сьюзен помахала ему на прощание. Теперь, когда она ради мальчика перестала притворяться жизнерадостной, ее взгляд стал тревожным. Она не решилась сказать Саймону то, что пришло ей на ум: что его мать сбежала куда-нибудь с Черным Джеком. «Нет, она бы этого не сделала, — сказала себе Сьюзен, возвращаясь в прачечную. — Конечно, нет». Мари любит своего мальчика, уж это-то Сьюзен знает. И Саймон никогда не пережил бы такую потерю.

Сьюзен положила на стол аккуратную стопку белого белья. Нужно начать расспросы о Черном Джеке, решила она. После работы она сходит в таверны и спросит, не знает ли кто-нибудь, где он.

Саймон дважды прошелся мимо церковных ворот, все еще надеясь, что мать чудом окажется там. «Саймон!» — скажет она с упреком, а он бросится ей на шею и зароется лицом в ее волосы.

Он еще раз пересек рыночную площадь, но теперь там было пусто; мокрый снег, смешавшись с остатками овощей и мяса, превратился в скользкую слякоть. Он медленно побрел к воротам, потом спустился к крутым берегам реки, наблюдая, как над ней летают птицы, словно выпущенные из арбалета стрелы.

Саймон следил за ними как замороженный. Там, за рекой, небо было как масло, которое сбивала мама для трактира. Дыхание его превращалось в пар, как в прачечной. Ему была невыносима мысль о том, что нужно возвращаться в школу, но в конце концов, помня об обещании, которое он дал Сьюзен, Саймон повернулся и побрел обратно.

Он шел очень медленно, боясь прислушаться к биению своего сердца. Завтра он увидит маму, говорил он себе. Так сказала Сьюзен. Но когда он прошел мимо церковных ворот еще раз, то почувствовал внезапную острую боль и замер как вкопанный. Люди толкали его, отесняя в сторону. Его сердце сильно билось, и он старался услышать биение сердца матери, но напрасно. Он вытянул руку в сторону этой тишины и, словно следуя за ниточкой, медленно, нерешительно поплелся к Лонг Миллгейт.

Доктор Ди сидел в церкви. Он пришел сюда, чтобы подумать. Кит спала в его комнате. Утром начнется воскресная служба, а сейчас он был в церкви один.

Он любил приходить в церковь между службами. Было темно и холодно, и хотя сейчас здесь никого не было, он чувствовал запах крестьян, приходивших сюда, — запах конской мочи, дождя и подгнившей соломы. Дождь упорно стучал по крыше, отдаваясь в церкви эхом, походившим на хлопанье крыльев. Вода просачивалась внутрь, и отсутствие заботы о ремонте церкви постоянно вменялось настоятелю в вину.

Доктор Ди дрожал от сквозняка — ветер прорывался в окна. Грудь у него болела, и он так много кашлял, пытаясь уснуть в своем кресле, — хотя и заварил себе, листья шалфея, купленные у аптекаря, что в конце концов встал, не потревожив Кит, и вышел, заперев за собой дверь.

Кости тоже болели. Четыре года тому назад, зимой, когда была особенно ужасная погода, он так простудился, что думал — это его убьет. Он не знал, сможет ли оправиться снова после такой простуды. За эти годы он стал еще слабее. Он уже пережил большинство людей своего поколения, не зная, чему это приписать: работе всей жизни или знанию целебных свойств трав. Может быть, он и впрямь достиг бессмертия?

Кит, напомнил он себе. Он должен думать о Ките. Здесь, в тишине церкви, до него дошла вся сложность положения Кита. Как они смогут все скрывать? Им нужно уехать, причем очень быстро. Завтра Кита будут ждать в церкви. Но даже если ребенок согласится с ним уехать, может ли он передать свои познания в магии девочке?

Он сидел, погруженный в свои мысли, и вдруг до него донеслись какое-то шуршание и шарканье. Сначала он не обратил на это внимания, решив, что в церковь просто забрел с полей какой-то зверек. Однако когда звук повторился, настоятель подумал, что, возможно, зверек ранен, и, с трудом поднявшись, отправился со свечой посмотреть, что там такое.

Эхо было обманчивым. Шум доносился не от алтаря. Доктор Ди последовал дальше, в придел Богородицы. Свеча отбрасывала длинные тени на алтарь и освещала изображение Богородицы с младенцем на витраже — именно против этого витража особенно ополчился Роберт Даун. Настоятель переложил свечу в другую руку.

— Кто тут? — спросил он и услышал хныканье, не похожее на звериное.

— Говорите! — сказал он, подавляя страх.

Он увидел, как занавес вокруг алтаря шевельнулся.

Доктор Ди не был трусом, но сердце у него ушло в пятки. Он сделал два-три шага вперед.

— Покажитесь, — произнес он охрипшим голосом.

Ничего не происходило. Подойдя к занавесу у алтаря, настоятель отдернул его. Кто-то снова захныкал, и, когда настоятель наклонился, он увидел новичка, Саймона.

— Мальчик? — сказал настоятель, чуть не выронив свечу. — Что ты здесь делаешь?

Саймон ничего не ответил. Он был грязный и кутался в испачканное одеяло. К волосам прилипли трава и листья, а одеяло, как понял, приглядевшись, настоятель, было испачкано не грязью, а кровью. Он в ужасе разглядывал мальчика.

— Ты ранен, — с трудом выговорил настоятель.

Мальчик не открывал рта. Во взгляде его, как у кролика, которого сейчас убьет ястреб, уже не было страха, только полная безнадежность.

— Ты... ты не можешь здесь оставаться, — сказал настоятель и протянул руку.

Сначала Саймон не шевелился, потом ухватился своей грязной ручонкой. Доктор Ди напрягся и вытащил мальчика. Тот не хотел вставать — схватившись за плащ настоятеля, он уткнулся лицом ему в колени.

Настоятель смотрел на него, не зная, что делать. Еще одна проблема, которую он должен решить. Сколько же времени мальчик здесь находится?

— Встань, — велел он, но мальчик не шелохнулся. Вздохнув, настоятель присел на корточки, слыша, как хрустнуло у него в коленях. «Я слишком стар для всего этого», — подумал он, стараясь не дышать, потому что от мальчика разило, как из сточной канавы. Поставив свечу на пол, он приподнял лицо ребенка. Теперь черные глаза смотрели умоляюще.

— Что такое? — спросил настоятель. — Что случилось?

Вместо ответа мальчик отпустил плащ и показал ему окровавленное одеяло. Настоятель отпрянул из-за его запаха. Мальчик пролепетал что-то, настоятель не расслышал.

— Что? — повторил он, и мальчик громко зарыдал. — Где ты взял это одеяло?

— М-м-ма... — рыдал мальчик. — М-м-ма — М-м-ма...

Он скулил, как скулит от боли зверь, и эхо усиливало этот звук.

Доктор Ди легонько встряхнул его.

— Отвечай мне! — велел он.

— М-м-ма — Ма — ма... — простонал Саймон, и настоятель вдруг вспомнил мать мальчика, которая приходила с ним в церковь, когда он пел в первый раз.

— Мама? — переспросил он, снова встряхивая мальчика, и тот внезапно перестал стонать, всхлипнув в последний раз.

Черты его лица были искажены болью.

— Где она? Ее ранили?

Саймон снова ухватился за плащ и спрятал лицо в его складках. Сухие душераздирающие рыдания вырвались из его груди, мышцы свело судорогой.

Настоятель облизнул языком пересохшие губы. Может быть, мальчик пытается ему сказать, что его мать мертва?

— Что с твоей матерью? — слабым голосом спросил он.

Мальчика начала бить сильная дрожь. Настоятель взял его лицо в руки.

— Саймон? — спросил он, припоминая. — Ты Саймон, не так ли?

По глазам мальчика он увидел, что правильно назвал его имя.

— Саймон, что такое? Что-то случилось с твоей матерью? — продолжал он расспросы, крепко держа мальчика, когда тот неожиданно сделал движение, словно хотел вырваться. — Скажи мне. Она... мертва?

Снова громкое рыдание, хотя глаза мальчика оставались сухими. Настоятель слегка сжал пальцами голову мальчика, словно пытаясь вытянуть из нее его историю.

— Ты кому-нибудь говорил?

Но он знал ответ на этот вопрос. Мальчик пришел сюда, к нему.

— Ты пришел сюда, — медленно, с большим усилием выговорил настоятель, — ко мне. Почему?

Мальчик снова протянул свою грязную руку, и настоятель поморщился, когда она коснулась его лица.

— Верните ее, — прошептал он.

Ему пришлось трижды повторить эти слова, прежде чем настоятель понял.

— Вернуть ее? — переспросил он, глядя на Саймона. — Оживить?

Мальчик кивнул.

Настоятель мысленно застонал. Вот что значит его репутация. Он протянул дрожащую руку и, ухватившись за деревянную скамью, поднялся вместе с мальчиком. Он уселся на нее, и мальчик устроился рядом, не сводя с него серьезного взгляда.

Настоятель покачал головой. Он чувствовал, что изможден и сломлен. Именно этого и хочет Келли, подумал он внезапно. Некромантии. Но это не для него.

— Я не могу воскрешать мертвецов, мальчик, — сказал он и подумал, что если бы мог, то не сидел бы сейчас в этой тихой заводи.

Но мальчик смотрел на него, словно не понимая.

— Послушай, — принялся объяснять настоятель. — Мертвые — они ушли. Отправились в свое последнее путешествие. С перевозчиком душ, Хароном. По реке Стикс. В Гадес, подземное царство. — Сейчас он стал многословен, пытаясь подыскать слова, которые бы понял мальчик. — На Небеса. В рай, — добавил он. — Или в ад. Они не возвращаются.

Внезапно перед ним возникло лицо Келли, и он сразу же прогнал его. Мальчик что-то говорил.

— Я — хочу уйти, — говорил он.

— Уйти? — с глупым видом повторил настоятель.

Что имеет в виду этот мальчик?

— Куда уйти? — спросил он, но ребенок лишь смотрел на него с мольбой в глазах, и доктор Ди вдруг понял, о чем он говорит. Его сердце забилося неровно. Он вдруг вспомнил «Божественную комедию» Данте. Данте спускался в ад и вернулся оттуда. Но откуда это известно мальчику?

— Как Данте? — проверил он Саймона, но тот посмотрел на него, не понимая, о чем идет речь.

— Да, — продолжил настоятель, размышляя вслух. — Как Данте. Орфей. Персефона. Но это же всего лишь истории. Это лишь книги.

Произнося эти слова, он чувствовал, как труд всей его жизни легко рассыпается прямо у него на глазах в прах.

— Всего лишь книги, — повторил он и с изумлением обнаружил, что ему все равно.

Но мальчик снова вцепился в его плащ.

— Пошлите меня, — молил он, и настоятель похолодел, поняв, о чем он просит.

— Что ты говоришь? — прошептал доктор Ди и нервно огляделся, словно в любую минуту мог появиться кто-нибудь из членов церковной коллегии.

Саймон продолжал теребить его плащ.

— Пошлите меня, — настаивал он.

Настоятель провел рукой по лбу и внезапно ощутил там какое-то давление.

— Успокойся, — сказал он. — Ты сам не знаешь, о чем просишь.

Глаза Саймона, казалось, прожгли его насквозь.

— Я не могу *послать* тебя, — возразил настоятель. — Как же я тебя пошлю? И как ты вернешься? Никто оттуда не возвращается.

Голову сильно сдавило.

— Послушай, — терпеливо объяснял он. — Мертвые не возвращаются. Я не могу их воскресить. А живые не могут последовать за ними.

«О нет, могут», — произнес голос у него в голове.

Настоятель вздрогнул и продолжил, игнорируя этот голос:

— Что-то случилось с твоей мамой, — сказал он, собираясь с мыслями. — Тебе нужно обращаться не ко мне, а к церковному сторожу.

Мальчик неистово затряс головой.

— Чего ты от меня хочешь?

— Маму, — ответил мальчик.

Вот так просто.

Настоятель недоверчиво взглянул на него.

— Ты просишь меня *убить* тебя?

Большие темные глаза мальчика продолжали прожигать его насквозь. Тысячи мыслей, слов и объяснений роились в мозгу настоятеля. Он начал было говорить, но осекся, потом снова попытался.

— Я не могу тебе помочь, — сказал он. Объяснять было бесполезно. — Я такое не сделаю. Я не убийца, мальчик. — Он слегка повысил голос от обиды на несправедливость тех, кто порочил его. — Я не убийца, — повторил он, — и я не понимаю тайны жизни и смерти.

Ну, вот, слово и сказано. Простая истина, заключающаяся в том, что труд всей его жизни был ни к чему.

— Я не знаю, где твоя мать сейчас, после смерти, и не могу послать тебя к ней. Я не знаю, как это сделать. Я ничем не могу помочь.

«О нет, старина, можешь», — сказал голос.

Доктор Ди вдруг закричал:

— Убирайся!

Его голос подхватило эхо в церкви. Мальчик вздрогнул от этого шума, но не сводил глаз с настоятеля. Словно он *знал*.

— Я видел его, — сказал он. — Того человека — в вашей комнате.

Вне себя от ужаса настоятель вспомнил, что Саймон видел Келли.

— Он заберет меня, — сказал мальчик.

Настоятель задохнулся, словно из него выкачали весь воздух. И одновременно в глазах у него потемнело, вокруг закружились тени. Он прижал к ним руки и увидел мерцающие огоньки. Ему показалось, что сейчас он или потеряет сознание, или с воплями ринется из церкви. Но потом он понял, что должен сохранять спокойствие.

— Я не хочу иметь с ним ничего общего, — заявил он.

«Ну что же, очень мило, — сказал Дух. — И это вся твоя благодарность?»

Настоятель медленно поднял лицо. Он не станет отвечать. И не станет оглядываться, чтобы чего-нибудь не увидеть. Ему нужно подумать. Члены церковной коллегии, вспомнил он. Они скоро придут в церковь.

— Ты не можешь здесь оставаться, — сказал настоятель, размышляя вслух.

Но куда же пойти этому мальчику? Только не к нему в комнату. У него и так уже Кит. Как это будет выглядеть, если члены коллегии обнаружат обоих учеников у него в комнате?

И вдруг настоятель вспомнил о потайном месте в церкви. Склеп. Он вздрогнул. Не самое приятное место, чтобы скрыться, но, быть может, это отобьет у мальчика охоту следовать за мертвыми. И даст время настоятелю подумать.

— Кто-то идет, — сказал он. — Тебе надо спрятаться.

Опасаясь, как бы не столкнуться с Келли, настоятель встал и покинул придел Богородицы, направляясь к главному алтарю. Он не оборачивался и не смотрел по сторонам.

— Тут есть потайная комната — вот здесь, — сказал настоятель, отыскав железное кольцо, вделанное в пол. Он заставил себя оглядеться. И с облегчением убедился, что видит только Саймона. — Это склеп. Мне жаль, но это лучшее, что я могу предложить. Ты ел? Если ты подождешь меня там, внизу, я принесу тебе поесть. Ты понимаешь?

Он открыл люк, за ним оказалась лестница.

Мальчик не двинулся с места.

Настоятель вздохнул.

— Послушай, — сказал он, — я подумаю о том, что ты мне сказал. Я справлюсь в своих книгах — обещаю. Но сейчас тебе нужно спрятаться. Это не самое приятное место, но тут безопасно, а если повезет, ты тут излечишься от своего желания присоединиться к мертвым. Ты понимаешь?

Мальчик медленно кивнул. Он направился к нему, и глаза его, казалось, насквозь видят настоятеля. Тот вздрогнул, когда Саймон начал спускаться в склеп.

«Это билет туда», — сказал знакомый голос ему в ухо.

У настоятеля сдавило горло.

— Это ненадолго, — сказал он, и какое-то странное эхо повторило его слова. — На, — сказал он мальчику, передавая свечу.

Тот уже стоял у подножия лестницы, глядя вверх. Его лицо выглядело потусторонним в свете свечи.

И вдруг настоятелю показалось, что он смотрит на мальчика через длинный темный тоннель.

«Новолуние, — сказал Дух. — Ты нашел мальчика, ты нашел склеп. Остальное предоставь мне».

И тут настоятель ощутил прилив таких невероятных сил, что забыл и о старости, и об усталости. Все казалось возможным. Тьма закружилась у него в голове.

— Если ты действительно хочешь это сделать, — произнес он хрипло, каким-то чужим голосом, — возможно, я смогу помочь.

И, не дожидаясь ответа, он опустил крышку люка, и она захлопнулась с лязганьем, которое повторило эхо.

Кейт вошла в пустой дом. В прихожей по-прежнему было не убрано, в кухне все так же царил беспорядок. Она забыла вынуть одежду из стиральной машины.

В гостиной бюро так и стояло открытым — так, как она его оставила; на полу были разбросаны бумаги. Она подобрала их и сложила стопкой, потом замерла, оглушенная тишиной.

Ее взгляд упал на потайное отделение бюро. С минуту поколебавшись и вспомнив, сколько раз отец говорил ей, что это сугубо личные бумаги, она отправилась на кухню и вернулась с двумя отвертками и молотком.

Сначала она попыталась ввинтить маленькую отвертку в скважину, чтобы отпереть замок, но не смогла. Тогда Кейт, используя большую отвертку как зубило, вставила ее в щель и стукнула по ней молотком.

Отец пришел бы в ярость от того, что она наделала, но в конце концов замок сломался, и она увидела старую книгу в кожаном переплете. Кейт вынула ее и раскрыла.

Она не знала, что ожидала увидеть. Может быть, коробку, полную денег. Или карту, которая подсказала бы ей, где отец. Но только не это.

Листы крошащейся желтой бумаги, толстой, как пергамент, были покрыты странными буквами, расположенными в таблицах. Кейт осторожно перелистала книгу. Всего девяносто восемь таблиц. Кейт ничего в них не разобрала. По-видимому, это был какой-то шифр. Она смотрела на значки, и в глубинах ее памяти что-то смутно забрезжило. Но она не могла припомнить, где видела их прежде.

И тут она заметила на последней странице какой-то небрежный рисунок. Кейт сразу же узнала его — это был Камень ангела из собора.

Сердце Кейт бешено забилося. Казалось, что кто-то срисовал камень, а потом перенес этот рисунок в книгу. Были точно переданы и полустертые черты лица ангела, и взгляд искоса, и странный наклон крыльев, и свиток. Вокруг рисунка были символы луны: в ее первой и последней четверти, а еще — полная, настолько Кейт смогла разобрать. В верхней части рисунка был очерчен черный круг, который, как она предположила, означал новолуние, а под ним фраза: «12 часов ночи».

У Кейт еще сильнее забилося сердце.

Двенадцать часов ночи — это же полночь, не так ли?

А Камень ангела находится в соборе.

Уж не собирается ли ее отец пойти в собор в полночь, во время полнолуния?

Зачем?

Она напонила себе, что не знает, когда была сделана надпись, — к какому дню относилась. Но если этот символ означает новолуние...

Кейт вернулась на кухню. Она нашла календарь, засунутый в ящик. У отца всегда имелся календарь с фазами луны. Да, вот он. Случайное это совпадение или нет, но 31 октября, в субботу — новолуние.

Раздался очень громкий стук в дверь. Кит проснулась с бьющимся сердцем. Сначала она не поняла, где находится, затем вспомнила — в комнате настоятеля.

Стук повторился.

— Доктор? — послышался голос младшего учителя. — Откройте дверь!

«Где же доктор Ди?» — подумала Кит, окидывая взглядом комнату.

— Я знаю, вы там, — продолжал младший учитель. — Вы должны немедленно открыть дверь.

Кейт приподнялась в постели, когда учитель дернул за ручку, потом, к своему огромному облегчению, поняла, что дверь заперта. Ей не хотелось вступать в объяснения.

Учитель так сильно заколотил в дверь, что Кит испугалась за костяшки его пальцев.

— В школе пропали два мальчика... — сказал он.

«Два?» — удивилась Кит.

— Мастер Морли и тот другой мальчик, дурачок!

«Саймон?» — предположила Кит.

— Мы знаем, что Кит Морли был у вас в комнате. Мы без особого труда выпытали у мальчиков всю историю. Если вы меня не впустите, — пригрозил он, — я пошлю за директором и членами церковной коллегии, и мы взломаем дверь.

Кит в тревоге теребила свою рубашку, но учитель только стукнул в дверь еще раз, а потом удалился, пробурчав: «Очень хорошо».

Кит лежала, не сводя взгляда с двери. Ее заперли, это ясно. Но который сейчас час? И где настоятель?

Откинув простыни, Кит осторожно поднялась, чувствуя резкую боль в боку. На спинке стула висела ее одежда, испачканная в крови. Ее старая одежда, из ее прежней жизни мальчика.

Хромая, Кит подошла к гобелену и откинула его. Даже ходила она теперь как-то не так, как будто теперь, когда она призналась, что была девочкой, сама не знала, как двигаться и даже как думать. Проверив пальцами, она нашла потайную панель. Хорошо. По крайней мере, она здесь не в ловушке. Ей не нравилась мысль о том, что она заперта в комнате настоятеля, к тому же ей, возможно, придется воспользоваться потайным ходом, если придут члены церковной коллегии.

Даже стоя у потайной двери, девочка слышала шаги в коридоре. Сердце у нее ушло в пятки. Инстинктивно она распахнула потайную дверь и застыла на пороге.

На этот раз до нее донесся голос Чабба.

— Кит! — позвал он. — Кит, ты здесь?

— Кит, — повторил он. — Директор взбешен. Этот дурак Хьюитт все перепутал. Мы все вместе вернулись из таверны, как всегда пьяные, а младший учитель нас поджидал. Он спросил Хьюитта, где ты, а тот, как идиот, ответил: «С младшим учителем». А теперь младший учитель пошел за членами церковной коллегии и за всеми, кого сможет найти. Они в считанные минуты взломают дверь. Если ты там, тебе лучше меня впустить.

Кит ничего не ответила, нервно сглотнув. Во рту у нее пересохло.

— Надеюсь, этот старый колдун не проводит на тебе эксперименты, — сказал Чабб, слегка повысив голос и дергая дверную ручку.

Кит отступила в потайной ход, хотя знала, что Чабб не сможет в одиночку открыть дверь.

— Мне жаль, что все так вышло, — сказал Чабб. — Я хотел перед тобой извиниться. Впусти меня, пожалуйста.

Кит отступила еще дальше и ушибла обо что-то локоть. Она чуть не вскрикнула, но потом поняла, что это одно из зеркал настоятеля. Она поставила его поустойчивее, прислонив к стене. Последовала долгая пауза, потом Чабб сказал:

— Ну, как хочешь, — и она услышала удаляющиеся шаги.

Кит судорожно вздохнула. Что же ей делать? Она не может и дальше тут прятаться. Но ей совсем не хотелось встретиться лицом к лицу с одноклассниками. Ей все равно, жаль Чаббу или нет. Все изменилось.

И тем не менее она могла бы это сделать. Снова надеть школьную форму, опять притворяться и позволить им увести себя в школу. Но она уже не могла представить, что сможет жить прежней жизнью. Возврата нет.

Но что сказал настоятель? Что она могла бы жить с ним как его дочь и обучаться магии? Уж лучше что угодно, только не это.

Кит стояла так долго, что у нее разболелся бок. Она осторожно вернулась в комнату. Что она может сделать — так это одеться, тогда она, по крайней мере, будет готова. Она же не может бежать по улицам в одной рубашке.

Кит натянула окровавленную одежду. Все казалось незнакомым, словно она попала в другой мир. Ей казалось, что ее преследует призрак ее другого «я» — маленькая девочка, которая становится старше, в платьях из парчи, с широкими юбками, с длинными волосами,

спадающими на плечи. В возрасте Кит ее мать уже была замужем. Кит еще могла представить свое прошлое в качестве девушки, но будущее оставалось ужасающе неведомым — словно дверь, открывшаяся в пустоту.

Ей нужно поговорить с настоятелем, и как можно скорее. Он — единственный человек, который знает, кто она. Может быть, он ушел в церковь, подумала девочка. Туда-то она и отправится, воспользовавшись потайным ходом.

А может быть, настоятель оставил ей записку, указав, куда ушел? Она обвела взглядом комнату. Все было, как обычно. Ни к чему не притрагивались. На письменном столе лежали какие-то бумаги и открытая книга, страницы которой были исписаны его почерком. Кит взглянула на странные значки.

Енохианский язык.

Как много времени прошло с тех пор, как Кит начала заниматься этим сложным языком. Она отставила его, как только появилась такая возможность. Кит медленно листала страницы, пытаясь найти что-то вроде сообщения, но на это не было и намека. Когда же вернется настоятель? И что случилось с Саймоном?

Ей вдруг пришло в голову, что он сбежал. К своей матери и лесам. Она ощутила что-то вроде зависти. По крайней мере, Саймон знал, куда ему хочется уйти.

Кит застегнула куртку и остановилась, внезапно ощутив страх при мысли, что ее увидят. Она усомнилась, похожа ли еще на мальчика, но тут вспомнила о зеркалах. Подойдя к потайной двери, она вытащила оттуда одно. Это было самое высокое, которое стояло на ножках, — то самое, перед которым она фехтовала со своим отражением, как с противником.

Она подтащила его к единственной свече, которая еще не погасла. Потом сняла с зеркала завесу.

Мир словно бы покачнулся, а потом встал на место. Кит споткнулась и чуть не упала. В зеркале отражалась девочка, которую Кит никогда прежде не видела. Девочка такая странная, что Кит едва понимала, на что именно она смотрит. Она сделала стремительное движение рукой, чтобы не упасть, и фигура в зеркале протянула свою руку к Кит. У нее были бронзовая кожа, непослушные темные волосы и глаза чернее ночи. Одежда была какой-то диковинной, так что трудно было догадаться, что это девочка. Но Кит знала.

В ушах у нее так зашумело, словно вода ринулась из желудка к горлу, и Кит сделала шаг назад. Поверхность зеркала сияла холодным блеском. Отражение исчезло. Схватив покрывало, Кит набросила его на зеркало. Она почувствовала, как у нее подогнулись колени, и схватилась за спинку стула.

«Ничего не было, — сказала она себе. — Игра света. Или один из демонов настоятеля». Однако размышлять об этом некогда. Одно было несомненно: ей нельзя оставаться в этой комнате. Сюда придут члены церковной коллегии, и кто знает, какое еще колдовство и магия таятся здесь? Ей некуда пойти в городе, кроме церкви. «Настоятель», — подумала она. Ей нужно найти настоятеля, а он должен помочь ей решить, что делать.

Кит взяла свою шпагу. Ее знакомое прикосновение успокаивало. Дрожа от страха, она вернулась к потайной двери. Ей сделалось не по себе, когда она заглянула в темноту за потайной дверью. Там другие зеркала, и как знать, что в них скрыто? Но это ее единственный выход из комнаты. Она шагнула вперед, удостоверившись, что гобелен вернулся на место, и, тихонько бормоча молитву, вошла в темноту потайного хода.

Хальм после одиннадцати часов вечера был не лучшим местом для прогулок. Кейт надела темно-серую куртку с капюшоном и джинсы. Она достаточно высокая и худенькая, чтобы ее можно было принять за мальчика, а если еще опустить капюшон — будет совсем хорошо. Она стояла перед зеркалом, рассматривая себя, потом протянула руку и слегка наклонила его, чтобы какие-то необычные отблески и тени не искажали ее отражение. Вдруг ей показалось, что она видит что-то странное, но когда поднесла руку к зеркалу, это видение исчезло. «Снова мне что-то мерещится», — сказала она себе и наклонилась, чтобы завязать шнурки. Она всегда носила кроссовки — вдруг придется бежать. Она бегала быстрее всех в

классе.

На площади какие-то юнцы трясли банками с немецким пивом, обливая друг друга пеной. Кейт прошла мимо них с опущенной головой, но один из парней отделился от группы.

— Куда это ты идешь? Эй, ты, куда идешь?

Не обращая на него внимания, Кейт сунула руки в карманы. Он был так близко, что она видела пушок у него над верхней губой и чувствовала запах засаленной одежды, обрызганной пивом. Когда она проигнорировала юнца, он отступил к своим и отпустил какую-то шуточку, вызвав смех дружков.

На главной улице какая-то бочкообразная старуха стояла перед объявлением, висевшим на стене церкви. В нем говорилось: «Читай постоянно Библию, дабы не утратить истину». На женщине был шерстяной свитер, надетый под армейский мундир. Агрессивно выпячивая подбородок, она выкрикивала всем, кто проходил мимо:

— Вы меня осуждаете? Вы меня осуждаете?

К счастью, уже подходил автобус, и Кейт села в него. Но и в автобусе было не лучше. На следующей остановке вошел мужчина, размахивавший пивной банкой, и стал, шатаясь, пробираться по проходу, на ходу проливая пиво.

— Тьфу, — произнес он несколько раз.

Кейт отодвинулась на своем сиденье, когда он проходил мимо. Она ощупывала содержимое маленького рюкзака, который захватила с собой. На всякий случай она положила туда складной нож и фонарик.

Потом в салон вошел мужчина с бульдогом и всю дорогу громко переговаривался с водителем.

— У тебя есть собака, дружище? Бульдоги — самые лучшие собаки. У меня когда-то был бульдог по имени Сара, копия моей жены.

Кейт смотрела на мелькавшие за окном огни, светящиеся зеленые кресты аптек, металлические решетки и жалюзи витрин магазинов.

На улице было полно людей, выходивших из пивных и таверн. Ночь была ветреная и сырая, но не слишком холодная. Треугольник перед собором был ярко освещен. Урбис мерцал зеленым светом на фоне ночного неба, на Центре Арндейл сияла неоновая вывеска. Из-за всего этого электрического сияния Кейт не могла определить, действительно ли сейчас полнолуние.

— Дала бы ты нам немного мелочи, милая, — обратился к ней внезапно выросший впереди мужчина, но Кейт прошла мимо, не произнеся ни слова.

Оказавшись на месте, она не знала, что делать. Обойдя вокруг собора в поисках отца, она не заметила никого, кто бы его ждал. Сгорбив плечи, она встала у главного входа, который, конечно, был заперт.

Ей не удастся встретиться с отцом внутри собора, если он закрыт.

Дождь начал проникать под ее капюшон. Кейт сунула руки поглубже в карманы, дрожа от холода. Она решила еще раз обойти вокруг здания.

У северной стороны она остановилась, глядя на маленькую открытую дверь, которую не заметила раньше. Быстро оглянувшись, она снова посмотрела на дверной проем. За ним простиралась темнота.

Она точно помнила, что раньше здесь не было двери, а если и была, то закрытая. Может быть, отец с кем-то встречается в соборе. От этой мысли у нее участилось дыхание, и кровь застучала в ушах. Да, все именно так, подумала она. Там ее отец, и ей нужно идти. Не давая себе время на раздумья, она проскользнула в темноту, роясь в рюкзаке в поисках фонарика.

Темнота и тишина. Все ощущение внешнего мира исчезло. Кейт зажгла фонарик. Его тонкий луч освещал только то, что поблизости. Ей нужно пройти дальше, в неф. У нее ушло несколько минут, чтобы понять, в какой части собора она находится. Все тут было так, как

они оставили утром. Возле открытого склепа стояли студийные прожекторы. Вот и видеомонитор. Кейт посветила фонариком вокруг. А это пожарное окошко, вставленное после бомбардировки церкви во время Второй мировой войны.

Кейт стояла, не зная, что ей делать. Что происходит? Холодный воздух создавал какое-то странное ощущение пустоты. Кейт хотелось уйти, но не могла же она просто убежать.

— Папа! — позвала она неуверенно, и голос прозвучал как-то неестественно громко.

Ответа не было — да она и не надеялась его услышать. Правда, она не поняла, почувствовала ли она облегчение или страх.

— Папа! — позвала она снова, и вдруг рядом с ней включился видеомонитор.

Кейт показалось, будто она подпрыгнула на несколько футов. Послышался щелчок, и экран осветился. Пленка начала крутиться.

— Звук окружающей среды, — произнес голос Денни, и Кейт отпрянула от монитора, когда на нем появилось лицо.

Сначала она его не узнала, но потом поняла, кто это. В записях, которые ей дали, есть его портрет, подумала она, и тут ее осенило, что это не портрет. И все же она знала, кто это такой. Доктор Ди.

Он смотрел на Кейт, а она — на него. Казалось, он смотрит с экрана прямо на нее. Когда он заговорил, сердце у нее екнуло.

— Когда я впервые его встретил, его звали Эдвард Келли, — сказал он.

Кейт рванулась к монитору и нажала на кнопку «выключено». На экране сразу же зареяло, потом изображение прояснилось, и снова появилось лицо настоятеля.

— Когда я впервые его встретил, его звали Эдвард Келли, — сказал он.

С приглушенным криком Кейт схватилась за кабель, соединявший монитор с розеткой в стене. Монитор был включен. «Это Денни», — подумала она. Наверно, отснял кусок про настоятеля для фильма. Она вытащила вилку из розетки, и на экране снова появилась рябь. Потом к ее ужасу рябь исчезла, и экран снова заполнило знакомое лицо.

— Когда я впервые его встретил, его звали Эдвард Келли, — сказал он.

Кейт попятилась от монитора, прижав руку ко рту.

— Это не было настоящим именем, даже тогда, — продолжал старик. — Но мне он назвал именно его.

Кейт ударилась о каменную колонну и замерла. Сердце у нее так бешено стучало, что она едва могла слышать настоятеля.

— Он был вором и подделывал документы, но при этом я не встречал никого, кто бы лучше него умел смотреть в магический кристалл. А это, знаешь ли, означало, что он мог видеть ангелов, — сказал настоятель, глядя на Кейт. — Он дал мне определенные доказательства этого, и я никогда не сомневался в его способностях.

— Стоп! — сдавленным голосом произнесла Кейт, и лицо на экране замолчало.

Кейт закрыла глаза и почувствовала, как тверд камень у нее за плечами.

— Я не знаю, кто вы, — сказала она, — и почему вы со мной говорите. Но это нужно прекратить. Сейчас же.

Молчание. Ей пора уходить. Она должна уйти сейчас, пока еще можно. Но она осталась стоять, и голос продолжил.

— Он сказал: «Беда Библии в том, что события в ней излагаются с определенной точки зрения», — объяснял монитор, и Кейт открыла глаза, потому что голос изменился.

Но с экрана на нее по-прежнему смотрело лицо настоятеля.

— Вся эта история о том, как Адама и Еву выгнали из райского сада, — продолжал он не своим голосом. — А за что? За то, что женщина хотела мудрости. Перечитай-ка снова Библию, старина, и посмотри, что в ней сказано. А сказано там, что посередине Сада было Дерево Жизни и Дерево Познания Добра и Зла. И Бог сказал: «Вы не должны есть с дерева, которое посередине сада, — дотронетесь до него, и вы умрете».

Кейт хотелось его остановить, но она не могла пошевелиться.

— Когда вам так говорят, что же еще остается делать? Змей говорит Еве: «Ева,

старушка, почему ты думаешь, будто Бог не хочет, чтобы ты дотрагивалась до того дерева? Потому что Он знает, что когда ты дотронешься, — а ты это сделаешь, — твои глаза откроются, и ты станешь точно такой же, как Бог, познав Добро и Зло. Ну давай же, попробуй!»

«О, я не могу», — говорит Ева. «Ну конечно же, можешь», — отвечает он. «Нет, нет, мне правда нельзя», — возражает она, и так это продолжается дальше. Но тогда Змей говорит: «Что же это за Бог, который не хочет, чтобы его дети выросли? Какой же родитель не хочет, чтобы его дети стали совсем взрослыми, как он сам? Итак, в конце концов она, конечно, делает это, и весь ад вырывается на свободу. Если можно так выразиться».

Кейт потрясла головой. Какое отношение все это имеет к ее отцу? Или к ней? Но настоятель еще не закончил.

— Мужчина обвиняет женщину, женщина обвиняет змея. Но в результате их всех выбрасывают из Рая. А Бог помещает ангела с пылающим мечом на восточной стороне и говорит ангелу: «Человек теперь, как один из нас, он познал Добро и Зло. Ему нельзя позволить прикоснуться еще и к Дереву Жизни, ибо тогда он будет жить вечно».

Кейт подумала об исследованиях своего отца.

— Но давай-ка предположим, — продолжил настоятель, — всего лишь предположим, что единственный путь для Человека вперед — это путь назад, к другому дереву. В конце концов, он же съел уже первый плод, не так ли? И теперь ничего с этим не поделаешь. Предположим, что единственный способ исправить дело — это добраться до другого плода?

Настоятель закончил свой рассказ и посмотрел на Кейт. Потом снова заговорил своим собственным голосом.

— Так он говорил со мной, а я слушал. — Лицо его было кротким и печальным.

К Кейт вернулся дар речи.

— Я не понимаю, — сказала она.

— Слушай меня, — велел настоятель. — С самого своего начала Человек пытался победить тьму. Твое поколение ничего не знает о тьме. Ты знаешь, почему люди боятся темноты? — осведомился он непринужденным тоном.

Кейт не собиралась отвечать на этот вопрос, да настоятелю, по-видимому, и не требовался ответ.

— Это потому, что только в темноте, в абсолютной темноте, а не при свете луны и звезд или при свете лампы — только в темноте мы понимаем, кто мы такие на самом деле.

Кейт хотела было спросить, какое это все имеет значение, но настоятель продолжил:

— Человечеству пока что не удалось победить абсолютную Темноту. В каждом поколении есть те, кто верит, что вечная жизнь — это единственный путь вперед для человечества. Существо, которое было Эдвардом Келли, действует через таких людей. Но он хочет бессмертия только для себя. Бессмертия плоти, а не души. А для этого ему нужно тело.

— Тело? — эхом повторила Кейт.

— Это не простая вещь, — заметил настоятель. — Он пытался много раз и терпел неудачу. Ему нужно не просто любое тело — оно должно быть молодым. И это должно произойти не где-нибудь, а именно здесь.

Кейт показалось, что она попала в какую-то причудливую вселенную, где ничего не имеет смысла.

— Почему? — спросила она, имея в виду — почему здесь, в центре Манчестера?

Вместо ответа настоятель повернул голову. Проследив за его взглядом, Кейт увидела, что он смотрит на Камень ангела над склепом.

— Камень ангела, — произнес он с благоговением. — Символ самого Человека — вечная душа, пойманная в смертную оболочку, как в ловушку. Он старше церкви, намного старше. Никто не знает, сколько ему лет на самом деле.

Кейт едва видела очертания ангела. В руках у него свиток, а не меч, вспомнила она.

— «В твои руки, о Господи, предаю душу свою», — процитировал настоятель. — Вот что означают эти слова. Акт воплощения и акт смерти. Жизнь и Смерть.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — в отчаянии вымолвила Кейт.

— Он был здесь все время! — почти весело произнес настоятель. — А мы и не знали. Чтобы ритуал сработал, его нужно совершать в присутствии ангела. Чтобы душа вселилась в тело навсегда — вечное пламя в смертной оболочке. Конечная тайна.

Настоятель снова обратил взор к Кейт. У нее было такое чувство, словно она пытается пробудиться ото сна.

— Но — как? — спросила она. Он не ответил, и тогда она закричала: — Что я должна делать?

— Ты должна быть здесь, — ответил настоятель. Потом картинка на мониторе опять зарябила и исчезла. Кейт тупо смотрела на погасший экран.

Ей очень хотелось уйти, но она ведь так ничего и не нашла. Она не продвинулась в поисках отца. Она не может сейчас уйти, у нее накопилось слишком много вопросов. Но в соборе пусто. Здесь никого нет.

И тут она услышала какое-то движение у себя за спиной и резко обернулась. Из гробницы лился мерцающий свет, и голос читал нараспев. Она мгновенно повернулась к монитору, но на экране по-прежнему не было никакого изображения. Кейт осталась наедине с мерцающим светом и пением, доносившимся из склепа.

Как только Кит вошла в церковь, она услышала голос настоятеля, но не могла понять, откуда он доносится. Сначала она услышала только звук и пошла на него, но потом ее поразили слова, и она остановилась, прислушиваясь.

— «Одна сторона скалистой цитадели образовала огромную пещеру, в которую вели сто ртов, из которых струилось столько же голосов».

Кит сразу же узнала этот отрывок. Он был из «Энеиды», в которой Эней спускается в подземное царство. Мальчикам не полагалось читать эту книгу из-за того, что там изображалась загробная жизнь, но все равно они ее читали. Несмотря на это Кит была поражена, когда услышала, как эту книгу читают в церкви вслух. Она пошла на голос настоятеля, хотя это было нелегко, так как эхо отдавалось в церкви и звучало, как сто голосов Сивиллы.

— «А теперь пришло время спрашивать о вашей судьбе...»

Кит заметила тусклый свет, который, казалось, пробивался из-под пола. Она вздрогнула, заметив вдруг, что люк в склеп открыт. Так это там настоятель занимается своей черной магией?

Рука Кит невольно потянулась за шпагой. Она присела на корточки, потом легла на живот и поползла к открытому склепу.

— «Сивилла стояла перед ними, и ее неистовое сердце билось в экстазе. Чем больше пыталась она потрясти великого бога, тем сильнее он напрягал ее пенный рот, пока сто огромных ртов ее обиталища не дали ответ ветру...»

Кит наконец одолела последние дюймы. От того, что она увидела, у нее душа ушла в пятки и забегали мурашки по спине.

Настоятель стоял, читая нараспев над телом Саймона, который лежал на надгробии, завернутый в окровавленное покрывало. Вокруг него горели четыре свечи — в головах и ногах, слева и справа от тела. Он не шевелился.

«Он мертв, — подумала Кит, — настоятель убил его». Она знала, что нужно бежать за помощью, но не могла сдвинуться с места. Казалось, эта сцена впечаталась у нее в мозги. К своему ужасу, она заметила, что в гробнице мертвые животные. Петух был подвешен за лапы, и его кровь медленно капала на пол, а в углу лежал труп кошки. Может быть, на одеяле Саймона кровь животных? Он действительно мертв? А если так, то почему настоятель декламирует над ним?

— «Ни один человек не войдет в потаенные места земли, прежде чем сорвет золотую листву...» — прочел настоятель и положил цветущую ветвь на грудь Саймону, а потом, по-видимому, вложил что-то ему в рот.

«Сделай же что-нибудь!» — сказала себе Кит и так сжала кулаки, что побелели костяшки пальцев.

Настоятель поднял голову, и Кит в тревоге прижалась к полу. На нем было ритуальное одеяние — это Кит поняла: такой одежды она никогда прежде не видела.

— «Легко спуститься к озеру, где нет птиц», — читал он нараспев, затем что-то поднял в левой руке.

Распластавшись на полу, Кит не смогла разглядеть, что это за предмет.

— «Тогда земля взревела под ногами, поросшие лесом скалы затряслись, и собаки завывали во тьме... — простонал настоятель. — Здесь начинается дорога, которая ведет к кипящим водам Ахерона...»

И тут Кит увидела, что именно сжимает в руке настоятель — нож.

Вскочив на ноги, она плавным движением выхватила из ножен шпагу. Вот оно, наконец! Пришло время выяснить для себя, герой она или трус.

— Доктор! — закричала она во всю мочь. — Что вы делаете?

Настоятель смотрел, как она несется вниз по ступеням, размахивая шпагой.

Глаза у него были совершенно черные, как камень обсидиан. Мгновение они стояли пораженные, не отрывая глаз друг от друга, но не успела Кит заговорить, как ослепляющий яркий свет залил склеп.

Кейт озиралась по сторонам, но больше не видела настоятеля. Было темно, свет просачивался только из склепа. Нет, в склеп она не пойдет. Ни в коем случае.

— «На темном дереве спрятана золотая ветвь, — нараспев читал голос. — Ни один человек не войдет в потаенные места земли, прежде чем сорвет золотистую листву с этого дерева...»

«Ни за что», — мысленно повторила Кейт. Она начала пятиться от склепа. Она не знала, что происходит там, внизу, и ей было все равно. Сейчас ей нужно выйти на улицу, сказала она себе, и позвать полицию.

— «Тогда земля взревела под ногами, поросшие лесом скалы затряслись, и собаки завывали во тьме...»

«Это похоже на мессу, — подумала Кейт, — или на погребальный ритуал. Какой-то ужасный обряд над усопшими».

Она отступила еще на несколько шагов и чуть не вскрикнула, наткнувшись на что-то твердое.

— «Легко спуститься к озеру, где нет птиц», — читал голос.

Обернувшись, Кейт разглядела компьютерный пульт, с которого управляли всем освещением в соборе.

— «Здесь начинается дорога, которая ведет к кипящим водам Ахерона», — завывал голос, но тут другой голос вдруг заговорил прямо в ухо Кейт, так что она подскочила.

— Кейт, — сказал он. — Твое поколение ничего не знает о Тьме, но мое ничего не знает о Свете.

Кейт резко повернулась, отчаянно стараясь понять, откуда исходит голос, но слышала лишь слова, доносившиеся из склепа. И вдруг она поняла, что это один и тот же голос. Настоятель был внизу, в склепе, где читал нараспев, и одновременно он был наверху и беседовал с Кейт.

В голове у Кейт одна мысль с бешеной скоростью сменялась другой, но прежде чем она смогла хоть немного разобраться в том, что происходит, зазвучал третий голос, который громко воскликнул:

— Доктор! Что вы делаете?

И это был ее собственный голос.

Шок заставил Кейт действовать. Пальцы ее защелкали переключателями на пульте.

И тотчас же собор залился ярким светом. Она включила прожекторы на полную мощность, и синий свет в тысячу ватт засверкал из склепа. Осмелев, Кейт ринулась к

каменным ступеням.

При слепящем синем свете Кейт могла разглядеть лишь очертания — почти как на негативе. На надгробии лежала фигура, а за ним извивался и корчился в ярком свете настоятель.

— Что вы сделали? — вскричала она, сбегая по ступенькам.

Но настоятель только стонал, упав на колени.

Кейт споткнулась обо что-то на бегу. Наклонившись, она подняла этот предмет и помахала им перед настоятелем, который громко вскрикнул от ужаса.

— Прости меня! — громко воскликнул он, закрыв руками лицо. — Не осуждай меня, — умолял он. — Скажи, что я должен сделать!

Кейт подняла шпагу над безжизненным телом мальчика.

— Нет! — завопил настоятель. — Пощади!

Кейт ощутила какое-то ужасное спокойствие.

— Что вы с ним сделали? — спросила она.

— Прости меня! — задохнулся настоятель. Он схватился за грудь. — Я... я не был собой. Помоги мне... — Он протянул к ней руку, но Кейт возвышалась над ним, суровая и неприступная. — Помоги мне все исправить!

— Как? — спросила Кейт, все еще нависая над ним со шпагой.

— Что угодно, — бормотал он. — Я сделаю все, что угодно. Скажи мне, что делать.

И неведомо откуда к Кейт пришли слова.

— Вы должны отправиться вслед за настоятелем, — сказала она.

Голова настоятеля болталась из стороны в сторону. Казалось, он пытается заговорить. Потом, все еще протягивая к ней одну руку, а другую прижимая к груди, он рухнул на пол ничком...

И тотчас же все исчезло. Настоятель, мальчик на надгробии и само надгробие растворились в темноте, и Кейт осталась одна. У нее кружилась голова, во рту пересохло.

«Где я сейчас? — подумала она. — В каком времени?»

Словно в ответ слышались аплодисменты — кто-то медленно хлопал в ладоши.

— О, превосходно, превосходно, — произнес ужасный голос, который загудел у нее в ушах, как рой насекомых или плохо настроенный радиоприемник. — Отличное представление ты устроила.

Кейт громко вскрикнула и стала шарить по стене в поисках выключателя.

— Думаю, сейчас ты увидишь, что он исчез, — сказал голос.

Кейт лихорадочно шарила по стене, но выключателя не было. Пропали и сами стены склепа. Казалось, что она стоит в темноте, где нет ничего — темнота была такой абсолютной, словно света никогда не было. Где же настоятель?

— Этот старый дурак думает, что ты — Ангел Смерти, — заметил голос.

Кейт закрыла глаза — впрочем, в такой темноте это было неважно. Потом открыла и заставила себя смотреть.

Он был не выше нее. У него было продолговатое бледное лицо, прямые волосы падали на плечи. Он был одет в черное, с белым кружевным воротником, на боку — шпага. Он вырисовывался в темноте, как проекция на черном экране. Кейт хотелось бы, чтобы у нее была шпага, которую она подобрала, но шпага исчезла, как и все остальное.

— Келли, — прошептала она, и этот человек, или дух, или кем бы он ни был, пожал плечами.

— Некоторые называют меня этим именем, — сказал он.

— Ч-что ты сделал с моим отцом? — спросила Кейт.

— Я? — удивился Дух. — Ничего. Пальцем его не тронул.

— Где он?

— Ну, здесь его нет, не так ли? — сказал Дух и так глянул на Кейт, что ее мороз подирал по коже. — Здесь никого нет, кроме нас с тобой.

Дух сделал к ней шаг, и она попятилась.

— Не подходи ко мне, — сказала она.

Внезапно Кейт ощутила какое-то движение, и в темноте замерцал свет. Она посмотрела вниз. Между ней и Духом находилось теперь надгробие из склепа, с четырьмя зажженными свечами — по одной с каждой стороны. Между свечами прежде тут лежало тело мальчика. Теперь его не было.

— Новолуние, — сказал дух. — До тех пор не сработает. Всегда нужно соблюдать эти нудные ритуалы. Капля крови козы тут, ногти из гроба там — я вас умоляю!

Кейт отошла от надгробия, или ей только так показалось — теперь она просто оказалась с другой стороны.

— Тебе приятно будет услышать, что мы обойдемся без всего этого вздора, — продолжил Дух. — Только новолуние — и этот камень вон там, наверху. И, конечно, ты и я.

Кейт взглянула вверх и увидела Камень ангела, возвышавшийся в темноте. Постепенно возвращались на свое место очертания склепа: стены и ступени, ведущие в неф собора. Камень ангела был в стене над склепом. Когда Кейт опустила глаза на надгробие, между свечами лежал Дух — точно так же, как прежде там лежал мальчик.

— Что происходит? — произнесла она слабым голосом.

— Ну, ты же смышленная девочка, Кейт, — похвалил ее Дух. — Я полагал, ты сама догадаешься.

Он уселся на надгробном камне, прихватив свечу. Его короткие толстые ноги свешивались с края надгробия.

— Видала? — сказал он и, запрокинув голову, попытался удержать свечу у себя на лбу, и подхватил ее, когда она начала падать. — Когда-то у меня это хорошо получалось, — похвастался он с легкой улыбкой сожаления.

Кейт слышала, как громко бьется ее сердце. В голове не было ни одной мысли — только какое-то жужжание.

— Кто ты такой? — спросила она, пытаясь отойти подальше, но у нее это не получалось: она только кружила вокруг надгробия. Дух наблюдал за ней, оперевшись на локти.

— Может быть, тебе бы следовало спросить, кто такая ты, Кейт, — или я должен звать тебя Китом?

Кейт проигнорировала это замечание и спросила:

— Где этот мальчик? Где Саймон? — Она вдруг вспомнила его имя. — Что с ним произошло?

— Ну, тут случилось небольшое несчастье, — ответил Дух, не сводя взгляда с ее лица. — Можно сказать, он потерялся.

— Потерялся — где же? — задала Кейт нелепый вопрос, и Дух улыбнулся.

— Ну, если бы мы это знали, он бы вряд ли потерялся, не так ли? — заметил он.

Кейт тряхнула головой, словно пытаясь избавиться от жужжания в ушах.

— Я не понимаю, — сказала она.

— А тебе и не нужно понимать. Достаточно сказать, что все должно было получиться несколько иначе. Мой ученый друг должен был в назначенное время совершить ритуал и послать сознание мальчика в загробный мир, и — ап! — я бы оказался в его теле и пребывал бы там до тех пор, пока оно бы не износилось и не подвернулось бы следующее. Идеальный план. Только ему помешали.

И дух сверлил Кейт взглядом до тех пор, пока волосы у нее не стали дыбом.

— Но действительно... — запинаясь, произнесла она.

— Он тоже потерялся. Вообще-то все мы потерялись, поскольку ритуал был так несвоевременно прерван. Всех нас унесло в тартарары, или как тебе угодно это назвать.

Теперь Дух опирался на один локоть, по-прежнему не сводя глаз с Кейт.

— Из-за того, что ритуал прервали, — продолжал он, — ни один из нас не мог отыскать дорогу назад.

Кейт в ужасе судорожно сглотнула.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала она.

— Ты что, не слушаешь? — возмутился Дух, снова приняв сидячее положение. — И кто же это нас прервал? Как раз когда у нас дело пошло на лад? Кто же отправил нас сквозь чревоотчину во времени? Чревоотчина, — повторил он, почесывая голову. — Хорошо сказано.

Жужжание в ушах у Кейт усилилось. Она прижала пальцы ко лбу.

— Я — не понимаю, — вымолвила она слабым голосом.

— Да? Ну что же, позволь мне изложить это иначе, — сказал Дух, поднимаясь с надгробия.

Мать доченьку с самого детства,
Чтоб той не лишиться наследства,
Звала только Китом —
И все шито-крыто.
Вот только не дай Бог раздеться!

Что-то в этом духе. Настоятель всегда был более силен в поэзии, чем я. А он к тебе привязался Кит, это точно. Хотел оставить тебе свое наследство. И, как ни забавно, в некотором роде так и сделал.

В мозгу у Кейт замелькали образы, но так быстро, что она ничего не разобрала.

— С какой стороны ни взглянуть, это на самом деле одна и та же история, — продолжил дух. — Ребенок ищет отца, отец ищет ребенка, поиски бессмертия. Вот только отец может получить то, что хочет, лишь отказавшись от ребенка.

— Мой отец от меня не отказывался, — слабо возразила Кейт, и Дух удивленно взглянул на нее.

— Да? А тогда что же ты здесь делаешь?

Кейт не могла говорить. «Я так виноват. Я люблю тебя. Твой отец», — было сказано в его записке.

— Чего ты хочешь? — с трудом выговорила она. — Чего ты хочешь от меня?

— Ну что же, давай-ка выясним это, — предложил Дух, похлопывая по освободившемуся месту на надгробии. — Почему бы тебе не дать отдых ногам?

Кейт отпрянула.

— Не дотрагивайся до меня! — воскликнула она.

Ей казалось, что она кричит, но на самом деле ее было едва слышно.

Дух улыбнулся.

— О, надеюсь, у нас не будет в этом необходимости, — сказал он. — Применять силу — это не мой стиль. Я думал, ты просто добровольно здесь приляжешь.

Кейт чуть не рассмеялась.

— Размечтался! — ответила она и отступила от Духа, а он надвигался на нее. — Не подходи ко мне! — закричала она.

Ей казалось, что она отвернулась от Духа и двинулась к лестнице, но вдруг почувствовала, что ее прижали к надгробному камню, и холодный камень врезается ей в тело.

— Кейт, Кейт! — сказал Дух. — Ну для чего тебе жить, на самом-то деле?

Кейт задохнулась от ужаса. Дух стоял перед ней, загораживая путь. На лбу у нее выступил холодный пот.

— Папа! — вдруг позвала она. — Папа! Папа!

Дух засмеялся, и Кейт вдруг увидела вблизи его неприглядные зубы.

— Я же говорил тебе, что здесь никого нет. Твой папа оставил тебе записку, потому что знал, что ты придешь. Это было частью сделки.

— Нет! — воскликнула Кейт, оступилась и начала опрокидываться на надгробие.

Дух наклонился над ней, придавливая ее книзу.

— Я всегда считал, что мне не нужна девчонка, — заметил он. — Как меняются времена, а?

— Отойди от меня! — завопила Кейт и оттолкнула Духа, но это было все равно, что отталкивать мощное силовое поле.

— Все это прекрасное дыхание, — прошептал он и приложил палец к ее губам. Кейт словно ударяло током, когда он нажимал на губы и отпускал в такт ее дыханию. — Вдох — выдох, — мечтательно шептал он. — Вдох — выдох.

Кейт уворачивалась от него, извиваясь, но Дух приподнял ее подбородок и подался вперед, улыбаясь своими ужасными пустыми глазами. Его поцелуй обжег ее губы, как лед. Кейт зажмурилась, задерживая дыхание, и ощутила, что летит в темноту. И в эту минуту зазвонили колокола собора.

Она ничего не видела и не слышала, но чувствовала, что движется к какой-то огромной пропасти. Все, что когда-то существовало, что жило и умерло, одновременно неслось к этой пропасти с невысказанной скоростью. Вокруг краев этой пропасти, как огромный водопад, текли тысячи, тысячи душ, как световые точки, и, казалось, само время и свет переливаются через край.

Кейт знала, что если она упадет в пропасть, ее сознание вырвется и сольется со светом и прахом. Но тут ей пришла мысль, сформировавшаяся в контурах того, что когда-то было ее разумом. И мысль эта была: «Дыши!»

Дыхание — вот то, что есть у нее и чего нет у Духа.

«Дыши!» — сказал голос.

И Кейт выдохнула в холодные губы Духа, потом сделала глубокий вдох и словно бы вдохнула в душу пепел.

Дрожь пробежала по телу Духа, словно от удивления, и их обоих завертело в водовороте.

Кейт дышала все глубже и глубже, так что все полости в ее теле заполнил воздух, а легкие раздулись. Перед внутренним взором проносились образы: ее отец, Саймон и настоятель, и ее жизнь, протекавшая одновременно в двух разных школах. Они промелькнули так быстро, что она не могла их удержать и разобрать, что видела. Она протянула руки и взяла Духа за лицо, ощутив пустоту там, где должны быть уши, и вдохнула ему в губы обжигающий воздух, заряжавший все частицы и процессы в ее теле. И она почувствовала, как его лицо сморщилось у нее в руках, и когда наконец она разжала руки, существо, которое было Келли, понеслось к пропасти.

И тогда в центре этой пропасти произошло великое движение, взрыв энергии, словно она превратилась в гигантский генератор. Существо, которое было Келли, открыло рот, словно хотело закричать, и в следующую секунду его окутал свет. Черный силуэт затрепетал, корчась в ослепительном потоке. Свет хлынул изо рта и глаз. А потом Дух сгинул — просто исчез, как будто его никогда и не было.

А Кейт полетела, кувыркаясь снова и снова, через какой-то тоннель из света.

В голове опять замелькали образы: толпы людей, высокие здания, марширующие армии, колесницы из железа и пламени. И вдруг она осознала, что с большой скоростью летит через рыночную площадь. Вокруг площади стояли черно-белые дома эпохи Тюдоров. Женщина с темно-рыжими волосами в накинутом на плечи синем одеяле стояла перед деревянным столбом. По-видимому, она читала прикрепленное к нему объявление. Мимо проезжал в повозке какой-то мужчина.

Кейт увидела, как женщина отвернулась от объявления и сделала несколько шагов, но потом вернулась назад и протянула руку к объявлению. Кейт ничего не могла поделать: ее пронесло мимо с невероятной скоростью. Она попыталась ухватиться за столб.

— Нет! — закричала она.

И еще успела увидеть, как женщина смотрит на нее в ужасе. Ее рука взметнулась ко рту, и она побежала, а Кейт понесло прочь. А потом ее снова затянуло в тоннель из света.

Саймон стоял у ворот, поджидая мать. Он уже начинал панически бояться, что больше не увидит ее, но наконец-то пришла суббота, когда они учились полдня. Она обещала сегодня с ним встретиться. Когда он увидит маму, то скажет ей, что никогда больше не вернется в школу. Он больше никогда не расстанется с ней.

Мимо него прошло несколько женщин, направлявшихся на рынок, но среди них не было его матери. Саймон стоял у церковных ворот, сжавшись, как пружина, и высматривал ее лицо.

Он сильно замерз. Желтый свет начал угасать, на землю упали первые в этом году снежинки. Холод начал забираться под его шерстяную одежду, и грудь болела, когда он вдыхал воздух. Из носа у него потекло.

Саймон не знал, что делать. Он отупел от бесплодного ожидания. Единственное место, куда могла отправиться мать, — это на рынок, за продуктами. Он колебался, переминаясь с ноги на ногу, опасаясь разминуться с ней, но вдруг повернулся и направился к Смити-дор.

Но не успел он туда добраться, как услышал ее голос.

— Саймон! — звала мать. — Саймон!

И наконец он увидел ее — она спешила к нему, появившись из-за угла. Он побежал к ней, схватил в объятия и не выпускал, пока она не вырвалась со смехом.

— Саймон, ты же сломаешь мне ребра, — сказала она и взяла в руки его лицо.

Саймон задыхался. Ему пришлось так быстро бежать, а теперь нужно поговорить с мамой и добиться, чтобы она поняла.

— Возьми меня с собой, — попросил он на их языке, и лицо мамы смягчилось.

Он видел свое лицо, отраженное в ее глазах. Она долго колебалась, затем кивнула.

— Да, — ответила она. — Мы здесь чужие.

Саймону казалось, что у него разорвется от радости сердце. Он уткнулся лицом матери в шею. Он думал, что никогда больше не увидит ее, — и вот она здесь, с ним. Они больше не расстанутся. Он почувствовал, что она прерывисто дышит, и удивленно взглянул на нее. Она вдруг постарела и стала более хрупкой, и морщины на лице обозначились более четко.

— Саймон, — сказала она. — Я многое делала неправильно. Я совершила так много ошибок...

— Нет, — возразил он, приподнимая ее лицо.

Она закрыла глаза, и ему показалось, что сейчас она упадет.

— Я не знаю, куда нам идти и что делать, — по телу ее пробежала дрожь. — Нам некуда идти.

Саймон коснулся ее глаз.

— Ты здесь, в моих глазах, — сказал он.

Она взглянула на сына.

— Я так устала, — сказала она, и Саймон сразу же увидел внутренним взором упавшую птичку и ощутил внезапную острую боль.

— Я знаю, — прошептал он. И добавил: — Я найду, куда нам идти. — И мать кивнула, прижавшись лбом ко лбу Саймона.

— Я купила еды, — и она показала ему узелок, вынув из-под одеяла.

Он заметил кожаный мешочек, но не спросил, откуда он.

— Нам нужно идти, — вдруг заторопила она Саймона, и он кивнул.

Сняв одеяло с ее плеч, он накинул его им на спины. Потом еще раз взглянул на церковь. И вдруг ему показалось, что она сияет оранжевым светом. Они с матерью замерли на минуту, не отрывая глаз от купола. Потом повернулись и пошли по тропинке, которая вела от церкви, к мосту через реку.

Кружение медленно остановилось, и снова стало темно. Кейт ощущала под ногами плитки, а еще — холодный ночной запах. «Где я сейчас? — подумала она. — И в каком времени?»

Кажется, она сидит на деревянной скамье. Когда она пошарила по скамье, пальцы нащупали что-то металлическое. Фонарик.

Кейт включила его. Бледный луч упал на Камень ангела, на контуры фигуры песочного цвета. Кейт сделала глубокий вдох. Она снова здесь, в соборе, как будто ничего не произошло. Вот перегородка на хорах, вот видеомонитор. Дверь в склеп закрыта. Что же она должна сейчас сделать?

«Я здесь, так? — произнесла она безмолвно. — Что же дальше?»

ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС

Манчестер, наши дни

— Все это здесь, — удивленно произнесла она вслух. — Все это здесь, сейчас.

— Действительно, — подтвердил настоятель.

У Кейт накопилось столько вопросов, что она не знала, с чего начать.

— Как — где я сейчас? — спросила она. — Кто я? Я имею в виду... — Она замялась и стояла, просто глядя на него. «Как же ты можешь быть здесь и беседовать со мной?» — подумала она. Но настоятель лишь улыбнулся и склонил голову набок. Проследив за направлением его взгляда, Кейт увидела женщину с синим одеялом, державшуюся за мальчика, который был немного выше ее. Она прижималась лбом к его лбу.

— Саймон, — прошептала Кейт, и настоятель кивнул. — Но — как?

Настоятель смотрел на Саймона и его мать, а не на Кейт.

— Она пришла на встречу, как и обещала, — сказал он, — благодаря тебе.

И Кейт отчетливо вспомнила, как пересекла площадь, направляясь к женщине и деревянному столбу. «Нет!» — закричала она, и глаза женщины расширились от страха. Она поспешила прочь, а возчик поехал дальше, стегнув лошадь, как будто не заметив женщину.

Сейчас мальчик снял одеяло с плеч матери и накинул им на спины, и они немного постояли, глядя на церковь.

— Это ты все изменила, Кит, — сказал настоятель. — Ты.

Кейт снова посмотрела на Саймона и его мать. Сердце ее учащенно забилось, когда они взглянули в ее сторону. Помнит ли женщина, как Кейт неслась к ней через площадь, или память уже покрыла эту невероятную встречу, как заполняют воды ямку? Они ее сейчас видят?

Но взгляд их был устремлен куда-то мимо Кейт, и лица были просветленные. Кейт повернулась, чтобы узнать, куда они смотрят, и увидела башню собора, освещенную электрическим светом. Она снова повернулась к ним, как раз вовремя, чтобы увидеть, как они уходят от нее, все еще держась друг за друга.

— Они уходят, — сказал настоятель. — Они спасутся от чумы.

У Кейт сильно защемило сердце, когда она смотрела им вслед. Казалось, им неважно, куда идти — лишь бы быть вместе. Кейт снова обратила свой взгляд к настоятелю. В голове ее роились вопросы.

— Что случилось... в склепе? — спросила она.

Настоятель смотрел на нее как-то странно.

— Ты послала меня следом за ним, — ответил он. — Разве ты не помнишь, Кит? Ты послала меня за этим мальчиком.

Кейт задохнулась. Она смотрела на настоятеля, но видела в его глазах своего отца. Она выдернула руку.

— Не играйте со мной ваши шутки, — резко отрезала она. — Где мой отец? Я хочу знать, где мой отец.

И тогда он заговорил с ней голосом отца.

— Я был одним из тех, кто направляет луч света лишь в одну сторону, кто жертвует

всем в погоне за своими видениями. Я был одним из тех, кто пытался победить Темноту, не сознавая, что Темнота и Тайна — вот что имеет значение. Мне потребовались все эти столетия, чтобы понять, что в конце концов мне не нужно знать больше. Ты понимаешь?

Кейт покачала головой — она не могла говорить.

— Нет, конечно, как же ты можешь понять? Мы никогда не видим картину в целом.

Кейт по-прежнему молчала, казалось, утратив дар речи.

— Если бы не умерла мать этого мальчика, — продолжал настоятель голосом, который был одновременно и его собственным, и голосом ее отца, — мальчик никогда бы не пришел ко мне. И я не был бы одержим демоном. Я победил бы его, когда изгнал из своей комнаты. А так мне нужна была помощь. Вмешательство.

Кейт шагнула вперед, схватив настоятеля за руки.

— Папа, это я, Кейт, — сказала она, встряхивая его.

— Я знаю, кто ты, Кит, — ответил отец.

— Перестань называть меня так! — воскликнула Кейт. Она снова тряхнула его с безнадежным видом, и у нее опустились руки. Она вглядывалась в лицо настоятеля. — Мне нужен мой отец, — настаивала она. Голос у нее стал совсем детским, и она отвернулась, боясь, что расплечется.

— Кейт, — сказал отец, и она подняла глаза, и это был он. Это было его лицо.

Она ухватила за него, и он крепко ее обнял.

— Папа, папа! — рыдала она, а он гладил ее по волосам.

Она уткнулась ему в плечо и расплакалась. Она ощущала грубую шерсть его пиджака и знакомый запах отца. Это был ее отец, пытавшийся обучить ее стольким вещам, которые ей не хотелось знать.

Когда она снова подняла на него глаза, он улыбался ей какой-то печальной улыбкой. Она видела у него в глазах свое отражение.

— Папа, — прошептала она.

Он пытался что-то ей сказать, но она не слышала. Он взял ее руку и один за другим начал разгибать пальцы. Потом стал что-то чертить у нее на ладони. Она молчала, следя за его движениями, потом взглянула на свое отражение в его глазах. Он как будто рассказывал историю ее жизни. Она потеряла отца еще до своего рождения, потом ее отняли у матери. Ее отправили в школу, чтобы воспитать в другой вере. А потом она встретила настоятеля, и он спросил, не хочет ли она жить вместе с ним как его дочь.

И вдруг ее словно дернуло током, и она все поняла. Он старался быть ей отцом — этот отец, с его странными настроениями, внезапными отлучками и пьянством.

Но он никогда не был ей отцом.

— Кем я была? — спросила она его взглядом. — Жертвоприношением?

Теперь его губы тоже шевельнулись:

— Прости.

Кейт стало страшно.

— Не уходи, — прошептала она, но она знала, что он должен.

Он никогда полностью не принадлежал к этому миру.

Он дотронулся до ее лица.

— Ты в моих глазах, — сказал он.

И дотронулся до ее века, так что ей пришлось их прикрыть, и она почувствовала, что он изменился и исчез. Когда она открыла глаза, перед ней стоял настоятель и так же печально на нее смотрел.

— Кто же я — Кит или Кейт? — спросила она дрожащим голосом.

— Да, — ответил настоятель.

Она пристально смотрела на него. Столько воспоминаний нахлынуло на нее из двух разных жизней. Но тут снова заговорил настоятель:

— Ты послала меня в путешествие, помнишь? Чтобы я исправил совершенное мною зло. Но я захватил тебя с собой как мою дочь Кейт. Для тебя не было места в той жизни.

«Кто же протащил нас сквозь червоточину во времени?» — сказал ей тогда Дух.

И все сложилось в уме Кейт: ритуал в склепе, который она прервала, тоннель из света, ее пропавший отец. Она покачала головой, ровным счетом ничего не понимая.

— Но — как? — спросила она. — Как же тебе удалось взять меня с собой?

Настоятель вздохнул.

— Разве ты не помнишь, как я беседовал с тобой о времени? — напомнил он, и Кейт сразу же вспомнила, как отец протыкал иглой лист бумаги.

«Если точка А — настоящий момент, — сказал он, — а точка Б — какой-то момент четыреста лет тому назад, то точка А фактически ближе к точке Б, нежели к любому моменту раньше или позже... — и он проткнул иглой бумагу, соединяя складки. — Но что же соединяет эти точки? — продолжил он. — Какая-то сила, энергия или мощь, способная сгибать свет и время...»

Настоятель пристально за ней наблюдал.

— Это была сила ритуала, — сказал он. — Камень ангела.

У Кейт оставалось еще столько вопросов, что мысли ее путались.

— Мы прошли сквозь лазейку в другое время, — продолжал он, — в другой мир. Но мы захватили с собой самое главное, что у нас было. Мою одержимость бессмертием, мой интеллект и ученость. Ты...

— Я была посторонней, — закончила за него Кейт.

Она была обеими, и Китом, и Кейт. Доктор Ди был также и ее отцом. Она этого не понимала, но именно так было. Тайна.

— Ты захватила с собой свое мужество, — сказал настоятель. — И теперь у тебя есть выбор.

— Выбор? Какой выбор?

Настоятель посмотрел куда-то, и она проследила за его взглядом. Перед ней лежали два мира.

— У тебя есть выбор, Кит, — повторил он. — Ты можешь выбрать время, в котором хочешь жить.

У него блестели глаза. Она не вполне понимала, что он имеет в виду. «Выбери время, в котором ты хочешь жить»?

Кейт не могла себе представить, что возвращается в прежнюю жизнь Кита в школе и продолжает притворяться мальчиком. Там для нее нет места. Но там нет места и для настоятеля.

— Что ты будешь делать? — спросила она.

Настоятель медленно покачал головой, глядя в два разных мира.

— Я причинил достаточно зла, — сказал он. — Я вернусь в свой дом в Мортлейке и буду вести тихую жизнь — сколько мне еще осталось.

Взглянув на нее, он мягко произнес:

— Ты могла бы пойти со мной, Кит. Предложение все еще в силе. Ты можешь жить и работать вместе со мной как моя дочь. Я оставлю тебе все, что у меня есть. Правда, у меня мало что осталось, — добавил он с иронической усмешкой.

«Он откажется от всего», — подумала она. От шанса жить другой жизнью — жизнью гораздо более молодого человека, чьи исследования в области бессмертия действительно могли бы принести свои плоды. Он не будет жить в этом современном мире и не будет ее отцом.

И Кейт ясно представился ее выбор. Она может вернуться в семнадцатый век, с его предрассудками и ограничениями — или остаться в этом веке, с иными предрассудками и ограничениями — расовыми предрассудками и предубеждением против бедности. И в любом случае она будет девочкой, а не мальчиком.

Она прикрыла глаза. В этом веке она не будет страдать от религиозного преследования. И сейчас для женщин открыто больше возможностей. Она может упорно трудиться, чтобы получить образование — как всегда умолял ее отец.

Ее отец. Но теперь отца не будет. Ее воспоминания о нем уже ускользали, как песок в песочных часах, а вместе с ними уходила боль, хотя еще и оставался страх. Она будет жить самостоятельно, и будет бедной, и ей придется страдать из-за разных предрассудков. Что с ней будет? Как она будет жить в этом доме одна? Социальная служба не оставит ее в покое, подумала Кейт.

Настоятель все еще ждал ее ответа, наблюдая за ней темными-темными глазами.

— На каждой из дорог есть свои опасности, Кит, — сказал он.

И в этот момент она сделала свой выбор.

— Если тебе все равно, то, думаю, я останусь здесь.

Настоятель тяжело вздохнул и сказал:

— Ты знаешь, что это означает. Тебе нелегко придется.

— Ну что же, рискну, — ответила Кейт. И ей вдруг стало легко оттого, что она сделала такой выбор. В том, другом мире, у нее нет будущего — во всяком случае, такого, как она хочет. А тут у нее есть возможности. — Со мной все будет в порядке.

Настоятель как-то странно на нее смотрел. Он был охвачен волнением, и, казалось, в глазах его читалось восхищение. Старомодным жестом он приподнял перед ней шляпу.

— Да, — сказал он, — полагаю, что так и будет.

Кейт хотела было что-то спросить, но он прижал палец к губам.

— Разве я не говорил тебе, что только тайна — вот что имеет значение?

А потом он снова приподнял перед ней шляпу и улыбнулся, и все расплылось у нее перед глазами, а когда она моргнула, он исчез. А вместе с ним исчезли и таверны на Лонг Миллгейт. Здания школы Четем и станция «Виктория» были освещены ярким электрическим светом, автомобили с шумом проезжали по Динзгейт. Кейт с минуту вглядывалась вдаль, словно ища этот невидимый мир, потом повернулась и медленно побрела прочь от собора.

А когда она проходила мимо ворот, Кейт почудилось отдаленное эхо шагов, удалявшихся в иное время, тогда как ее собственные шаги звучали в направлении настоящего.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Я весьма вольно обошлась с историей доктора Джона Ди (1527–1608), ученого и философа елизаветинской эпохи, известного как «Чародей королевы».

Ди был блистательным ученым и математиком, который первым применил эвклидову геометрию в навигации, сконструировал приборы, позволившие флоту использовать эти познания. Он перевел Эвклида и написал известное «Математическое предисловие» к трактату Эвклида, которое считалось определяющей работой того времени. Он обучал первых великих мореплавателей и разработал карты, на которые нанесены Северо-Восточный и Северо-Западный проходы. У него была самая большая библиотека в Англии — по приблизительным оценкам, от четырех до десяти тысяч книг. Он разработал новые подходы и к архитектуре, и к театру.

В те времена наука и магия были тесно переплетены. Доктор Ди был алхимиком и каббалистом, знатоком эзотерического и оккультного учений. В начале своей карьеры он был посажен в тюрьму королевой Марией за то, что составил для нее неблагоприятный гороскоп, а позже неосторожно предсказал коронацию королевы Елизаветы I. Он также предсказал смерть Марии Стюарт, королевы шотландцев, и вторжение испанской армады. Говорят также, что он наложил проклятие на испанскую армаду, и поэтому была плохая погода и англичане победили. Это упрочило его репутацию колдуна. Шекспир изобразил его в образе Просперо, а Марлоу — в образе Фауста.

Сегодня его признают одним из величайших мыслителей эпохи Ренессанса, но некоторые считают, что гений довел его до помешательства. Другие приписывают его падение связи с Эдвардом Келли (1555–1593/95/97?), законником, обвиненным в махинациях с земельными участками, мошенничестве и чеканке монет.

Ди и Келли познакомились примерно в 1579 году, и Келли убедил Ди, что может превращать свинец в золото и передавать сообщения от ангелов с помощью магического кристалла: согласно этому методу нужно вглядываться в кристаллический шар или в зеркальную поверхность обсидиана.

В 1583 году Келли и Ди создали «Книгу Еноха» на особом языке, который они называли енохианским. Эту книгу якобы продиктовали Келли ангелы, а расшифровал ее Ди. Как утверждал Келли, в этом языке содержится подлинная истина Господня.

Однако в 1584 году Келли убедился, что глава секретной службы королевы Елизаветы, сэр Фрэнсис Уолсингем, установил за ними слежку, и они сбежали в Польшу, а затем — ко двору императора Рудольфа II.

За этим последовало еще несколько путешествий, но в 1589 году Ди и Келли расстались. Келли вернулся ко двору Рудольфа II, где ему покровительствовали, поскольку он обещал открыть тайны философского камня. Это было конечной целью алхимии. Философский камень позволял превращать простые металлы в золото, а также служил ключом к бессмертию. В Праге Келли лишили свободы — вероятно, за то, что ему не удалось получить ни золота, ни бессмертия. Точные обстоятельства его смерти неизвестны, и называют разные годы: 1593, 1595 или 1597. Однако большинство источников сходятся в том, что он умер при попытке к бегству из тюрьмы, использовав скрученные простыни.

Между тем доктор Ди вернулся в Англию: королева Елизавета I выдала ему разрешение на право заниматься алхимией, но он не владел никакой официальной должностью, пока она не назначила его настоятелем коллегиальной церкви в Манчестере (теперь это собор). Это было весьма непопулярным назначением. В то время усиливался страх перед колдовством и оккультизмом, а Манчестер раздирала религиозная борьба. На одном берегу реки селились радикальные пуритане из Сэлфордской Сотни, тогда как, несмотря на преследования, влиятельные католические семьи все еще оставались в Ланкашире. В сельских областях, за городом, все больше занимались колдовством. В это время члены церковной коллегии пытались установить и поддерживать правление англиканской церкви. У этой церкви были другие молитвы, облачения священников и службы, введенные незадолго до этого. Репутация доктора Ди опережала его — его подозревали в некромантии — вызове духов умерших, спиритизме и колдовстве. Считалось, что он в сговоре с Дьяволом.

Человеку практически невозможно избавиться от репутации, какой бы несправедливой она ни была, и назначение доктора Ди было непопулярно у всех фракций. Хотя сохранилось мало записей о том времени, когда доктор Ди жил в Манчестере, даже эти скудные сведения показывают, что ему приходилось нелегко. Однажды толпа уничтожила его великолепную библиотеку и лабораторию, а когда в 1605 году в Манчестере вспыхнула страшная чума, он исчез при загадочных обстоятельствах. Умер он в 1608 году в Мортлейке. У Джона Ди была жена, которая умерла во время чумы, и восемь детей, ни один из которых не упоминается в этой книге. Он был основателем ордена розенкрейцеров, который был реакцией протестантов на иезуитов, а енохианские, или ангельские, ключи до сих пор используются в оккультизме.

В то время как Саймон и его мать — вымышленные персонажи, цыган действительно убили в Шотландии после того, как пообещали, что у них будет там собственная земля.

Ливи Майкл

ПОЛОСА БЛАГОДАРНОСТИ

Многие люди оказывали мне содействие в создании этого романа. Выражаю свою признательность сотрудникам библиотеки «Четхэм лайбрери» Майклу Пауэлу и Фергусу Уайльду; Кэрол Дэвис за консультации и рекомендации и Айану Хантону за техническую поддержку и помощь в использовании технической терминологии.

Выражаю особую благодарность моему агенту Филиппе Милнес-Смит и редактору Пиппе ле Квесне за поддержку, неустанный труд и старания, явно превосходящие их служебные обязанности.